

BOOKTRAN

БРАТСТВО ДОРОГИ

РАССКАЗЫ ИЗ ЦИКЛА
«РАЗРУШЕННАЯ ИМПЕРИЯ»

МАРК ЛОУРЕНС

Сборник рассказов из цикла «Разрушенная империя». Эти рассказы предназначены для читателя, который уже прочел трилогию «Разрушенная Империя». Если вы этого еще не сделали, не читайте их. Они содержат спойлеры по этим книгам.

Информация о переводчиках

«Выбор режима»

Перевод: Bazalmon, SchwammKopf, paloozer

Редактура и вычитка: zhuzh, SchwammKopf, paloozer, Lyuda_m, Rediens, Inoplanetjanec

«Секрет»

Перевод: Inoplanetjanec, TheMalcolm, Bazalmon

Редактура и вычитка: Inoplanetjanec, marmax, Anahitta

Остальные рассказы

Перевод: Inoplanetjanec, Bazalmon

Редактура и вычитка: Inoplanetjanec, marmax, Anahitta

Главный редактор перевода: Сергей (Inoplanetjanec) Капцан

Локализация обложки: E.W.

Booktran, 2015-2016 гг.

Если вы хотите отблагодарить переводчиков и поддержать проект, добро пожаловать на www.booktran.ru.

Содержание

Вступление	5
Спасение	6
Спящий красавец	11
Дурное семя	27
Природа зверя	34
Выбор режима	38
Милосердие	44
Достойное имя	50
Выбор	61
Секрет	68
Познай себя	75
Благодарности	84

Вступление

Все свои писательские навыки я приобрел в процессе написания рассказов. Это хороший жанр, чтобы оттачивать мастерство, но, к сожалению, ужасный способ зарабатывать писательством на жизнь. Когда-то рассказы оплачивались гораздо лучше и на них был хороший спрос. Сейчас, в эпоху больших толстых романов фэнтези, многие читатели просто не представляют, как можно вжиться в атмосферу рассказа. Им кажется, что короткая форма не позволит им погрузиться в мир и вместе с героем совершить эпическое путешествие.

В наши дни основным рынком сбыта рассказов являются сборники, составители которых часто просят меня написать для них короткие истории. Сборники – это прекрасно, но у них есть один недостаток: для попадания туда почти всегда нужно быть достаточно известным писателем. Поэтому там вряд ли будут печататься издававшиеся ранее авторы, каким когда-то был и я.

Составители сборников любят, чтобы рассказы основывались на мире из ваших уже изданных книг. Это помогает заинтересовать читателей, если одного лишь вашего имени окажется недостаточно. И так, ради участия в сборнике, я начал выстраивать цикл рассказов из мира «Разрушенной Империи», связанных с эпизодами из жизни Йорга и его товарищей.

У сборников есть и другие положительные свойства – как правило, после их издания вам довольно быстро возвращают права на публикацию рассказов. Так у меня появился цикл рассказов о Разрушенной Империи, которые я мог опубликовать одной книгой. Поэтому в дополнение к шести уже вышедшим в разных сборниках рассказам я написал еще четыре и собрал все десять в одном томе. Отметая основное опасение читателей, что им не удастся погрузиться в атмосферу происходящего, скажу, что вы уже пустились в эпическое путешествие вместе с персонажами моих историй, поэтому смело наслаждайтесь новыми встречами.

Добавлю, что 43 000 слов этого сборника составляют чуть более половины объема «Принца Терний». Многие рассказы содержат отсылки к событиям трилогии «Разрушенная Империя», так что будьте внимательны.

Надеюсь, все вы получите удовольствие от очередного погружения в жизнь Йорга и его братьев. Это великолепный цикл, и мне было жаль с ним расставаться.

К каждой истории я написал коротенькие примечания... потому что мне так захотелось!

Спасение

– Я потратил год, чтобы выследить людей, которые сожгли мой дом. Я гнался за ними через три королевства.

– Понимаю, – отложив перо, старик посмотрел на Макина через стол.

Макин выдержал его взгляд. Длинная белая борода этого королевского представителя была не шире его узкого подбородка и, ниспадая вдоль груди, завитком ложилась перед ним на столе. Он не задавал никаких вопросов, но что-то заставляло Макина говорить.

– Я искал их, чтобы заставить заплатить за жизнь моей жены и ребенка. – Даже сейчас в нем вскипел гнев, от вспыхнувших воспоминаний чесались руки, а от звучащих в ушах воплей ему хотелось кричать.

– Ну и как? Помогло? – Лундист внимательно смотрел на него темными глазами. Стражники говорили Макину, что этот человек прибыл с Внешнего Востока и король Олидан нанял его обучать своих детей, но, казалось, его обязанности распространялись гораздо шире.

– Помогло? – постарался сдержать рычание в голосе Макин.

– Да, – сложил перед собой руки Лундист, соединив кончики пальцев на уровне груди. – Месть облегчила твою боль?

– Нет.

Когда Макин ложился спать, когда он закрывал глаза, перед его взором возникало голубое небо – синяя полоска небосвода над канавой, в которой он лежал, раненый и истекающий кровью. Полоска цвета морской волны, обрамленная травой и сорняками, черными на фоне яркого дня. К нему возвращались голоса – резкие крики пехотинцев, преследующих обитателей его дома. Треск пламени, добравшегося до крыши. Церис, спрятавшаяся от огня, как велела ей мать. Храбрая девочка трех лет отроду. Она хорошо спряталась, и никто ее не нашел, только дым, который задушил ее под кроватью, прежде чем пламя начало свое пиршество.

– ...твой отец.

– Прошу прощения?

Макин понял, что Лундист снова заговорил.

– Капитан стражи принял тебя в охрану на стенах, так как мне стало известно, что твой отец связан с семьей Анкрат, – сказал Лундист.

– Я думал, эта проверка...

– Было важно понять, насколько хорошо ты сражаешься, – и твои навыки владения мечом очень впечатляют, – но чтобы служить в замке, ты должен заработать доверие, а род для этого много значит. Ты третий сын Аркланда Борты, лорда Трента, провинции, изрядную часть которой можно накрыть скатертью короля. Сам ты безземельный. Овдовел в двадцать один год.

– Понимаю, – кивнул Макин. Он обезоружил четверых нападавших на него людей сэра Грэма. На следующий день некоторые из них могли похвастать парочкой здоровенных синяков, хотя мечи были деревянные.

– Люди не любят тебя, Макин. Ты это знаешь? – поднял глаза от бумаг Лундист. – Они говорят, что ты человек, с которым непросто ладить.

Макин сделал усилие, чтобы прогнать с лица хмурый вид:

– Обычно я неплохо схожусь с людьми.

– Ты... – Лундист обвел пальцем написанное, – тяжелый человек, обычно пребывающий в мрачном настроении, склонный к жестокости.

Макин пожал плечами. Так оно и было. Он уже стал подумывать, куда пойдет, когда Лундист выставит его из стражи.

– К счастью, – продолжил Лундист, – король Олидан считает, что такие качества стоят того, чтобы держать у себя на службе людей, которые отличаются

умением отнять жизнь по его приказу, или защитить его владения. Тебе предписано заступить на службу по охране замка на постоянной основе.

Не зная, что и думать, Макин поджал губы. Казалось, королевская служба – это именно то, что ему было нужно после такого долгого, насыщенного кровавыми событиями года. Снова пустить корни. Служба, обязанности, обретение новых целей после долгого бесцельного шатания. Но, когда он уже было решил, что его выставили, что он, как и прежде, выброшен в одиночестве на дорогу, на какое-то мгновение он даже обрадовался этому.

Макин встал, отодвигая стул, который предложил ему Лундист.

– Я постараюсь оправдать оказанное мне доверие.

Макин вспомнил ту канаву. Церис верила в него слепой верой ребенка. Несса верила в него, в его слова, в Бога, в справедливость... и из-за этой веры оказалась пригвожденной копьем к земле на кукурузном поле за собственным домом. Он снова увидел синюю полоску неба.

Наклонившись над гробсбухом, Лундист принялся царапать пером по пергаменту.

И когда Макин уже повернулся, чтобы уйти, наставник снова заговорил:

– Жажда мести как голод, но ее невозможно утолить. Вместо этого она пожирает человека, который ее кормит. Удалить месть из мира. Это единственное лекарство.

Макин не был уверен, стоит ли ему отвечать, и лишь стиснул зубы. Что мог знать какой-то старый дряхлый писарь о мучившей его боли?

– Между молодостью и старостью лежит пропасть, края которой невозможно соединить словами, – печально произнес Лундист. – Иди с миром, Макин. Служи своему королю.

***

– Дом Исцеления горит! – ворвался в дверь барака стражник.

– Что? – вскочил Макин с койки с мечом в руке. Он расслышал слова. Возглас «что» вырвался непроизвольно, чтобы выгадать немного времени и переварить услышанное. Он глянул на клинок в своей руке. Вряд ли тот поможет справиться с огнем. – На нас напали?

Ни один безумец не отважился бы атаковать Высокий Замок, но, с другой стороны, королева и два ее сына попали в засаду лишь в дне пути от столицы. Выжил только старший, да и то едва.

– Дом Исцеления горит! – повторил мужчина, дико озираясь. Макин признал в нем Аубрека, второго сына земельного рыцаря, здорового новобранца, больше привыкшего жить в деревне, чем в замке. – Горим! – Все в казарме повскакивали с кроватей, хватаясь за оружие.

Оттолкнув Аубрека, Макин выглянул в ночь. Двор был залит оранжевым светом, а в его противоположном конце, в полукруглых арках окон зала Исцеления, облизывая каменную кладку, мелькали языки пламени.

В тених метались обитатели замка, раздавались крики тревоги, но осадный колокол безмолвствовал.

– Пожар! – взревел Макин. – Всем за ведрами! Бегом к восточному колодцу!

Проигнорировав свои же приказы, Макин бросился прямо к зданию, которое когда-то было церковью дома Орра. Когда Анкраты сто двадцать лет назад овладели Высоким Замком, они построили другую церковь – больше и просторнее, оставив эту как лечебницу для больных и раненых. Правильнее сказать, для выхаживания своих солдат.

За несколько ярдов от стены на Макина дохнуло жаром.

– Дело рук дьявола! – услышал он голос брата Глена позади себя.

Макин обернулся, взглянув на приземистого монаха, остановившегося в нескольких ярдах в нерешительной позе, отблески пламени плясали на его тонзуре.

– Мальчик там?

Брат Глен стоял, загнипнотизированный пламенем.

– Очищение огнем...

Макин схватил монаха за грудки, приподняв его над землей:

– Мальчик! Принц Йорг еще там?

Последнее, что слышал Макин о ребенке, было то, что тот до сих пор восстанавливается после нападения, которое унесло в могилу его брата и мать.

Блаженное лицо монаха исказилось гримасой досады:

– Он... может быть.

– Нужно туда попасть!

Во время нападения, произошедшего больше недели тому назад, юный принц спрятался в терновнике. Многочисленные раны от шипов гноились, несмотря на примочки, которые монах Глен постоянно делал ему в Доме Исцеления. Сам он не выберется.

– Он одержим дьяволом – мои молитвы не возымели никакого действия на его лихорадку. – Опустившись на колени, монах молитвенно сложил перед собой руки. – Если Господь убережет принца Йорга от огня...

Отпустив монаха, Макин побежал вокруг здания к задней стене, где была маленькая, ведущая на хоры дверца. Чтобы спастись от пожара, девятилетнему мальчику, охваченному лихорадкой, потребуется нечто более действенное, чем молитвы.

Позади него раздавались крики, но из-за рева вырывающегося из окон пламени их смысл невозможно было разобрать. Подойдя к двери, Макин схватился за железную ручку, которая обожгла ему ладонь. Похоже, дверь была заперта, но он, заревев уже сам, навалился на нее и почувствовал, что та поддается. Пламя жадно всосало воздух через образовавшуюся щель. Дверь внезапно распахнулась, и мимо него в старую церковь ворвался ветер. Водоворотом закружился дым, заполняя коридор позади.

Любое живое существо боится огня. Здесь не бывает исключений. Он является воплощением смерти. Боли и смерти. И Макина сковал страх, удерживая его в дверном проеме, пока не стих ветер. Он не знал мальчика. За время службы в замковой страже короля Олидана Макину довелось видеть молодых принцев от силы раза три. В его обязанности не входило общаться с ними – только лишь охранять периметр. И тем не менее он все же стоял здесь, в самом сердце огня.

Первый же вдох сжал горло Макина спазмом. Все фибры его души противились тому, чтобы он окунулся в это пекло. Никто не осудил бы его за отступление, а если бы и нашлись такие, то у него в замке не было друзей, чьим мнением он бы дорожил. Ничто не удерживало его на службе, кроме пустых обещаний и смутного чувства долга.

Макин сделал шаг назад. На мгновение вместо вьющегося дыма он увидел полоску хрупкого голубого неба. К рассвету здесь останутся лишь почерневшие балки и обрушившиеся стены. Много лет назад, когда его вытащили из той канавы, скорее мертвого, чем живого, его пронесли мимо развалин дома. Он тогда не знал, что там, под обуглившимися камнями и зловонными головешками, лежала Церис.

Макин сам не заметил, как оказался внутри, его окружил горячий, густо пропитанный дымом удушливый воздух. Он не мог вспомнить, когда принял решение войти. Согнувшись, он обнаружил, что под слоем самого едкого дыма можно кое-как дышать, и со слезящимися от дыма глазами, шатаясь двинулся вперед.

Короткий коридор вывел его в большой зал. Здесь купол дыма поднимался выше – темный, клубящийся покров, до которого он мог бы дотянуться рукой.

Пламя взбиралось по стенам везде, где гобелены или панели давали ему такую возможность. Ревущий треск оглушал его, жар выдавливал из глаз слезы. Как только он миновал тлеющий на стене гобелен, тот вспыхнул по всей длине ярким пламенем.

В комнате стояли ряды больничных коек, многие опрокинуты или перевернуты. Макин попытался набрать воздуха, чтобы позвать принца, но жар опалил легкие, и он задохнулся. Мгновение спустя он стоял на коленях, хотя и не думал падать.

– Принц Йорг... – прошептал он.

Жар огромной ручищей придавил его к каменному полу, выжимая последние силы, расслабляя каждую мышцу. Макин знал, что здесь ему и суждено умереть.

– Церис, – произнесли губы имя дочери, и он увидел ее, бегущую через луг, светловолосую, озорную. У него просто не было слов, чтобы описать ее красоту. И впервые за все время это видение не вызвало у него терзающего чувства скорби.

Прижавшись щекой к каменному полу, Макин увидел принца, тоже лежащего на полу. За огромным камином, в ворохе свалившегося с коек белья, среди тряпья он увидел лицо.

Макин пополз, руки прямо на глазах покраснели и покрылись волдырями. Куль, на который он наткнулся в дыму, оказался мужчиной, мускулистым монахом, больничным служкой по имени Инч. Ему на руку свалилось горящее бревно. Мальчик и сам выглядел не лучше мертвеца: бледное лицо, закрытые глаза, но огонь еще не успел до него добраться. Схватив мальчика за ногу, Макин потащил его обратно через зал.

Казалось, тянуть девятилетнего ребенка было тяжелее, чем волочить за собой павшего жеребца. Задыхаясь и царапая каменный пол, Макин продвигался вперед. Купол дыма висел уже всего в нескольких футах над полом, темный, горячий и смертоносный.

Протащив так и себя, и мальчика еще с ярд, Макин безвольно повалился на пол:

– Не могу.

Даже рев огня теперь казался ему далеким. Если бы не жар, он бы уже заснул.

Он скорее почувствовал их, чем увидел. Они появились по обе стороны от него, светящиеся сквозь дым. Несса и Церис, соединив над ним руки. Он почувствовал их, как не чувствовал с самого дня их смерти. Обе остались без погребения. Когда маленький, наполненный пеплом и костями, покрытый лилиями гробик опустили в холодную землю, в нем не было Церис. Несса не слышала певшего для нее хора, хотя Макин оплатил певцам дорогу из Эверана и выбрал ее любимые псалмы. Ни одной из них не было рядом, когда он расправлялся с убиенными их людьми. Эти убийства замарали его, отдалили от тех, за кого он стремился отомстить. Но сейчас стоящие рядом Несса и Церис, молчаливые и внимательно наблюдающие, придали ему сил.

***

– Мне сказали, что ты был весь в саже и дымился, когда выбрался из Дома Исцеления.

Король Олидан наблюдал за Макином со своего трона, застывшие глаза холодно смотрели из-под железной короны.

– Я не помню этого, ваше величество. – Первое, что мог вспомнить Макин, это выворачивающий наизнанку кашель, когда он лежал в казармах с обожженной спиной и болью, которую отказывался воспринимать разум. Несколькими часами ранее он отдал принца под опеку монаха Глена.

– Сын тоже ничего не помнит, – сказал король. – Он сбежал из-под присмотра монаха и в бреду отправился в лес. Отец Гомст говорит, что лихорадка отпустила принца лишь спустя несколько дней после того, как его поймали.

– Я рад этому, ваше величество.

Макин пытался не шевелить плечами, несмотря на зудящие раны, которые только теперь, после нескольких недель лечения, перестали сочиться.

– Я хочу, чтобы принц Йорг оставался в неведении относительно твоей роли, Макин.

– Слушаюсь, ваше величество, – кивнул Макин.

– Должен сказать, сэра Макин, – король поднялся с трона и спустился с помоста. Его шаги эхом разносились под низким потолком тронного зала, – ты заслуживаешь быть моим придворным рыцарем. В знак признательности за тот риск, которому подвергся ради спасения моего сына.

– Благодарю, ваше величество, – склонил голову Макин.

– Сэр Грэм говорит, что ты стал другим человеком, сэра Макин. Королевская стража с радостью приняла тебя в свои ряды. Он говорит, что у тебя много друзей... – Король остановился за его спиной, шаги на мгновение стихли. – Моему сыну не нужны друзья, сэра Макин. Он не должен ожидать, что его спасут, случись вдруг несчастье. Я не хочу, чтобы он был кому-то обязан. – Неспешным равномерным шагом король обошел Макина. Они были одного роста, оба высокие, сильные, только король на десять лет старше. – Юный Йорг опален болью, которую ему довелось принять. Его снедает жажда мести. Мой род всегда приветствовал подобную целеустремленность, так необходимую королю. Престола не завоевывают слабаки. Они достаются исключительно людям жестким, холодным, целеустремленным. – Король Олидан прошел перед ним еще раз, удерживая глазами взгляд Макина, и Макин, глядя в них, испугался больше, чем в тот миг, когда он смотрел в пасть огня. – Мы друг друга поняли, сэра Макин?

– Да, ваше величество, – отвел взгляд Макин.

– Можешь идти. Сэр Грэм объяснит тебе твои новые обязанности.

– Да, ваше величество. – Повернувшись на каблуках, Макин двинулся в долгий путь к широким дверям.

И весь этот путь он прошел, ощущая на себе тяжесть королевского взгляда. Только после того, как дверь за ним закрылась и он дошел до парадной лестницы, Макин произнес слова, которые не мог сказать Олидану, которые король никогда не услышит. Но он произнес их вслух:

– Это не я спас твоего сына. Это он меня спас.

Возвращаясь к своим обязанностям, Макин знал, как бы далеко ни завела ребенка жажда мщения, она никогда не удовлетворит его, никогда не заживут его раны. Принц может вырасти таким же холодным и опасным, как его отец, но Макин будет охранять его, даст ему необходимое время, потому что в конце концов ничто не сможет спасти мальчика, кроме его собственного момента в дверном проеме с его собственным огнем впереди и собственной трусостью за спиной. Конечно, Макин мог рассказать ему об этом, – но в этом мире не одна пропасть... и некоторые из них невозможно соединить словами.

Примечание. Для меня Макин всегда был интересным персонажем, таким неудавшимся отцом-наставником, если угодно. Он призван служить Йоргу критерием нравственности, но слишком часто оказывается захваченным силой его личности и хаосом / жестокостью той жизни, в которую оказался втянут. Мы болеем за то, чтобы он нашел себя.

Спящий красавец

Меня разбудил поцелуй. Прохладный поцелуй вынул меня из горячих недр сновидения. Чьи-то губы коснулись моих, коснулись глубин, в которых я находился, темноты, в которой я пребывал. Я узнал ее и позволил ей увести себя.

– Катрин? – беззвучно произнес я ее имя. Белизна ослепила меня. Я закрыл глаза и вновь погрузился в темноту. – Катрин? – прошептал я на этот раз вслух. Проклятье, как же болит горло.

Я повернул голову. Это оказалось непросто, словно мышцы пытались вращать мир вокруг меня, в то время как я оставался неподвижным. Белый потолок сменился белыми стенами. В поле зрения попала блестящая поверхность из нержавеющей стали.

Теперь помимо ее имени я знал еще кое-что. Знал белые стены и стальной стол. Где я, кто я – это еще предстояло выяснить.

Йорг. Это имя казалось верным. Оно хорошо ложилось на язык и подходило мне по ощущениям. Жесткое и прямое.

Мне были видны длинные черные волосы, беспорядочно разметавшиеся от моей щеки по блестящему столу и свисающие с его края. Это по ним взобралась Катрин, чтобы донести свой поцелуй? Мой взгляд блуждал, а вместе с ним и мысли, словно я был пьян... или того хуже. Я не помнил себя. Я еще не мог сказать, кто я, но уже достаточно соображал, чтобы задать такой вопрос.

Образы сменяли друг друга, преображая комнату. Имена всплывали из глубин моего сознания. Вьена. Когда я уезжал из Вьены, цирюльник остриг меня почти наголо. Я помню, как щелкали его ножницы и темные пряди волос падали на вымощенный плиткой пол. Хакон посмеялся, когда я с обритой головой вышел в осеннюю стужу.

Хакон? Я попытался развесить детали его образа в пустоте, окружавшей это имя. Высокий, стройный... не старше двадцати, короткая борода под самым подбородком перехвачена железным кольцом.

– Йорг Лысый! – поприветствовал он меня и разметал по плечам свою золотую гриву, ярко горевшую на фоне волчьих шкур.

– Следи за языком, – беззлобно ответил я. Эти скандинавы не слишком почтительны к особам королевских кровей. Да, собственно, и я тоже. – Неужели пропала вся моя красота? – притворился я опечаленным. – Иногда на войне приходится чем-то жертвовать, Хакон. Я расстался со своими великолепными волосами. Потом смотрел, как они горят. В битве человека со вшами я вышел победителем, а на тебе, друг мой, они по-прежнему кишат. Я пожертвовал одной прелестью ради другой. Свою красоту я обменял на удовольствие слышать вопли врагов. Они тысячами гибли в огне.

– Вши не вопят. Они лопаются.

Я вспомнил ощущение ежика волос под рукой, когда гладил голову, силясь найти подходящий ответ. Я попытался коснуться волос, разметавшихся передо мной по стальной поверхности, но обнаружил, что руки мои связаны. Попытался сесть, но меня удержал ремень на груди. Еще пять ремней приковывали меня к столу: они были переброшены через грудь, живот, бедра, колени и лодыжки. Больше на мне ничего не было. Из стеклянных бутылочек, висевших надо мной на стойке, к венам на левом запястье тянулись трубки.

Эта комната, это белое помещение без окон было сооружено людьми не из Разрушенной Империи. Ни один кузнец не смог бы сделать такой стол, и эти гибкие трубки превосходят мастерство любого королевского алхимика. Я проснулся вне времени, в каком-то пристанище Зодчих, куда меня вывели грезы и поцелуй.

Поцелуй! Я резко повернул голову, взглянув через плечо, почти ожидая увидеть там Катрин, молча застывшую у стола. Но нет – только стерильные белые

стены. И все же ее запах продолжал висеть в воздухе. Белый мускус, едва уловимый, но более реальный, чем сон.

Я, стол, простая комната с четко очерченными углами, тепло и свет, исходящие от какого-то невидимого устройства. Тепло обволакивает меня. Последнее, что я могу вспомнить, – холод. Хакон и я пробираемся через заснеженные леса восточной Словы в неделю пути от Вьены. Мы старались вести лошадей между сосен, где ветер не успел намести сугробы. Мы оба кутались в меха. Лишь капюшон и волосы длиной с четверть дюйма оберегали мою голову от замерзания. Зима свалилась на нас, сурово, рано и без предупреждения.

– Извращенский холод, – для чего-то произнес я, выдохнув клуб пара.

– Ха! Настоящие северяне такую погоду называли бы весенней. – Бороду Хакона покрывал иней, а руки он упрятал в кожаные рукавицы на меху.

– Да? – Я продирался сквозь сосновые ветви, которые с хрустом ломались, рассыпая иней. – Тогда почему ты выглядишь таким же замерзшим, как и я?

– А-а. – От усмешки его покрасневшие на ветру щеки покрылись морщинами. – На севере мы сидим у очага до лета.

– Нам следовало остановиться у того последнего очага. – Я барахтался в снегу, пробираясь вдоль просеки.

– Мне там не понравилась компания.

Мне нечего было возразить. Изнеможение впилося в меня зубами, и моя бледная плоть промерзла до самых костей.

Дом, о котором шла речь, прятался невероятно глубоко в лесу, в такой глуши, что Хакон готов был поверить в сказки о ведьмах.

– Не будь идиотом, – сказал я ему. – Если бы в лесу жила ведьма, поедающая детей, она бы поселилась на краю леса, верно? Я имею в виду, что нечасто ведь маленькая Герта или Ганс забредают в такую глушь?

Хакон был раздавлен неоспоримым весом моей логики. Мы пошли туда, чтобы попросить убежища. А если откажут, то взять силой. Дверь приоткрыта – нехороший знак в зимнюю стужу. Сильно утоптаный снег перед крыльцом был занесен свежеснеженным, это скрывало детали.

– Что-то не так. – Хакон снял с плеча тяжелый топор с обухом и длинным лезвием, изогнутым так, чтобы при ударе поглубже вонзаться в плоть.

Я кивнул и пошел первым. Тишину нарушал лишь хруст свежеснеженного снега у меня под ногами. Достав меч, я толкнул дверь, отворяя ее пошире. Моя теория о маленьких девочках в лесной чаще умерла уже в прихожей. Там лежал распластаный ребенок, золотистые кудри забрызганы красным, руки и ноги неестественно вывернуты. Я сделал еще шаг, и в нос ударило зловоние. Кровь, смрад от внутренностей и чего-то еще, чего-то дикого и вонючего.

Плечо сжала чья-то рука, и я чуть было не развернулся, чтобы ее отрубить.

– Что?

– Надо убираться отсюда... ведьма...

– Нет здесь никакой ведьмы, – сказал я, указывая на труп. – Разве только у нее такие большие зубы, чтобы обглодать девочке лицо, желание полакомиться потрохами и мерзкая привычка гадить у себя в прихожей. – Я указал на бурую кучку возле лестницы, которая, в отличие от внутренностей девочки, еще слегка парила.

– Медведь! – Хакон отпустил мое плечо и бросился наутек. – Бежим.

– Бежим, – согласился я.

Отступая к лошадям, мы увидели, как из-под лестницы высунулась большая черная голова. Через сломанные ставни в боковом окне я заметил еще одного медведя, покрупнее, – он вылизывал на кухне миску. А когда мы добрались до лошадей и засуетились, чтобы поскорей убраться, между покрытыми инеем досками чердака просунулась морда молодого медведя, который наблюдал за нами, обнажив алые зубы.

Ну почему медведи? Будь это ведьма, я бы проткнул ее мечом, и мы бы здесь остановились. Но медведи... Уж лучше бежать, пусть и в убийственный холод.

С каждым шагом во мне оставалось все меньше сил; тепло постепенно покидало мое тело, растворяясь в ночном воздухе с каждым вздохом.

Я брел, погружившись глубоко в себя, не замечая усталости. Пришло время оставить Вьену, несмотря на приближение зимы. Сейчас, замерзая в непроходимом лесу, я мог бы сожалеть об этом, но я слишком засиделся в Вьене. Иногда грезы какого-нибудь места засасывают вас, и вы, прежде чем осознаете это, сами становитесь частью этих грез. В городе столь великом и столь старинном, как Вьена, это грезы о славе, о месте в истории, но, как и все грезы, это только иллюзия, которая будет истощать ваши силы, пока поднимается трава у ваших ног, пока повсюду расползаются тернии и окружают вас плотным кольцом. Там меня тоже разбудил поцелуй. Элин. Она и ее брат Синдри уезжали в свои замки, к своим обязанностям на севере. Хакон захотел остаться, но он пресытился древней столицей и пожелал увидеть провинции, посетить с королем Ренара трущобы. Так мы уехали, избежав плена политиканства и интриг, которыми была полна Вьена. Встряхнулись освобождаясь, прежде чем их приятные челюсти сомкнулись вокруг нас, и двинулись дальше.

Глубокая ночь и пронзительная луна настигли нас через несколько миль после того, как мы вырвались из объятий леса и очутились в заснеженном поле, где земля превратилась в камень и начала подниматься. Опять повалил снег, большими хлопьями, призрачный, сначала неповоротливо, затем стремительно, потому что снова поднялся ветер.

Я лежал на стальном столе, вспоминая – разворачивая в мыслях картины утерянных дней. Обволакивающие сны продолжали цепляться за мое сознание, высасывая из меня энергию и тревоги. Мне пришло в голову, что по венам пульсирует какое-то снадобье, какое-то сонное зелье, которое притупляет мой разум. Я подергался, насколько позволяли притягивающие меня к столу ремни. Никакого движения. Должно быть, стол привинчен к полу.

Каждый ремень имел застежку. Одна свободная рука, и я бы выбрался. То есть, единственным, что меня действительно удерживало, были крепления на запястьях. Я напрягся, пытаюсь освободить руку, но ремни были сделаны на совесть.

– Черт.

Я внимательно осмотрел комнату. Из верхнего угла напротив за мной следил стеклянный глаз – короткий черный цилиндр с темной линзой на конце.

Трубки, протянувшиеся от бутылочек на стальной стойке к иглам в моей руке, висели на дразняще близком расстоянии. Напрягшись до хруста в шее и кругов перед глазами, я почти дотянулся кончиком языка до ближней из трех. Почти! Но в этом «почти» и заключается различие между тем, чтобы перерезать горло и просто рассечь воздух.

Я с ненавистью уставился на трубки, пытаюсь не позволить снадобьям вновь утащить меня в пустоту. Внезапно накатила слабость, белизна потолка заполнила мое сознание.

Погружение.

Когда деревья остались позади, я почувствовал, что погружаюсь в белые объятия. Наст был слишком тонким, чтобы удержать вес человека, а под ним скрывались холодные мягкие глубины, в которых можно утонуть. В сутробе человек достаточно быстро потеряет последнее тепло, увидит, что силы его на исходе, что снег стал почти теплым, как колыбель, в которой он мог бы расслабиться или даже вздремнуть, лишь мгновение, чтобы прийти в себя.

– Держи! – Хакон протянул мне топорище, за которое я ухватился, и он смог вытащить меня на твердую почву.

– Растолкуй еще раз, зачем мы вышли из леса? – спросил я окоченевшими губами. Слова прозвучали невнятно. По крайней мере, зубы перестали стучать, казалось, это должно было радовать. По холмам гулял ветер. В лесу же его приглушали деревья.

– Нет укрытия лучше пещеры, – подтолкнул меня Хакон.

– Пещера? Где? – Мне мало что было видно сквозь снежные вихри и тьму. Я пообещал Синдри, что после похода в Ренар верну его кузена живым. А пока выходило, что это Хакон меня спасает. – И где, черт возьми, мой конь?

– Там, где и мой, – в лесу. Я увидел свет. Мы идем посмотреть, что там. Вспомнишь, когда согреешься. – Хакон двигался быстрыми шагами, я ковылял следом.

– Пещера? Там могут быть медведи! – Я вспомнил того медвежонка с красной мордой и золотоволосую девочку без лица. Мечи и топоры не могут сравниться с силой медведя. Пронзенное мечом насквозь, животное все еще может тебя убить, прежде чем поймет, что уже умерло.

– У медведей не бывает фонарей. – Хакон вскарабкался на валун. – Там! Я вижу его. Свет. – Он соскользнул назад. – Хотя на огонь не похоже. – В его взволнованном тоне затесалась нотка беспокойства.

– К черту. Мне все равно. – Я протиснулся мимо него, взбираясь вверх по склону.

Помедлив, он двинулся следом. Что ему еще оставалось, замерзнуть там до смерти? Ненастье застигло нас врасплох, злой выпад ранней зимы вслед уходящей мягкой осени.

Такие простые вещи часто валят нас с ног. Ежедневно этот мир вторгается в наши маленькие мечты о мощи и славе, и это нас убивает. При всей моей образованности и мастерском владении мечом, принц Анкрат может умереть от кашля, подхватив простуду, или подавиться рыбьей костью, или замерзнуть на одиноком склоне во время чудовищной вьюги, так же, как любой другой человек.

Как только я поднялся на склон, сразу увидел и свет, и обещанную пещеру. Зрелище приковало мое внимание. Свет горел за зияющим входом в пещеру, но как только мы приблизились, второе свечение начало распространяться по склону перед нами. словно пловец, всколыхнувший поверхность реки, от земли поднялся дух женщины. Она заметалась по заснеженным скалам. Туда и обратно перед зевом пещеры. Каждая ее черточка источала свечение, лицо – маска смерти, зияющий рот. Она перенеслась ближе, бледные космы ее волос и обрывки одежды не шелохнулись, несмотря на неистовствующий на склоне ветер. Снег под нею светился, от чего каждая неровность на буграх и кочках отбрасывала черные тени, которые вращались, разбегаясь прочь, когда она двигалась, словно подсказывали нам множество направлений для бегства.

Позади себя я почувствовал движение. Это Хакон развернулся, собираясь бежать.

– Остановись, – сказал я. – Я встречал призраков и прежде. Все они больше лают, чем кусают.

Белый череп, повернувшись на позвонке, склонился набок, изучая меня пустыми глазницами:

– Лучше беги, мальчик. Внутри ждет смерть.

Ее голос был таким резким, что у меня свело зубы.

– Нет, – ответил я.

– Я накладываю на тебя проклятье. – Костлявый палец указал на меня, как на цель. В голосе вибрировало безумие и напряжение, будто каждое произнесенное слово давалось ей с невыносимой мукой. – Беги, и ты сможешь опередить его.

– Я слишком устал, чтобы бежать, призрак. Я войду.

Она подплыла еще ближе, окружив меня светом, в котором не было и крупинцы тепла.

– Иглы и смерть, мальчик, больше вас там ничего не ждет, только иглы и смерть, – сдавленно выдохнула она.

Произнесенные угрозы зажгли во мне огонь, и хотя холод, казалось, все усиливался, я почувствовал, что лучше владею собой.

– Иглы? Я могу уколоться? Это, наверное, самое глупое проклятие, которое я слышал за долгое время. Люди редко бывают красноречивы, сползая с моего меча, так что иногда мне доводится слышать дурацкие проклятья.

– Глупец! – Голос фантома поднялся до пронзительного крика, свечение ее костей стало вдвое ярче. – Беги пока можешь.

Тут она мгновенно исчезла, разорвалась в клочья на ветру, и ее свет погас.

Долгое мгновение я стоял ослепший, терзаемый ледяными пальцами бури. Сквозь разорванную ветром гряду облаков показалась луна и осветила склон, прежде чем кто-то из нас решился заговорить.

– Да-а, – сказал я. – Это было необычно.

– Да храни нас Один, – мудро изрек по этому поводу Хакон.

– Он столь же вероятен, как и Белый Христос. – У меня не было претензий к языческим идолопоклонникам. Один бог или множество, ни одному из них мы, казалось, никогда не нравились. – Чем она думала нас испугать? Иглами?

Я двинулся к пещере.

– Что ты делаешь? – Хакон поймал меня за руку. – Она сказала, мы умрем.

Я знал, что северяне серьезно относятся к злым духам, но не ожидал, что какой-то ненормальный призрак лишит мужества моего владеющего топором варвара.

– Если увидим иглу, то постараемся не тыкать в себя ею. Как тебе это? Обойдем проклятие. – Я вынул меч и взмахнул им. – Думаешь, у нее там какой-то демонический швейный набор? Нас будут атаковать нитки? Наперстки будут бросаться на меня? Катушки...

– Она сказала...

– Мы умрем. Я знаю. И что нам теперь делать?

Когда я уже собрался шагнуть, что-то дернуло меня за ногу. Присев, я расчистил снег, рука потемнела от крови, хотя я не почувствовал никакого укуса. Поблескивая, из каменистой земли торчала катушка проволоки, покрытая тонкими, острыми как бритва пластинками. Хакон присел рядом, пытаясь рассмотреть.

Проволока осталась от Зодчих. Сейчас никто не умеет делать такую сталь. Брошенная в глуши, она оставалась острой, не тронутой ржавчиной. Я взглянул на кровь, пропитавшую одежду, затем с возникшим опасением осмотрел неровный ландшафт. Зодчие тоже создавали своих собственных призраков – не отголоски эмоций или тени отчаяния, какие могут оставлять после себя нынешние люди, а конструкции, созданные из информации и света, приводимые в движение бесстрастными механизмами, где вращаются винтики и пляшут цифры. Таким чудовищам я доверял еще меньше, чем простым фантомам.

– Может, стоит соорудить укрытие от ветра среди деревьев, – сказал я. – Снова попробуем огниво, и если удастся добыть огонь, то разведем такое пламя, что даже костер для погребальной ладьи позавидует.

Пока я говорил, снег в том месте, где исчез призрак, начал светиться и из него вырос второй дух, втянув в себя все свечение. Этого невозможно было спутать с прежним, наложившим проклятье. Гнилые кости и голову с оскалом смерти сменили алебастровые конечности, окутанные тончайшей тканью, и совершенное лицо цвета слоновой кости с добрыми глазами, исполненными сострадания.

– Пещера – это тепло и безопасность. – В свечении пульсировали золотистые тона. – Это место прибежища в ночи. Безумие моей сестры над ним не властно –

хотя ее проклятие сохранится. Я не могу его развеять, но могу изменить его действие. Если тебя уколёт игла, ты не умрешь, только уснешь на время.

Я исполнил аристократический поклон, там, на холме, в объятиях бури и на пределе своей выносливости.

– Сон это здорово и заманчиво, но если вам все равно, светлый дух, я бы подремал на своих собственных условиях. – Я протянул к ней руку с окровавленной повязкой. – Без игл. На сегодня с меня уже достаточно крови.

– Если увидите иглу... обойдите ее, – посоветовала она с намеком на улыбку и исчезла. Не разлетелась на клочки, как сестра, но растворилась, как смываемый волнами след на мокром песке. Я все еще колебался, но мысли о тепле тянули вперед.

– Идем. – И я двинулся дальше, каждый раз осторожно ставя ногу, но острая проволока больше не попадалась.

Внутри пещеры, на расстоянии трех шагов от входа, ветер утих. Он продолжал пронзительно завывать и стонать снаружи, но там, где стояли мы, равнодушные хлопья могли лишь лениво кружиться вокруг наших сапог. После столь долгого неустанный воя в ушах зазвенела тишина, и почти сразу же начало ломить голову, а тело стало гореть огнем. Боль – признак жизни. Найдя наконец укрытие, мы перестали умирать и начали страдать от боли.

Я приходил в себя, словно, всплывая из глубин, тянулся к далекой поверхности. Меня приветствовал белый потолок. Стол, трубки, ремни. Как долго я спал? Катрин все еще здесь или ее поцелуй уже остыл на моих губах?

Я заметался в своих путах, жертвуя остатками собственного достоинства в обмен на слабый шанс спастись. Мгновение спустя я замер, весь потный, с прилипшими к лицу волосами. Выплюнув черные пряди, я посмотрел на трубки и прозрачную жидкость внутри них. Снадобья продолжали пульсировать в моих венах, выжидая момента, чтобы утащить обратно в сон.

Сбрасывая волосы с лица, я ударился головой о стол.

– Черт. – Это было больно, и глухой стук мог насторожить моих похитителей, но, несмотря на это, я стал повторять движения снова, только теперь в другую сторону. Я отбрасывал волосы с лица поднимая голову, пока не заняла шея.

Потребовалось семь попыток, пока, наконец, мои волосы не зацепились за трубки, и на последнем рывке я схватил зубами один из свободно болтающихся концов, поймав всю связку. Я потянул вниз, и, следуя за движением головы, трубка, которую я держал в зубах, упала на стол.

В углу под потолком, над следившим за мной стеклянным глазом, начал подмигивать маленький красный огонек.

Потребовалось некоторое время, чтобы, перебирая зубами, натянуть трубки, идущие к запястью. На мгновение я замер, услышав далекий шум. Механический глухой стук, который прозвучал раз, еще раз, и стих.

С зажатыми в зубах трубками я стрельнул злым взглядом в сторону наблюдающего глаза и рванул головой. Когда трубки выдернулись, в запястье вспыхнула резкая боль, затем боль притупилась и я почувствовал влагу – кровь? или это жидкость из трубок? Я стал тянуть освободившуюся руку.

Вырывая трубки, я ощутил боль, но это было ничто по сравнению с агонией, которая наступила потом. Моя уверенность в том, что если не удастся вырваться из этой ловушки, то меня ожидают бесконечные мучения, утвердилась еще больше.

Рука состоит из множества маленьких костей. Я повидал их достаточно, обнажившимися под разрезанной плотью или при разложении. Под нагрузкой эти кости становятся податливы. Они могут смещаться и, если нужно, ломаются, но не существует таких захватов, из которых невозможно вытащить руку... если только ты готов заплатить нужную цену.

Рука с хрустом высвободилась. Ценой свободы стали сломанные кости, значительное количество кожи и страдания. Без смазки, которую обеспечила вылившаяся из трубок жидкость и моя собственная кровь, цена была бы гораздо выше. Но и без этого я довольно долго не смогу держать меч в правой руке.

Громкий лязг. Ближе, чем был до этого. Открылась какая-то металлическая дверь.

На стойке, где размещались колбы и трубки, замигали красные огоньки, и раздался пронзительный звук, похожий на крик какой-то неведомой птицы, он повторялся снова и снова.

Сложно расстегивать пряжки туго натянутых ремней сломанной рукой и скользкими пальцами, не говоря уже о том, чтобы проделать это быстро, ожидая, что в любую секунду могут раздаться приближающиеся шаги. Проклиная все от боли и отчаяния, я сумел испушенными неловкими движениями освободить другое запястье.

Открылась не дверь, которая, как я предполагал, находится где-то у меня в изголовье, а небольшой и до сих пор не замеченный люк высоко в стене слева от меня. Существо, возникшее из темноты за маленькой дверцей, имело очень много ног – наверное с десятков – они сверкали серебром и были искусно соединены подвижными шарнирами. Основную часть насекомоподобного тела составлял яйцеобразный стеклянный сосуд, внутри которого хлюпала красная жидкость. Там, где у твари должен быть ротовой аппарат, торчала одна длинная игла.

Я начал расстегивать первый, самый верхний из шести ремней, которые плотно прижимали меня к столу.

Темнота в пещере была менее плотной, чем ночь снаружи. В глубине ее горел свет. Мы с Хаконем стали осторожно пробираться внутрь, зажав топор и меч в замерзших руках.

Свет мигнул снова, и на этот раз мы заметили, что он исходит из-под надписи «Бункер 17» над прямоугольным дверным проемом в конце пещеры.

– Свет Зодчих. – Холодный круг света, в котором не было никакого намека на огонь.

Хакон медленно поворачивался, проверяя затененные места. Я оглянулся на падающий снег, подсвечиваемый сиянием света Зодчих. Белый сонм беззвучно кружил по пещере. Я подумал о призраках, которых мы встретили. Духи тех, кто не в состоянии сделать последний верный выбор и достойно умереть, или кто-то еще старше... сознание давно умерших Зодчих, захваченное их машинами и отраженное в игре кукол и теней. Ранее мне приходилось встречать призраков обоих видов, и я решил, что эти призраки были настоящими, но теперь мои сомнения росли.

– Лучше нам остаться здесь, – сказал я, поворачиваясь и отходя от проема.

Как только я сделал это, меня настигла волна теплого воздуха, густой аромат жареного мяса. Я повернулся лицом к коридору, ведущему глубоко внутрь горы.

– Это ловушка. И не самая хитрая.

– На севере мы всегда получаем, что хотим, – поднял топор Хакон, глотая набежавшую в рот слюну.

Мой желудок заурчал. Пожав плечами, я последовал за своим спутником.

– И мы на юге тоже.

Вдоль всего коридора на потолке впереди нас загорались белые стеклянные диски. Возможно, действующим оставался только один из семи, но они обеспечивали лучшее освещение, чем любой факел или фонарь.

Через пятьдесят ярдов путь нам преградила тяжелая стальная дверь, но лишь отчасти. Дверное полотно, тяжелее боевого коня в доспехах, все скрученное ударами невообразимой силы, стояло просто прислоненным к проему, оставляя достаточно пространства, чтобы мимо него можно было протиснуться. Через проем сразу за дверью я увидел блестящее многоногое насекомое, серебрившееся в свете древних

светильников. С иглой вместо рта и телом в виде сосуда, наполненного красным ядом.

– Вижу иглу, – сказал я не поворачиваясь. – Обойти ее будет трудно... – Я не спускал с твари глаз, опасаясь, что она может резко прыгнуть и ужалить меня через сапог. – Но, если врезать по ней мечом, думаю, проблема исчезнет.

Этот прием работает безотказно.

– Хо, – сказал Хакон. Я надеялся услышать больше энтузиазма, но лишь пожал плечами.

– Держи дверь. Я пролезу и стукну его.

– Ух. – И вслед за этим раздался грохот падающего на пол топора.

Обернувшись, я увидел вытянувшегося на полу Хакона. Пять металлических насекомых сидели на его спине, воткнув глубоко в плоть свои иглы.

– Вот... – Что-то маленькое и острое вонзилось мне в незащищенную часть спины, – ...черт! – Я развернулся, пытаюсь сбросить эту штукину, но она вцепилась в меня десятком когтистых лап. По спине разлилось тепло. – Сволочь!

Я шархнул назад, пытаюсь раздробить существо об дверь. Но из маленьких люков в стене рядом с дверью выскочили другие такие же. Те, что были на Хаконе, высвободили свои иглы и метнулись ко мне.

Нескольких я разрубил мечом, отсекая лапы и разбивая тела, но сам стал оседать на пол с иглами в пояснице, бедре и ноге, и, прежде чем я успел разделаться с ними всеми, мои силы утекли, как вода из разбитой тыквы.

– Я помню тебя, маленький ублюдок! – Зарычал я на игло-жука, который спускался из невидимого теперь люка. Моя надежда, что он, возможно, не сумеет взобраться на стол, улетучилась, когда я увидел скорость, с какой он спускался по гладкой стене.

Первый из шести ремней отцепился, и я принялся за следующий. Когда насекомое скрылось под столом, до меня донеслось сухое клацанье его металлических ножек. Почему-то я был уверен, что под моей спиной есть отверстия, через которые он может меня ужалить. Я продолжал работать, пальцы скользили по следующей пряжке. Если тварью управляет какой-то интеллект, она будет держаться подальше от зоны досягаемости моих ног.

Клацанье коготков о стальную ножку сообщило мне, что тварь забирается на дальний край стола. Должно быть, ее коготки снабжены магнетиками: ни одно существо размером с кролика не смогло бы взобраться по металлической поверхности другим способом.

Я освободился от второго ремня и принялся за третий... пауза... осмотрелся. Две серебристые ноги зацепились за дальний край стола. Откинувшись назад, я потянулся к стойке с наполненными жидкостью колбами, их трубки свободно свисали, и содержимое вытекало на пол. Игло-жук перелез через край, от чего у меня по телу побежали мурашки. Он повернул голову к моей стянутой ремнями ноге, направляя иголку. На ее кончике поблескивала капля прозрачной жидкости... Тут я с ревом схватил стойку, поднимая ее над головой настолько, насколько позволяли ремни, и с грохотом опустил на стеклянное тело игло-жука. Повсюду разлетелись осколки, дергающееся тельце соскользнуло со стола и с хрупким треском упало на пол.

С лихорадочным возбуждением я расстегивал пряжки оставшихся ремней, осматривая стены и опасаясь прибытия других игло-жуков.

Минутой позже я уже опустил босые ступни на холодный пол и обнаружил, что ноги отказываются удерживать вес моего тела, даже такого тощего. Из запястья, через которое трубки пичкали меня своей гадостью, продолжала течь кровь. Кожа свисала лоскутами, и блестело живое мясо.

На столе обнаружилось несколько чистых и мягких подкладок, которые, видимо, предохраняли мою спину от пролежней. По всей длине стола тянулся

спускаясь вниз желоб. Должно быть, они смывали мои нечистоты, когда я лежал без сознания. Меня наполнила ненависть. Кто бы ни сотворил это со мной, я его искалечу, а затем прикончу.

Дверь позади меня была серебристо-стальной, как и сам стол. Я огляделся в поисках оружия, но в комнате ничего не было, кроме изъеденных ржавчиной корпусов древних механизмов. Схватив стойку для снадобий как копье, я двинулся на дверь. Снаружи могло быть множество врагов. Не жуки же подняли меня на стол и пристегнули к нему.

Положив руку на дверь, я на мгновение остановился, пытаюсь привести в порядок мысли. Неужели Катрин действительно была здесь? Неужели это она разбудила меня? А ее поцелуй казался совсем маловероятным – принцесса ненавидела меня, и не без оснований. Тут нож в сердце оказался бы более реалистичным приветствием. Тем не менее, что-то ведь разбудило меня от, должно быть, месяцев, или даже лет, спячки. А Катрин когда-то водила компанию с ведьмой грез, так почему бы это не быть ей? Возможно, она решила, что позволить мне проспать здесь, в недостижимости для ночных кошмаров, всю жизнь, было бы для меня слишком хорошим концом.

Вспомнив, что за мной наблюдают, я оставил дверь и встал на пяточок перед подсматривающим за мной глазом, который висел высоко в углу и мигал маленьким красным огоньком.

– Я иду к тебе, и ты не скроешься от меня даже на том свете.

Взмахнув стойкой в вытянутой руке, я сбил коробку. Она ударилась о стену, затем об пол, линза выскочила, покотившись по полу, и я раздавил ее металлической ножкой стойки. Превосходный монолог, по крайней мере для человека без одежды, без оружия и без плана, но он распалил во мне огонь, кроме того, никогда не помешает посеять семена тревоги в умах ваших врагов.

Разрушение механизмов, созданных Зодчими, безусловно, ужасная утрата знаний и возможностей, которые находятся за пределами нашего воображения. Однако, когда проделываешь это, острые ощущения тебе гарантированы.

Дверь передо мной открылась – запирающий механизм разъело, металл разложился до необычного белого порошка – это хорошо, поскольку я находился не в том состоянии, чтобы ее вышибить. Самым удивительным в изделиях Зодчих всегда было не то, как они ломались, а то, каким образом многие из них до сих пор функционировали. Я ожидал, что по истечении одиннадцати долгих веков со дня Тысячи Солнц они все превратятся в пыль. По крайней мере ничего из того, что было создано в первые три столетия после этого события, до сего дня не дожило.

Коридор был покрыт толстым слоем пыли, по углам валялись развалившиеся корпуса игло-жуков. Ведущие вправо и влево лестницы заблокированы обломками рухнувшего потолка. Я двинулся дальше, к месту, где открывался проход в обе стороны. Слева от меня высилась куполообразная стальная машина, которая испускала мягкое свечение, льющееся через небольшие портики. Десятки игло-жуков и других подобных устройств – но с режущими дисками вместо игл или, наоборот, с нитями для шнуровки – валялись по всему полу, разбитые вдребезги. Те из них, что были менее всего повреждены, тесно прижались к куполу, словно ища у него поддержки. Когда я заглянул, некоторые дернулись в мою сторону, но ни один не преодолел и половины пути прежде, чем свет в их глазах угасал, и они переставали двигаться.

Комната справа излучала холод, в ней находилось несколько больших сундуков, белых, прямоугольных, без орнаментов и замков. Когда я в нее вошел, тело покрылось гусиной кожей. Наверное, просто от холода. Тяжело быть голым в месте, которое стремится причинить тебе зло. Слой какой-нибудь материи не очень бы меня защитил, но я бы чувствовал себя гораздо увереннее. У Ликурга я читал, что, когда римляне пришли к Утонувшим Островам, на них напали бреттанцы, на

которых из одежды была только синяя краска на голое тело. Бреттанцы вымерли и уступили свои земли, но я уважаю их отвагу, если не тактику.

Стальной цилиндр длиной в половину моей руки и чуть потолще нее стоял между сундуками. От его верха до низа протянулся длинный ремень из темного тканого пластика. Подняв цилиндр, я ощутил, что он тяжелее, чем я представлял. На нем была выштампована надпись неизвестными мне значками. Я повесил цилиндр через плечо. Грабитель определяет ценность похищенного, только покинув место преступления.

С помощью металлической стойки я поднял крышку одного из сундуков. С тихим вздохом из него вырвался морозный туман. Сундук был наполнен льдом и завернутыми в прозрачный пластик внутренними органами: сердца, печени, глазные яблоки в желе и прочая требуха, название которой лежит за пределами моего лексикона. Второй сундук хранил стеклянные флаконы, стянутые сверху и снизу металлическими кольцами, на них был выштампован символ эпидемии – три пересекающихся полумесяца. Это я знал по оружейному подвалу, который однажды поджег под горой Хонас.

Я сунул туда руку и взял наугад три флакона, их холод впился в мою плоть. Чтобы положить их на пол, пришлось отрывать вместе с кожей. Затем с помощью пластиковых трубок я привязал каждый флакон к ножке подставки. Я не знал, какая в них заключена болезнь и по-прежнему ли она смертельна, но, когда единственное твое оружие – неуклюжая металлическая палка с тупыми крючками, ты используешь все, что сможешь найти.

Повернувшись, чтобы уйти, я обнаружил в дверях привидение: Мисс Добрые-Глаза-и-Сострадание мерцала сейчас, как призрачный Зодчий, которого я видел почти год назад. Она была в длинном белом одеянии, почти как халат, но без складок и талии.

– Ты должен положить их обратно, Йорг. – Она указала на флаконы, привязанные к ножке стойки.

– Откуда ты знаешь мое имя? – Я подошел к ней.

– Я знаю многое о тебе, Йо...

Я прошел сквозь нее в коридор. Чаще всего переговоры – это просто оттягивание времени, а я уже достаточно долго ждал на том столе.

– ...рг. Я знаю, что вписано в твою кровь. Я могла бы создать тебя заново, всего до мельчайших чешуек твоей кожи.

– Очень интересно, – отозвался я. – Где Хакон?

Я подошел к большой двери в конце коридора. Заперто.

– Тебе стоит прислушаться, Йорг. Трудно поддерживать эту проекцию так далеко от ...

– Твое имя, призрак.

– Калла Люфарж. Я ...

– Открой эту дверь, Калла.

– Ты должен понять, Йорг, механизмы имеют ограниченный срок службы. Мне нужны биологические единицы, чтобы продолжать мою работу. Даже чтобы поддерживать меня. Проекция имеет огра...

– Немедленно, – сказал я и ударил флаконами о металл.

– Не надо! – Она протянула руку, будто это могло остановить меня. Самое первое, что она мне сказала, – чтобы я положил их обратно. Это главное, на что стоило обратить внимание. Она сказала это так, словно они были не слишком важны... но она сказала это в первую очередь.

– Или что? – Я снова брякнул концом стойки об дверь, и флаконы дружно звякнули.

– Если этот объект будет заражен штаммом вируса альфа класса, он подлежит очистке. Я не могу ни отменить этот протокол, ни допустить, чтобы это произошло.

В ее прекрасном образе мелькнуло беспокойство. Призраки Зодчих были сотканы из историй человеческих жизней, каждая деталь спроецирована из миллиарда секунд наблюдений. Этот же, как я чувствовал, продвинулся гораздо дальше от их шаблонов, но ведь не так далеко, чтобы научиться испытывать страх?

– Очистке?

– Огнем. – Лицо Каллы коротко мигнуло выражением ужаса и мгновение спустя уже возвратилось к своей обычной безмятежности. Мне стало интересно, в какой момент это выражение было выхвачено из реальности и что заставило его появиться на лице настоящей Каллы, которая была из плоти и крови, как и я, но за долгие столетия превратилась в прах. И далеко ли эта находящаяся передо мной сущность отошла от своего реального прототипа, или настоящая Калла была такой же безумной? – Таким сильным, что оставит эти залы пустыми и дымными.

– Лучше открой эту чертову дверь. – И я крепко врезал стойкой.

– Осторожно! – Рука взлетела ко рту. – Хорошо! Она открыта!

В лежавшем за дверью зале тени чередовались с беспорядочно разбросанными пятнами такого яркого света, что мне пришлось прищуриться. Вдоль всех стен были установлены стальные столы. В ноздри ударил смрад разложения, смешанный с чем-то острым, вяжущим, химическим. На всех столах лежали трупы. На некоторых только куски. Некоторые были свежими. Некоторые разложившимися. В высоких, от пола до потолка, стеклянных цилиндрах плавали органы вперемешку с пузырьками воздуха – сердца, печени, длинные кишки. За ближним ко мне столом металлический скелет, или что-то подобное, склонился над одним из трупов. Несмотря на отсутствие мышц или плоти, существо двигалось, ловко сочлененными пальцами одной руки оно быстро вводило иглу от флакона с лекарствами в жизненно важные точки по всему телу лежащего перед ним трупа. Движения другой руки были более разнообразны, она отстегивала тело от стола, нажимала выпуклые кнопки на каких-то механизмах, заменяющих участки тела, такие как локтевые суставы. В завершение всего скелет повернул какой-то диск на устройстве, погруженном глубоко в грудную клетку трупа.

Звякнув флаконами, я поднял стойку, держа ее между нами, готовый отогнать эту тварь, если она на меня прыгнет.

– Это последний из моих медицинских роботов, – сказал призрак, голосом, который колебался между двумя интонациями, будто не в состоянии решить, какую же выбрать. – Я бы просила не причинять ему вреда.

Как только скелет выпрямился, он стал рассматривать меня черными глазами, сидящими в серебристо-стальных розетках. На его костях я отметил белую мучнистую коррозию, которую видел на замке в своей камере. Существо отошло от стола, припадая на одну ногу, поскрипывание сопровождало каждое движение его конечностей. Казалось, что прошедшее тысячелетие пощадил только его ловкие пальцы.

Движения трупа, напротив, были намного увереннее и сопровождались лишь едва слышным завыванием механизмов, когда он сел на столе между нами.

– Хакон.

Они что-то сделали с его глазами, из красных глазниц торчали стержни из стекла и металла. Его волосы и борода были сбриты, но улыбка осталась прежней.

Пока я медлил в нерешительности, Хакон – или его останки – схватился за мою стойку. Я рванул, но он держал крепко.

– Этот почти получился, – сказал он. Вернее, это был голос призрака, но более твердый, звучавший из коробки в его груди. – Он может поддержать меня, но его мозг деградирует от тонкой регулировки, и степень разложения имплантов слишком велика, чтобы устойчиво работать долгое время.

– А я бы стал твоим следующим... конем? – Я снова рванул стойку.

– Ты обязательно им станешь, – сказала Калла, ее голос исходил одновременно от призрака и из коробки в груди Хакона, это отвлекало. – Проанализированы последние ошибки. На этот раз все получится. Ты не будешь лишен жизни. Даже этот не умер – не окончательно. – Хакон соскользнул со стола и встал передо мной, крепко схватив стойку обеими руками. – Послужишь мне, пока я не найду трех существ для инкубирования, и я отпущу тебя на все четыре стороны, не оставив ничего, кроме нескольких швов.

– Почему меня? – Я огляделся в поисках выхода. – Найди другие тела для своих игр.

– Ты сломал мой последний седативный аппарат.

– Починишь... – Я рванулся вперед и сорвал один из флаконов. Затем отпустил стойку и отошел, подняв флакон над головой, готовый его разбить.

– Не надо...

– Кто другой призрак? Та, которая явилась в виде черепа и костей, пытаюсь предостеречь нас?

– Коллега по этой лаборатории, также скопирована и хранится в виде эха данных. Она... не одобряет эту мою работу. Мы здесь изолированы. Это называется безопасность. – В ее голосе послышалась горечь. – Наше исследование слишком засекречено, и мы не можем допустить утечки информации. Поэтому, пока я не найду способ физически передать наши данные на другой портал, мы останемся отрезаны от общей сети. А пока мы вдвоем... спорим... уже тысячу лет. Сейчас верх одерживаю я, но главным образом здесь. Внешняя часть станции давно разрушилась, и наши проекционные блоки теперь недоступны. У нее не хватит сил долго сопротивляться.

Я заметил дверь и быстро попятился к ней. Призрак погас, но Хакон двинулся за мной, держа стойку как посох и неуклюже опираясь на нее при ходьбе. Интересно, он все еще был самим собой и пытался бороться с ней или наиболее важные части его мозга уже плавали в одном из тех высоких цилиндров?

– Где Катрин? – спросил я, пытаюсь отвлечь его от влияния Каллы. Хотя, наверное, когда твоим разумом управляет машина, отвлечься невозможно. Может быть, все мои параметры уже заложены в механизмы Зодчих? Где-то вращаются колесики, просчитывая вероятности, как магические африканские арифмометры, выкраивая наихудшие для меня шансы.

– Значит, тебе и в самом деле помогли? – В голосе сквозило раздражение, хотя лицо Хакона не выдавало никаких эмоций. – Это деликатное вмешательство, которое можно было вычислить только путем анализа. Манипуляции на субинструментальных уровнях. Псионика сна высшей степени...

Нащупав дверь, я подергал ее. Хакон сделал три быстрых шага, и я схватил флакон обеими руками, намереваясь повернуть крышку:

– Ну, давай, и я открою этот ящик Пандоры. Тогда увидим, какое зло отсюда выберется.

– Если ты уйдешь, мне конец, – сказала Калла, заставив Хакона согнуть руки.

– Не совсем. – Ударом босой ноги я открыл дверь и отступил через нее. – Тебе конец, если я разобью это. А если уйду, у тебя еще останется шанс. Использовать Хакона, выкрасть другого типа. Хоть какие-то шансы всегда лучше, чем их отсутствие.

– Ты сам противоречишь своей логике. – Калла прошла в длинный коридор следом за мной.

Я почувствовал свежий воздух, но продолжил пятиться, не рискуя оглянуться.

– Я не боюсь смерти, призрак. – Я говорил правду. – Ты провела тысячу лет обманывая смерть. Такая одержимость основана на страхе. Я же большую часть из своих шестнадцати лет охотился за ней. Мы очень разные, ты и я.

Я прошел мимо огромной скрученной двери, прислоненной к стене коридора. Останки игло-жуков говорили о том, что я достиг того места, где они впервые напали на нас. Легкий ветерок заиграл на моей шее, спине и бедрах, напомнив о наготы. Боль в руке вспыхнула почти так же, как в момент, когда я ее вырвал из ремней, – возможно, разбуженная запахами зелени внешнего мира.

Я увидел свой меч, по-прежнему лежащий в пыли, словно он не представлял никакой ценности. У меня не было времени поднимать его, да и в левой руке он мало на что годился. Но все равно, когда я двинулся дальше по коридору, мое сердце сжалось от того, что я бросаю его здесь.

Хакон замешкался, позволив разделявшему нас ярду увеличиться до двух, трех.

– Взгляни, Йорг.

Я посмотрел через плечо. Позади меня из пещеры открывался выход в море спутанной зелени, поднимавшейся выше человеческого роста. Завитки и изгибы шиповника, сплошь усыпанные маленькими красными цветами.

– Ты знаешь, что такое шипы, Йорг: это было написано на тебе, когда ты пришел. Возможно, это именно тот сорт, который сделал тебя таким? Крюк-шиповник?

Я посмотрел на свою грудь и руки...

– Ушли? – Шрамы исчезли. Я так долго их носил, но теперь, когда они исчезли, даже не сразу это заметил. Я почувствовал себя более голым, чем когда-либо. Шрамы были чем-то вроде доспехов. Отчет о моей жизни, вписанный в кровь и неизменный. Шрамы должны были оставаться со мной навсегда – и со мной унесены в могилу. Их потеря расстроила меня даже больше, чем глазные яблоки в замороженном желе или восставший труп друга. Такое мне уже доводилось видеть. – Как?

– Это медицинская лаборатория, Йорг. Загляни в колбу.

– Что?

– Она у тебя за спиной. Нажми на третью, седьмую и шестую кнопку.

Я снял с плеча цилиндр и, держа за ремень, поставил его перед собой. Затем, опустившись на колени, стал нажимать пронумерованные кнопки в указанной последовательности, бросая вниз лишь короткие взгляды, так как опасался быть атакованным. И отпрянул, когда крышка стала выкручиваться по невидимому ранее стыку. Она с шипением отвалилась, и я наклонился, чтобы взглянуть на содержимое.

– Розовая слизь. – В животе почему-то заурчало, напоминая, что я ничего не ел... ну, очень долго. – А на вкус она так же плоха, как выглядит?

– Новая-кожа. Приложи ее к своей руке. – Хакон повернул голову, пара уродливых стержней, выходящих из его глаз, указывала на мои раны.

Я не доверял Калле, но знание может обернуться силой, да и жуткая боль в наполовину ободранной руке не давала сосредоточиться. Макнув кончик пальца здоровой руки в эту мерзость, я почувствовал, что она извивается, такое ощущение, словно держишь слизняка. Я легонечко коснулся этой слизью ободранной плоти на другой руке, по-прежнему крепко сжимающей флакон. Эффект проявился в течение нескольких секунд, бледно-розовая слизь по цвету стала больше напоминать кожу, растекаясь тонким слоем и вызывая ощущение, будто по больному месту забегали насекомые... и наконец превратилась в участок новой кожи размером чуть больше отпечатка пальца.

– Если ты сможешь мне, то сможешь уйти со множеством таких сокровищ. Чудес старого мира. Я могла бы объяснить их тебе. Человек, обладающий такой магией, мог бы править...

– У меня уже есть королевство, призрак. – Я запечатал цилиндр и снова забросил его через плечо.

– Этого достаточно? – спросила она голосом, идущим из груди неподвижного Хакона. Вокруг него витал сладковатый запах гниения. Над головой прожужжала муха и уселась в уголке глаза.

– Ничего не бывает достаточно. – По привычке я коснулся пальцами старого обожженного пятна на левой стороне лица, оно оставалось грубым и морщинистым. – Ты не хотела, чтобы я выглядел привлекательным? Или это дерьмо не лечит ожоги?

– Препарат изготавливался для лечения ожогов. Ожоги – это его специфика. Но эта твоя травма необычайно устойчива. У нее странная энергетическая сигнатура... Если бы наша физическая лаборатория была в рабочем состоянии, тогда...

Я попятился к выходу из пещеры и зеленому буйству крюк-шиповника. До меня уже долетали крики птиц и гул пчел. На дворе был разгар лета, пока я спал, сезоны сменились.

– Этим путем не сбежать, Йорг. – последовала за мной Калла. – Крюк-шиповник был одной из наших разработок.

– Ваших?

– Ну, не именно моей. Но этой лаборатории. Когда-то это было большое учреждение. Здесь работали три сотни человек. Кабинет на кабинете. Теперь остается ждать, что найдется кто-то достаточно дальновидный, чтобы раскопать все это. Крюк-шиповник – дешевая, самовоспроизводящаяся колючая проволока. Высокоэффективная технология. Конечно, для более теплых краев, чем этот, если вы хотите защиту круглый год. Им так и не удалось получить штамм, который не погибал бы в зимний период.

– И твой... «проектор» где-то там? – Я махнул головой в сторону колючек. – Не боишься, что я наведаюсь к тебе лично? – Я одарил ее своей опасной улыбкой. С тех пор как я проснулся, у меня не было причин улыбаться, но сейчас сквозь редящий туман снадобий Каллы забрезжил краешек плана.

Хакон кивнул:

– Это достаточно безопасно, если ты в доспехах и у тебя есть ножницы. Голый и без оружия ты совершенно беспомощен. Я говорю это, чтобы показать, насколько безнадежна твоя ситуация. Помоги мне, и могущество, которое тебе и не снилось, сможет стать...

– Я проспал достаточно, призрак, – сказал я. – Время умирать. Прощай, брат Хакон.

Его губы дернулись, с усилием, заикаясь, он пробурчал:

– К-к-красивая. Ж-ж-жертва.

Его собственный голос, свободный от контроля Каллы. Бред разрушенного разума? Или, возможно, в его памяти всплыли наши шутки в Вьене о цене, которую мы готовы заплатить, чтобы увидеть, как горят наши враги.

Напрягшись изо всех сил, я попытался открутить крышку флакона.

– Нет! – Хакон двинулся вперед. Из блока в его груди кричала Калла.

Крышка слетела, и я бросил флакон над его головой назад в коридор. Калла говорила, что в нем заключена смерть, зараза, которая может стереть человечество с лица земли. Я назвал его ящик Пандоры. Сбросив пальцы Хакона со своего плеча, я повернулся и побежал. Шлепая босыми ступнями по каменному полу пещеры, я набирал скорость.

Я выпустил зло Пандоры, и сзади, по всему коридору зазвучала сирена, завывала, словно тысячи баньши. Направляясь к левому краю входа в пещеру, я достиг непроницаемой стены шиповника и прыгнул так высоко, как только мог, ныряя вперед.

– Очистка. Повторяю. Уровень ноль вирусная угроза. Повторяю. Полная очистка!

Ящик Пандоры содержал все беды в мире... но на дне его, среди кошмаров, притаилась Надежда.

Крюк-шиповник принял мой вес, шипы цеплялись за кожу, впивались, раздирали, кромсали, проникали глубже и удерживали, пока, наконец, не сковали мои движения и я повис среди них. Пойманный в ловушку, как много лет назад, пронзенный такой же резкой и внезапной болью, но в этот раз по собственной воле.

Я скорее услышал, нежели увидел горячие белые языки пламени, заревевшие в зеве пещеры – копые огненной ярости, окруженное волной пламени, разливающейся во все стороны, распространяясь и поглощая все вокруг.

Сирена замолкла, остался только рев пламени, треск огня и мой крик, когда кромка этого адского пекла добралась до меня, голого среди шипов.

В такие моменты потеря сознания воспринимается, как благодать, но оно почему-то ужасающе запаздывало. Я чувствовал, как морщится моя кожа, видел, как скручиваются и горят волосы, когда меня обдувало горячее дыхание огня. Я видел, как на моих руках тает кожа, пока жар не принялся за мои глаза.

Потеря сознания является благом, но лишь временным.

Я очнулся посреди леса почерневших завитков, покрытых зубьями шипов, голый на фоне небесной синевы.

Повернув свою рыдающую лысую голову, сквозь застилающую глаза пелену я разглядел выжженный в зарослях крюк-шиповника коридор, покрытый тонким слоем белого пепла. Подо мной лежал обгоревший, но оставшийся целым, серебристо-стальной цилиндр. Липкими пальцами я потыкал в кнопки, к которым приставала обгоревшая кожа, причиняя такую боль, что не поддается описанию.

Трижды я пытался набрать цифры. Я бы заплакал, но у меня больше не было слез. И вот бесконечно медленно отворилась крышка, и я опустил руки в новую-кожу. Я обмазывал слизью каждый палец. Пока вещество обволакивало их, я, не обращая внимания на боль, продолжал смазывать каждый дюйм. Я размазал слизь по лицу, намазал рот, каждый глаз, все тело, насколько позволяли торчащие в нем шипы.

Что бы это ни было, наука или колдовство, но новая-кожа подтвердила свою действенность. Мазь совершала различные чудеса в зависимости от того, где она оказывалась: восстановила зрение, растеклась по дыхательным путям и исцелила легкие до состояния, когда я снова смог закричать, отрастила новую кожу на руках, а старая просто отшелушилась.

Я вырвался из плена шипов, только чтобы заманить себя в новую ловушку, но она все же позволяла использовать мой убывающий запас слизи для исцеления других участков в паху, ногах, на спине. Восстановление кожи отразилось на моих силах, истощение нарастало, вводя меня в оцепенение, несмотря на подбирающуюся агонию от пережитого.

В конце концов меня разбудил небольшой дождь. Я стоял, захваченный им посреди обугленных останков шиповника, исколотый черными шипами, вымазанный в золе, но не сгоревший, одетый в новую кожу.

Даже обгорелый и крошащийся крюк-шиповник брал с меня свою дань, когда я продирался сквозь него. К моменту, когда я добрался до выхода из пепелища, на моем теле кровоточили сотни ран, но последние запасы новой-кожи уже были исчерпаны. И хлынул ливень, сильный, но теплый, стекающий по моему телу алыми струйками. Стоя в луже из грязи и пепла, я позволил ему омыть себя.

Вернувшись в пещеру, где, остывая, пощелкивал еще горячий камень, я не нашел никаких следов Закона, только пятно вокруг почерневшей стойки для лекарств. Морщась от жара под голыми кровоточащими ступнями, я прошел вдоль темного коридора и нашел свой меч. И вот в таком виде я и покинул бункер.

Наконец, прежде чем мои силы окончательно иссякли, я обогнул остатки древней колючей проволоки и прошел туда, где из грязи торчала верхушка

занесенного землей камня Зодчих. Потрескавшаяся от огня, она выглядывала из земли чуть меньше, чем на фут. Несмотря на выветривание и коррозию, мне, чтобы сдвинуть ее в сторону, потребовалось больше усилий, чем, как я думал, во мне осталось. Полость под ней простиралась вниз за пределы видимости, внутренняя поверхность была сплошь покрыта бесчисленным количеством кристаллических наростов, соединенных между собой лесом серебряных проволочек, некоторые толстые, другие тоньше паутинки. Многие из кристаллов оставались темными, но, то тут, то там, нет-нет да и вспыхивал слабый, видимый только в темноте, свет.

– Не надо, – раздался изнутри слабый пульсирующий голос Каллы.

Из грязи под ногами я выковырял камень. Тяжеленный кусок, который, возможно, когда-то был частью прижимающей колонну плиты. Кряхтя от напряжения, я поднял его к срезу отверстия. Должен пройти свободно, по краям еще останется пару дюймов запаса.

– Я не могу умереть. Не так...

– Тысячу лет жизни – это слишком долго. – И я отпустил камень. Он падал с долгим непрерывным звуком разрушения, отскакивая от одной стены к другой, разрывая внутренности, которые так долго поддерживали эхо Каллы в одном из последних творений Зодчих.

Я посмотрел на свои руки, израненные и пустые. На меня накатила безмерная усталость, захотелось лечь в грязь и отдаться настойчивым призывам сна. Все, что останавливало меня, это воспоминание о поцелуе, намек на ее запах.

– Нет. Я проспал достаточно долго.

Меня разбудил поцелуй, и, как это часто с нами бывает, я обнаружил, что мир-то без меня продолжал свое движение. И вот вам загадка бытия. Когда стоит действовать, а когда остановиться. Живя слишком долго, мы становимся узниками своих снов. Или чужих. Действуй слишком быстро, живи без пауз – и ты все пропустишь, вся твоя жизнь станет одним размытым пятном. Лучшая жизнь состоит из моментов – и когда мы делаем шаг назад, то видим их по-настоящему. Мечта и мечтатель. В этом и загвоздка. Проходит ли когда-нибудь этот сон? Или все мы так и живем во сне до самой старости и только и ждем, ждем, ждем этого поцелуя?

Окровавленный, измазанный грязью и пеплом, я ковылял вниз по холму, пережив очистку Бункера 17. Меня можно было счесть еще одним бедствием, выпущенным в этот мир из ящика Пандоры, поскольку его надеждой я вряд ли мог быть. Но, надежда или ужас, я выжил. Вышедший из шипов и пламени, я стал свободным.

Я провел рукой по лысой голове и почувствовал, что рот скривился в своей старой улыбке, конечно же горькой – но не только.

– Спящего красавца разбудил поцелуй принцессы, – сказал я. И поэтому я отправляюсь на ее поиски.

Примечание. Это первый рассказ, написанный на тему «Разрушенной Империи», навеянный довольно смелой идеей, подсказанной одним из читателей – смешать историю Йорга со сказкой. Сюжет строится вокруг Спящей Красавицы, но имеет привязки к Златовласке и даже Рапунцель! Хронологически события рассказа происходят между двумя ветвями повествования в «Императоре Терний», перед днем свадьбы в «Короле Терний», по возвращении Йорга в Анкрат из своего первого посещения Вьенны. Хакон – персонаж из трилогии «Война Красной Королевы». Использовала ли Катрин свою сон-магию для пробуждения Йорга или это просто отказ устаревшей техники – остается на усмотрение самих читателей.

Дурное семя

Аланну Оаку было восемь, когда он булыжником раскроил лоб Дарину Риду. Дарин его избивал, пока два других мальчика лет десяти пытались держать Аланна, прижимая его к столбу ограды. Теперь они поднимались из дорожной грязи, сначала вставая на четвереньки, затем выпрямляясь на нетвердых ногах. Один сплевывал кровь, у другого с уха, которое нашли зубы Аланна, падали алые капли. Дарин Рид лежал там же, где упал, уставившись в голубое небо широко раскрытыми голубыми глазами.

После этого случая ребенка стали называть убийцей. «Кеннт» кричали ему вслед, и это слово привязалось к нему на долгие годы, как некоторые прозвища преследуют человека всю его бурную жизнь. Кеннт – так в старину называли людей, которые убивают голыми руками. Древнее слово на языке, который еще сохранился в селах к западу от Транвея и на котором говорят только седовласые старики. Очень похоже, что этот язык и умрет вместе с ними, оставив только отдельные слова и фразы, слишком удачные, чтобы от них отказаться.

– Ты ведь простил меня, верно, Дарин? – спросил Аланн старшего мальчика годом позже, когда они сидели у реки, наблюдая, как пенится вода вокруг каменных ступеней брода. Аланн бросил камешек, который клацнул о самый дальний из девяти валунов. – Я рассказал отцу Абраму, покался, что меня обуял гнев. Они омыли меня кровью агнца. Отец Абрам сказал, что я снова стал частью паствы. – Еще один камень, и снова попадание. Он покался в гневе, но гнева не было, только обычное для него возбуждение – красная волна ликования от принятого вызова.

Дарин встал, он по-прежнему оставался выше Аланна, но уже не настолько:

– Я не простил тебя, но я был неправ. Я первый начал. Теперь мы братья. Братьям нет нужды прощать, достаточно признать свою вину. Если я прощу тебя, ты можешь меня забыть.

– Отец Абрам сказал... – с трудом подбирая слова Аланн. – Он сказал, люди не одиноки. Мы крестьяне. Мы паства, стадо. Божье племя. Мы ведомы Богом. Заблудших изгоняют, и мы умираем в одиночестве. Не оплаканные. – Он снова бросил и снова попал. – Но... я чувствую... что я одинок среди этого стада. Мне здесь не место. Люди боятся меня.

Дарин покачал головой:

– Ты не одинок. У тебя есть я. Сколько братьев тебе нужно?

***

После того как его первая стычка обернулась такой бедой, Аланн больше не ввязывался в драки. Священник и старейшины наблюдали за ним, и, живя с постоянным чувством вины, мальчик отходил в сторону при малейших неприятностях, с которыми сводила его жизнь в деревне. Аллан Оак подставлял другую щеку, хотя это и противоречило его натуре. Что-то пронзало его в самое сердце, что-то острое. Не тупой гнев или порожденная завистью злоба, которые заставляют пьяниц поднимать кулаки. Скорее рефлекторно вспыхивающая внутри ярость в ответ на каждый брошенный ему вызов.

– Я не такой. – Это было сказано в день его четырнадцатилетия, в тиши зимней ночи, когда другие уже лежали в постелях. Аланн не находил слов, чтобы выразиться точнее, но он знал, что это правда. – Не такой.

– Как собака среди стада коз? – подсказал Дарин Рид, не обращая внимания на холод. Он махнул рукой в сторону далеких домиков, где сквозь щели в ставнях пробивалось тепло и свет. – С ними, но не один из них?

Аланн кивнул.

– Все изменится, – сказал Дарин. – Просто нужно время.

Шло время, подрастая с каждым годом, Аланн Оак стал достаточно высоким, но не слишком, не очень широкоплечим, но выносливым, закаленным работой на земле с плугом и мотыгой. Он отошел от своего прошлого, хотя ни разу не бывал дальше рынка в Килтере, что семью милями ниже по большой дороге. Он оставил позади шепотки, называвшие его «кеннт», и все, что осталось с ним из тех дней, – это Дарин Рид, который в детстве был крупнее него, а теперь стал меньше, ближайший его спутник, бледный, спокойный, верный.

В некоторые годы летом, а однажды и зимой, горизонт заволакивало дымом войны. Но пожары, которые поднимали эти черные тучи, проходили мимо деревень Марна. На задворках Разрушенной Империи долгое время сохранялся мир, как и старый язык, который словно завяз в этих местах. Может, им не хватало слов о войне.

Иногда эти невидимые битвы звали Аланна. Часто в ночной тиши, плотно окутанный темнотой, он задавался вопросом, что заставляет людей брать оружие и сражаться, не по какой-то причине, не для того, чтобы посадить своего лорда на трон или завоевать ему новый, – но только для того, чтобы бросить вызов, чтобы подвергнуть себя испытанию, которое поставит тебя на грань жизни и смерти. И, может быть, раз или два в полуночной тиши он собирал свои пожитки и покидал родительский дом, но каждый раз по пути к дороге на Мелшам встречал сидевшего верхом Дарина. И каждый раз образ бледного в лунном свете кровного брата, молча смотревшего на него, возвращал Аланна назад той же дорогой.

Аланн нашел женщину, Мэри Миллер из Файрфакса, и они поженились холодным мартовским утром в церкви отца Абрама, где сам Бог был свидетелем их обетов. Бог и Дарин Рид.

Прошло еще время, каждый год их молодой жизни увеличивал их достаток: земля дарила щедрые урожаи, овцы приносили ягнят, Мэри подарила Аланну двух сыновей, которых он принял прямо в свои грубые ладони. Они были такими же красными от крови, как и Дарин Рид, когда он лежал, истекая кровью. И семья изменила Аланна. Потребность быть нужным оказалась сильнее зова далеких войн. Возможно, именно это он всегда искал – быть важным, быть необходимым кому-то. А кто может быть более жизненно важным для ребенка, чем его мама и папа?

Медленно текло время, неся в своем потоке и ферму, и фермера, и Аланн как бы наблюдал со стороны весь этот путь. Он держал своих мальчишек в мозолистых руках с обгрызенными до мяса ногтями, молился в Божьем каменном доме. Каждый час, каждый день осознавая, что он не вписывается в этот мир, что бездумно плывет по течению. Примерно то же должен бы чувствовать самозванец, который никогда не знал, кто он такой на самом деле, а лишь то, что он не тот, за кого себя выдает.

– Никто из них не видит меня, Дарин, – ни Мэри, ни сыновья, ни отец Абрам. Только ты и Бог. – Аланн мотыгой тюкал перед собой землю, разбивая комья.

– Может быть, это ты не видишь себя, Аланн? Ты хороший человек. Ты просто не знаешь этого. – Дарин глядел поверх ржи, колосающейся на нижнем поле.

– Я дурное семя. Ты узнал это в день, когда столкнулся со мной. – Аланн нагнулся и, подняв комок земли, раскрошил его в руке. Он указал туда, куда не отрываясь смотрел Дарин. – Я собственноручно проверил семена, прежде чем засеять то поле, но там, среди ржи, взойдет трава каррен, зеленая среди зеленого. Ты не увидишь ее, пока не придет время созревания зерна – даже тогда ее придется поискать. Но придут ранние морозы, нападет красная гниль или рой листожорки, и ты увидишь ее. Когда рожь начнет умирать... только тогда ты увидишь траву каррен, потому что она может выглядеть как рожь, только с жестким стеблем, горькая и не клонится от ветра. – Он копался в земле, когда какой-то инстинкт заставил его

повернуться и посмотреть поверх пшеничного поля на восток. К нему приближались два чужака с мечами на бедрах.

– Плохой день для крестьянина. – Мужчина повыше улыбался, шагая по полю и приминая сапогами молодую пшеницу.

– У крестьянина не бывает хороших дней. – Аланн медленно выпрямился, стряхивая с рук землю. Грязные лохмотья на мужчинах имели достаточно сходства, чтобы предположить, что когда-то это была униформа. Они пришли, испачканные грязью и пеплом, готовые пустить в дело клинки, и с безумным предвкушением в глазах.

– Где твой скот? – спросил мужчина пониже и постарше. Через всю его скулу к мутному глазу протянулся шрам. Оба сильно пропахли дымом.

– Мои овцы? – Аланн знал, что должен бы испугаться. Возможно, ему для этого не хватало ума, как козам, которых тихо ведут на убой. Как бы то ни было, знакомое спокойствие окутало его. Не отрывая глаз от мужчин, он наклонился за мотыгой. – Вы хотите купить их?

– Конечно, – усмехнулся высокий, обнажив желтые зубы. Волчьи клыки. – Веди.

На мгновение взгляд Аланна упал на солдатские сапоги, к которым прилипли остатки свежей зеленой пшеницы.

– Я никогда не был хорошим фермером, – сказал он. – Некоторые люди чувствуют землю. Это у них в крови. Земля разговаривает с ними. Отвечает им. – Он наблюдал за незнакомцами. Обычно разговор задает ситуации направление, когда все участники представляют, как дальше будут развиваться события, совсем как последовательность сезонов при выращивании урожая. Нарушите ход сезонов, и фермеры запутаются. Поверните разговор под неожиданным углом, и ваши собеседники растеряются.

– Что? – нахмурился короткий, в его глазах мелькнуло сомнение.

Высокий скривил рот:

– Я не дам...

Пнув по налопатнику ногой и перехватив рукоять посередине, Аланн резко крутанул мотыгу и сделал выпад вперед. Инстинкт подсказывал ему никогда не размахивать длинным оружием. Короткое лезвие мотыги оказалось слишком тупым, чтобы рассечь плоть, но достаточным, чтобы раздробить горло солдата до самых шейных позвонков, и его удивление растворилось в безмолвном алом мареве.

Не останавливаясь Аланн атаковал второго солдата, держа мотыгу в вытянутых руках. Правой рукой мужчина неловко потянулся за мечом, лучше было бы ему вынуть нож. Опрокинув его на землю, Аланн надавил мотыгой ему на горло, прижимая наполовину вынутый меч своим телом.

Из горла обоих солдат вырывалось ужасное сипение, они с багровыми лицами бились в агонии, издавая булькающие звуки. Первому, чтобы умереть, помощь уже была не нужна, второй все еще продолжал бороться. Солдаты, поразив врага, двигаются дальше, оставляя его где-то позади в одиночестве испускать последнее дыхание. Таково сражение. Но для фермера смерть, которую он приносит, значит гораздо больше. Он режет свою скотину, прижимая ее к себе, успокаивая – не в пылу гнева, не из жестокости, а по необходимости. Фермер не бросает свою жертву, он разделяет ее смерть, для него это часть цикла смены сезонов – роста, созревания и сбора урожая. Это называется убой. Аланн чувствовал каждое усилие пожилого мужчины, всем телом прижимая его к земле. Он наблюдал, как в глазах солдата гаснет жизнь. И, наконец, обессиленный, дрожащий, он с отвращением откатился в сторону.

Аланн встал на четвереньки, и его вырвало, жидкая кислая блевотина разбрызгалась по сухой земле. Он поднялся на колени, отвернувшись к соседнему

полю, где росла тихая рожь и легкий ветер ряд за рядом гнал по ней волны ряби. Мертвые люди по обе стороны от него едва ли казались реальными.

– Нужно подниматься, – сказал Дарин. Серьезный, бледный, он внимательно наблюдал, как делал это всегда.

– ...меня называли кеннт. – Разум Аланна оставался как в тумане, окутанный этим странным спокойствием. – Когда я был ребенком, меня называли кеннт. Они знали. Дети всегда знают. Это взрослые видят только то, что хотят видеть.

– Можешь уходить. – Дарин посмотрел на мертвецов. – Здесь на тебя ничего не указывает.

– Тогда прости меня. – Поднявшись, Аланн вытащил меч, который так и не достал солдат, и взял кинжал, который тому следовало бы вынуть.

– Ты сам должен простить себя, брат. – Дарин улыбнулся своей единственной улыбкой – подобием улыбки – печальнее, чем заход луны. Улыбка исчезла. – Сейчас тебе нужно идти домой.

– Дом! Они шли от дома! – Сказав это, Аланн бросился бежать вверх по склону, за которым скрывался его дом. Он бежал быстро, но горе настигло его, вцепившись мертвой хваткой, затуманивая глаза. Он никогда не ощущал эту жизнь своей, его жена, его дети – всегда казалось, что они должны принадлежать кому-то другому, кому-то лучшему, но за это время он полюбил Мэри и мальчики овладели его сердцем, прежде, чем научились держать голову.

Аланн бегом взобрался по склону. Когда он поднялся на гребень, языки пламени уже охватили дом. Жар остановил его, словно он натолкнулся на стену. Кто-то, возможно лучший, чем он, заскочил бы внутрь, не обращая внимания на пекло, не сознавая, что никто не смог бы выжить в этих стенах. Кто-то настолько охваченный горем, что у него осталось лишь одно желание – умереть рядом со своими близкими. Но этот, покрывающий волдырями щеки и выдавливающий слезы, жар иссушил туман эмоций и опустошил Аланна. Он отступил от ревущего треска на шаг, три, пять, пока жар не стал терпимым. Он выронил оружие и уставился на свои пустые руки, словно они могли удержать его скорбь.

– Мои соболезнования. – Дарин стоял рядом, нетронутый жаром, не взволнованный бегом.

– Ты! – повернулся Аланн, поднимая руки. – Ты это сделал!

– Нет, – просто сказал Дарин и медленно покачал головой.

– Ты наслал это проклятие... ты так и не простил меня!

– То, что случилось, не имеет причины, Аланн. Этому причина не нужна. Горе захлестывает горе, как вода камни. Это нельзя предвидеть, нельзя предугадать, кого оно коснется, а кого обойдет стороной.

Аланн упал на колени, сжимая меч и нож.

– Ты должен добраться до деревни, предупредить старейшин. Там придется объяснить...

– Нет, – отрезал Аланн, отвернувшись, и направился к загону, в котором зимой держали овец. У подветренной сухой каменной стены лежали сложенные штабелем лучины, а в их нише – завернутый в промасленную ткань старый топорик, рядом точильный камень. Сунув меч и кинжал за пояс, Аланн взял камень и принялся точить топор.

– Это совсем другое, Аланн. Это как буря, только хуже. И все закончится тем, что...

– Предлагаешь все начать заново? Найти новую жену? Нарожать еще сыновей? – Говоря это Аланн осматривал дальние поля, пока его руки затачивали топор. Он увидел тропы, протоптанные солдатами через свекольные поля наискосок к Уоррен Вуд. За ним находились фермы Роберта Гуда и Рена Хея, а еще дальше – деревня. Аланн спрятал камень в карман и ровной трусцой отправился за добычей.

Дарин ждал его у опушки.

– Ты умрешь ни за что. Никого не спасешь и не сможешь отомстить. Ты умрешь, как обычный человек, которым никогда не хотел быть. Бог увидит, что ты...
– Бог послал солдат. Бог сделал меня убийцей. Давай посмотрим, чем это обернется.
– Нет. – И Дарин встал на его пути, не обращая внимания на топорик в руке брата.
– Довольно, Дарин. – Аланн не остановился. – Ты ведь просто призрак. – Он прошел сквозь Дарина и ступил в лес.

***

Шестеро солдат отдыхали у основания одного из старых камней – рассеянных по всему Уоррен Вуд монолитов, массивных и одиноких напоминаний о тех людях, что обитали в этих землях еще до Христова пришествия. Под слоем грязи, покрывавшей мундиры солдат, имелись знаки отличия, но Аланн не смог бы определить, какому лорду они служат, даже если бы его герб развевался над ними на новеньком полотнище. Он скользнул обратно в куст остролиста, за которым скрывался, и вынул прихваченный с собой меч. Вряд ли это будет удобным оружием для боя в тесном пространстве под деревьями, и кроме того, до этого он ни разу не фехтовал. Он вышел из-за куста, потревожив низко висевшие ветви бука высоко поднятым над головой мечом.

Когда он появился на поляне, в центре которой высился монолит, солдаты стали подниматься. Он метнул меч, тот сделал пол оборота и, пролетев десять ярдов, вонзился бородатому мужчине в пах.

Выхватив из-за пояса топор и нож, Аланн бросился в атаку.

Прежде чем он покрыл это расстояние, самые расторопные дозорные уже были на ногах, – один в шлеме и с мечом, второй с непокрытой головой и кинжалом, на другой его руке неловко болтался щит. В последний момент, прежде чем они приблизились вплотную, Аланн бросился на землю и вперед ногами проехался между ними по грязи и сухим листьям. Взмахнув руками, он ударил обоих противников под колени, одного топором, другого ножом. Забивающий скот фермер знает, что такое сухожилие и какую роль оно выполняет.

Скольжение Аланна закончилась у основания старого камня, прямо у ног стоявшего там третьего солдата. Перекатившись, Аланн увернулся от меча, который высек искры из монолита как раз над его головой. Уверенно ступая, он побежал вокруг основания старого камня толщиной больше пары вековых дубов. За ним погнались двое, но они были на несколько ярдов позади, когда он снова оказался возле трех лежащих мужчин и четвертого, который пытался помочь одному из раненых встать. Налетев на них, Аланн быстро ударил наклонившегося топориком по спине, а затем ножом полоснул по шее уже поднявшегося на ноги раненого в пах солдата.

Погоня обогнула монолит, и Аланн пригнувшись развернулся. Двое солдат с обнаженными мечами громко топая показались из-за камня. Аланн бросился вперед, держа корпус ниже неприятельских мечей. Толкнувшись ногами вперед и вверх, он врезался плечом в живот переднего солдата и вместе с ним повалился на заднего, опрокинув того на землю. Четыре удара ножом в живот – быстрых, как хлопки в ладоши. Навалившись на переднего, Аланн прижал коленом его руку с мечом и с размаху опустил свой топорик на лицо заднего солдата. Тот лежа на спине неуклюже пытался высвободиться, но слишком медленно.

Аланн вогнал кинжал в шею раненого в живот солдата, провернул и вынул. Весь окровавленный, он встал. Второй солдат слегка подергивался, Аланн выдернул из его лица топорик, тот с хрустом вышел из кости.

Зверь наиболее опасен, когда ранен, – именно тогда велика вероятность, что он на вас нападет. Но уже атакующий вас человек гораздо менее опасен, если он ранен. Аланн обошел поляну, прикончив двоих раненных солдат.

Дело сделано. Одежда Аланна была багровой от чужой крови. Из мрака под деревьями на него смотрел Дарин – тихий, призрачно-бледный, с полупрозрачными руками и ногами, чуть более различимыми, чем простая игра света и тени.

– Ты убил злых людей, – сказал Дарин.

Аланн оглядел учиненное им кровавое побоище:

– Зло живет в большинстве мужчин, просто оно ждет своего часа.

– Они были злом. Ты сделал за Бога его работу.

– Бог не заставлял меня убивать злых людей – он создал меня для убийства, как нож создан для того, чтобы резать.

Из глубины леса с разных сторон послышались крики. Еще солдаты. Аланн поднял свой топор.

Дарин выскользнул из тени, став почти невидимым в солнечном свете:

– Мы братья, Аланн, давай вернемся. Так у тебя будет возможность остаться живым.

– Выбор сделан. Мною или за меня. Обратной дороги нет. Уже нет.

Крики приближались.

Аланн заговорил снова:

– Сейчас ты можешь сделать для меня только одно, Дарин.

Между ними повисло молчание, переливающееся золотом в солнечном свете.

– Я прощаю тебя, брат.

Сказав это, Дарин отступил в тень, и теперь его черты, нечеткие даже там, сливались в какое-то пятно, которое могло быть любым человеком. Вокруг него плотной толпой выросли другие, еще восемь бледных видений, так что Аланн уже не был уверен, который из них Дарин. Там стояли девять призраков, теней его убийств. Его новая жатва.

Щурясь от света, на поляну выскочили трое солдат, и Аланн бросился на них.

***

Он не знал, как долго сражался или скольких убил под зеленым покровом леса, но мог лишь сказать, что это было долго и много. Наконец он остановился, тяжело дыша. В окровавленной одежде, прислонившись спиной к высокой скале, он обнаружил, что находится на том же месте, откуда начал, – у старого камня среди множества трупов.

Неспешные хлопки в ладоши заставили его поднять голову, хотя от изнеможения ее тянуло вниз. Из-за деревьев показался человек, он не выскочил на поляну, как до этого делали солдаты, а двигался с большой осторожностью. Позади него возникли другие, все вооруженные, хотя не были военными. Бандиты, бродяги, мерзавцы, которые шатаются по обочинам любой войны, обирая раненых. Аланн переводил взгляд с одного лица на другое. Все суровые мужчины. Все разные – низкий и высокий, молодой и старый, неряшливый и опрятный, но было в них что-то общее. Каждый был прирожденным убийцей.

Их главный перестал хлопать. Молодой человек, высокий, шальной, с опасным выражением в глазах.

– Мастерски ты с ними расправился, брат. Я наблюдал за первыми шестью... великолепно.

Вытерев рот, Аланн сплюнул. На губах медный привкус крови.

– Ты наблюдал?

Мужчина пожал плечами. Он был моложе, чем сначала показалось Аланну.

– Некоторым просто интересно смотреть, как горит этот мир, – усмехнулся он.

– А я огонь.

– Пусть так, брат, и кто из нас хуже?

На это у Аланна не было ответа.

– Как тебя зовут, брат?

Звук рога вдалеке. Другой, поближе. Еще солдаты.

– Кеннт. – На него смотрела дюжина мужчин, а то и больше. – Меня зовут кеннт.

– Брат Кент. – Молодой человек выхватил меч, который замерцал острой как бритва сталью. – Красный Кент, я буду звать тебя так, потому что ты пришел к нам окровавленным.

– Красный Кент, – пробежал по строю шепоток. – Красный Кент. – Приветствие стаи.

– Люди барона на подходе, брат Кент. – Юноша указал клинком в сторону Уоррен Вуд. – Ты будешь сражаться рядом с нами?

Аланн оттолкнулся плечом от камня. Он еще раз оглядел толпу оборванцев перед собой – пестрое сборище, скорее стая, чем дружина, банда братьев, которые знают, в чем его суть, потому что и сами такие же – все они убийцы. Он опустил глаза на алое от крови оружие в своих окровавленных руках и понял, что это есть миг умиротворения, который наступает, когда что-то возвращается к своей природе.

– Буду.

Примечание. Красный Кент всегда был любимым персонажем читателей, несмотря на очень малое количество «экранного времени». Традиционный для фэнтези «герой» отлично владеет мечом, что подразумевает преобладание в его характере бойцовских качеств. В начале Красный Кент берет именно своими превосходными навыками владения оружием, но без должного авторитета, дальновидности, силы характера и т.д. Человек «не выдающегося» характера, который только и может, что быть смертоносным в бою.

Природа зверя

Ночь разорвали крики, следовавшие за треском огня в соломенной крыше. От просочившегося под дверь дыма в носу Сабиты засвербило. Сквозь трещины в ставнях она увидела оранжевые проблески пламени.

Когда сорванная с кожаных петель дверь отлетела в сторону, Сабита не повернула головы от стола и работы, которой были заняты ее руки.

– Возьми стул, я займусь тобой через минуту. – Она выпустила лишь небольшую струйку своих чар. Чтобы прослыть ведьмой, женщине не обязательно использовать много магии, остальную работу доделает сила внушения. Люди превосходно поддаются внушению, если только использовать правильные слова.

– Я возьму не только стул, старуха!

Он издал странный звук, что-то вроде «ур-ур-ур», который, видимо, заменял у него смех.

– Конечно возьмешь. – Обернувшись, Сабита поразилась размерам мужчины, который сидел на трехногом табурете рядом с ее печкой. Он был на фут выше Бена Вуда, который в свою очередь был на фут выше Сабиты даже еще до того, как возраст согнул ее спину. А Сабита никогда не считала себя низенькой. – Выпьешь кружку эля для начала?

Поверх стеганой куртки на мужчине была рваная кольчуга, и, несмотря на его огромный размер, на нем не было ни единого чистого места. Широкий лоб, грубые скулы и тупой подбородок забрызганы кровью. На плече и боку сажа, по бедру и ноге размазалась грязь, сапоги облеплены разной дрянью.

– Кто это? – кивнул он на стол, прищурив блеклые глаза.

– Больная, – сказала Сабита. – Я лечу болезни, исцеляю раненых. У нее серая сухотка. Я сделала все возможное, но сомневаюсь, что она проснется. Теперь это в руках Божьих.

– Фу, – сплюнул мужчина и нахмурился, – так ты ведьма.

– Знахарка. Меня называют матушка Сабита. А ты кто?

– Райк, – будто гавкнул он. Табурет под ним был слишком низким, и его колени торчали почти на уровне груди, а поперек них лежал тупой окровавленный меч длиной почти в рост Сабиты. Мужчина в замешательстве нахмурил лоб, но крик снаружи заставил его приподняться.

– Был у меня одно время старый рыжий пес. – Сабита сняла с крюка на балке деревянную кружку и подошла к небольшому бочонку, в котором держала эль. – Долго у меня жил. Преданный, верный – ну, насколько вообще может быть верным пес, – но однажды он подскочил и укусил меня. Ни с того ни с сего... вцепился и не отпускал. – Она перехватила взгляд Райка, прищуренный и полный беспричинной злобы. – Никогда не знаешь, что взбредет зверю в голову. Даже самый бесхитростный из них может тебя удивить. А нередко и себя тоже.

Она протянула ему кружку эля – темной жижи с редкими островками пены. Райк потянулся и взял напиток, сердито нахмурившись, будто рука его предала.

– Мне плевать на твоего пса.

– Моя сестра, Челла. Сейчас она ведьма. Причем темная. У нее была серая собака, злющая тварь. Могла броситься на любого, кто только глянет на нее. – Сабита рассматривала налетчика, его грубые, покрытые шрамами пальцы сжимали кружку с нетронутым элем. Пока говорила, она прощупывала его сознание, как могла обходя его ярость, то тут то там натываясь на воспоминания. Они наводняли ее разум обрывками кошмаров. Жуткими деталями жуткой жизни. Она улыбнулась своей самой теплой улыбкой. – Самое смешное, что эти собаки...

– На собаку твоей сестры мне тоже плевать. – Устав сдерживаться, Райк плюнул на пол. – Где твои драгоценности, женщина?

– А самое смешное, Райк, что эти собаки были братьями. Сука принесла их одного за другим, сначала серого, потом рыжего. – Сабита хрустнула костяшками пальцев. Это немного облегчило боль. Снаружи туда-сюда метались фигуры, на мгновение появляясь в открытом дверном проеме и исчезая вновь. – У тебя есть брат, Райк?

– Прайс¹. Где-то там, – кивнул Райк за дверь.

– У каждой семьи есть прайс, – улыбнулась Сабита своей шутке. – Мы их не зовем, ничего не выбираем, но платить приходится. – Взяв другую кружку, она стала ее наполнять. – А спустя несколько лет после того, как я прибила своего рыжего булыжником, с серой собакой произошла история. В село пришел волк. Огромная зверюга, но лишь кожа да кости, да пена и зубы. Высох весь от бешенства. Он застал меня у сарая Дженнера. Я возвращалась из лесу с корзиной грибов в одной руке и палкой в другой. Хотя, чтобы остановить эту тварь, понадобилось бы нечто посерьезнее, чем палка старухи.

В дверях появилось красное, измазанное сажей лицо с дикими глазами. На мгновение дикие глаза остановились на Райке, и голова исчезла.

– Этот волк собрался меня выпотрошить. Но старина Серый выскочил из дома сестры и прыгнул прямо на него. Они сцепились в единый клубок зубов и меха. Только Серый в конце концов победил. – Она подняла эль к губам и сделала большой глоток. Снаружи кто-то рыдал. – Вот какие они, эти дикие. Никогда не знаешь, что у них на уме и что они сделают.

– Хех, – покачал головой Райк и поставил кружку, так и не притронувшись к элю.

В открытую дверь ворвался один из налетчиков, долговязый, с длинными волосами, заплетенными в черные крысиные хвостики. На нем были кожаные доспехи, а поверх накинута волчья шкура с оставленными на ней лапами. Копье в его руках было направлено на Сабиту. Она не знала, увидел ли он Райка у печки, но не заметить такого великана было трудно. В любом случае, крупный мужчина не пропустил того, что поменьше. Вскочив, Райк врезал вошедшему затрещину, да так сильно, что тот упал как подкошенный и остался лежать без движения. Вокруг головы по грязному полу растекалась кровь.

– Спасибо, Райк. Уверена, что волк грозил мне бедой.

Крики и вопли снаружи становились реже, а треск огня устойчивее. К рассвету деревня Джонхолт превратится в пепелище. Пошел небольшой дождь, орошая горелые головешки.

– Тебя ранили, Райк, – Сабита указала на запястье, по которому его чем-то полоснули, оставив ужасный разрез в пару дюймов длиной.

Глянув на рану, Райк удивленно моргнул.

– Я позабочусь об этом, – произнесла Сабита нараспев, успокаивающе и размеренно. – Если не зашить, рана может загноиться, а для воина это не лучший способ окончить дни.

Райк нахмурился и кивнул, подзывая ее. Взяв с полки над своей кроватью сумку, Сабита опустилась перед ним на колени, подтянув его руку поближе. Она достала иголку и нитки, а также баночку с мазью, которую использовала для ран – черный имбирь и тимьян, растолченные в небольшом количестве масла. Райк зарычал, когда она сделала первый стежок.

– Разве на этом столе не было женщины? – взглянул он поверх ее плеча.

– Нет, – наложила следующий стежок Сабита.

В дверях появился еще один – толстый мужик с отвисшим подбородком. С него стекали капли усилившегося дождя.

– Пошли! Мы уходим. Здесь нельзя оставаться.

---

¹ Прайс от англ. price – цена. – Здесь и далее прим. пер.

– Убирайся, Барлоу! – свирепо глянул на него Райк, а когда тот уже повернулся, чтобы идти, добавил: – И заberi с собой Кевтина.

Ворча, толстяк ввалился внутрь и, схватив лежавшего мужчину за лодыжки, потащил его в дождь. Лапы волчьей шкуры волочили следом.

Сабита продолжала зашивать рану, шикнув на Райка, когда тот дрогнул:

– Такой замечательный большой воин, а испугался маленькой иглы.

Она выжидала, пока уйдут остальные налетчики. Громила находился под действием ее чар. Вся эта грудa мышц, и так мало мозга, чтобы ими управлять. Действительно похож на одного из тех псов в ее истории, хотя правды в ней было не больше, чем в остальных словах, что она ему говорила. Но у нее действительно была сестра. Хотя Челла быстро покончила бы с Райком, если бы была здесь. Наконец Сабита закрепила нитку и встала.

– Готово.

Цокая языком, Райк осмотрел работу, продолжая видеть рану, которой там не было. И хитро взглянув на ведьму, сказал:

– Лучше я расплачусь. Чтоб не сглазила.

Сабита мысленно улыбнулась. Ей понадобятся все деньги, которые она сможет получить. Она сомневалась, что друзья Райка хоть что-то оставят от деревни или ее обитателей. Ей придется сниматься с места и обосновываться на новом.

– Золото – лучшая гарантия.

Бурча себе под нос, Райк полез в карман. Звякнули монеты, и он вытащил несколько золотых. Выбрав самую маленькую, он сунул остальные назад.

– Вот. – И он вложил монетку ей в руку.

– Благодарствую. – Она подавила желание попробовать монетку на зуб, вместо этого отвернувшись, чтобы убрать ее. – Пей пиво, Райк. – Она привлекла всю оставшуюся у нее силу внушения.

Склонившись над кроватью и постучав по стенному столбу монеткой, она просунула ее внутрь. Щель прятало более сильное колдовство, чем то, которое могла сотворить Сабита. Работа ее сестры, хотя она не знала, где эта злая карга находится сейчас. Челла давно увлеклась некромантией и следовала этому пути.

– Райк! – Крик заставил Сабиту развернуться к двери. Огромный человек, возможно даже крупнее Райка, стоял на улице, пригнувшись, чтобы заглянуть в дверной проем.

– Вылазь отсюда! Остальные уже на дороге!

С мечом в руке, запястье которой зашила Сабита, Райк поднялся, тоже пригнувшись, чтобы не удариться головой о потолочную балку.

– Иду. – И, лениво ткнув мечом, он пронзил Сабите живот.

Это оказалось больнее, чем можно было себе представить, и она скрючилась вокруг холодного железа, выплевывая ругательства на древнем языке.

– Не стоит доверять собаке больше, чем ведьме. – Райк повернул лезвие, и старая ведьма закричала.

– Давно нужно было это сделать, когда еще время было. – Его брат Прайс убрал голову и двинулся прочь.

– Я же должен был дожидаться, пока ты покажешь мне, где золото, верно? – Райк вытащил лезвие, позволяя Сабите упасть. – У ведьм добыча всегда больше. – Он занес меч для удара. – Но они ее так хорошо скрывают! – И рубанул по столбу. Тот раскололся, и из его полых внутренностей посыпалось золото и серебро.

Сабита не видела ничего, кроме пола. Силы вытекали из нее. Она почувствовала запах дыма и услышала треск пламени. Должно быть, это брат, несмотря на дождь, сумел поджечь соломенную крышу. Сквозь треск горячей соломы Сабита слышала смешки Райка и позвякивание ее монет, которые переключивались в его карманы. В этом его смехе была какая-то наивность, скорее

что-то из детства, в отличие от того лишнего выражения смешка, который он издал, когда только зашел в ее дом.

Ведьма лежала на полу, истекая кровью, умирая, а человек крал все, что у нее было. Она часто задумывалась о смерти, но, в отличие от своей сестры, никогда не заключала с ней сделок. Ее удивило, что в такой момент, с дырой от меча в животе, она не думала о путешествии в мир иной, а прочно сосредоточилась на мести. Она не позволит этому человеку так походя одержать над ней победу, забрать ее золото и забыть о ней прежде, чем он успеет его потратить.

Сабита никогда не была могущественной ведьмой, но проклятье умирающей ведьмы, даже слабой, будет достаточно мощным. Как же проклясть это животное? Он не стар, еще и тридцати нет, совсем мальчишка. Не так уж боится смерти. Она даже обрадовалась, что он не стал пить эль. Яд был бы слишком легким средством. Даже такой яд. Истекая кровью, Сабита обдумывала свою месть. Райк не имел развитого воображения, чтобы представить, что такое настоящий страх. Он ни о чем не заботился, не боялся никого потерять. Он буквально ускользал от ее мести, будучи неспособным чувствовать любое горе достаточно глубоко, чтобы это могло компенсировать ее боль. Если прямо сейчас его брат упадет замертво, это животное только пожмет плечами и не преминет обогреть его труп.

Райк встал и, похлопав по звякнувшим карманам, зашагал к двери. Вокруг него клубился дым, пламя начинало кусаться. Сабите были видны только его ботинки. И онемевшими губами она пробормотала проклятие.

– Ты научишься переживать. Это может занять всю жизнь, но ты этому научишься. Ты найдешь кого-то, кого сможешь назвать братом, кто будет для тебя что-то значить. И тебе не хватит слов, чтобы выразить это, или других качеств, чтобы они ответили тебе тем же. И в итоге... ты подведешь их. И тогда моя кровь заберет их у тебя.

Райк вышел из хижины, и клубы дыма за ним сомкнулись. Сабита лежала, окруженная болью, чувствуя жар от огня. Ее ждал ад. Ее жизнь не была простой, и она не оставит после себя ничего. Ничего, кроме своего проклятия.

Оно не принесет немедленного результата. Это может занять годы, у зверя толстая кожа, а ее силы слабы. Но однажды... однажды... оно вопьется в него достаточно глубоко, чтобы причинить вред. И тогда ему станет больно.

И, возможно, именно Челла станет той, кто нанесет этот удар.

Примечание. Читатели проявили интерес к истории о Райке. Мне не хотелось освещать события его глазами. Думаю, интереснее было показать это со стороны. Проклятие ведьмы сбывается в конце «Императора Терний». Райку не удастся сделать последнюю вещь, о которой просит его Йорг, и мы понимаем – причиной этому становится то, что Йорг для него что-то значит. Несколько мгновений спустя сестра Сабиты заканчивает дело.

Выбор режима

Они называют меня чудовищем. Так и есть. Иначе тяжесть моих преступлений пригвоздила бы меня к земле. Я калечил и убивал. Если бы гора, на которой мы стояли, была немного повыше, я мог бы прирезать самих ангелов на небесах. Мне нет дела до людских обвинений. К обвинениям у меня такое же отношение, как к дождю, что поливает меня сейчас и струйками стекает по лицу и телу. Я сплевываю дождь и с ним их никчемные обвинения. От обвинений все равно только кислый привкус.

– Не останавливайся!

С этими словами он бьет меня по плечам огромной, гладкой от частого использования дубиной. Уже представляю выражение его лица, когда я заставлю его сожрать эту штуку. Они зовут его Эйвери.

Из двадцати бойцов, что захватили нас на Орлантской дороге, осталось пятеро. Они нас теперь и конвоируют. Вообще-то такой человек, как нубанец, столь легко не сдается, но у двоих против двадцати мало шансов, особенно когда один из этих двоих еще ребенок. Нубанец сдался еще до того, как лошади Выбранных успели нас окружить. Чрезмерная гордость не позволила принять мне такое же решение столь же быстро.

– Шевелись!

Сзади под колено ударяют дубинкой, и меня резко подкашивает, а из-под ног с тропы сыплются и летят под откос камни. Кожу на запястьях натирает веревка, на которую мы сменили свое оружие. Зато теперь появилась возможность сбежать, так как доставить нас в горы на суд они отправили только пятерых. Как бы то ни было, у двоих против пяти больше шансов.

Впереди меня весь сторбленный шагает нубанец, закрываясь от ливня широченными плечами. Не будь его руки связаны, он смог бы задушить четверых, пока я скамливал бы Эйвери его же дубинку.

Там, на Орлантской дороге, нубанец скинул с плеч арбалет, и тот упал наземь. Положил короткий меч на землю, оставив только нож в сапоге на случай, если вдруг его не станут обыскивать.

– Один черный, как дьявол, а другому нет и тринадцати! – крикнул Эйвери, когда они нас окружили.

Лошади били копытами и хлестали хвостами. Второй всадник перегнулся в седле и отвесил Эйвери пощечину. Превосходный удар, от которого остался белый отпечаток на красной щеке.

– Кто судья? – спросил худощавый седой мужчина с цепким взглядом.

– Судья – Арка, выборщик Джон. – Эйвери, проталкивая слова сквозь стиснутые зубы, сердито взглянул на меня так, будто это моя ладонь отпечаталась на его лице.

– Арка. – Выборщик Джон кивнул, переводя взгляд с одного мужчины на другого. – Судья – Арка. Не ты, не я. Арка говорит за небеса. – Он проехал между нами. – И если этот человек или этот мальчишка – Выбранные, они станут вашими братьями!

***

И вот мы идем вдвоем, промокшие, замерзшие, избитые. Идем в гору, на суд, связанные и подгоняемые дубинкой Эйвери, а остальные четверо следят, чтобы мы не сделали и шага в сторону.

Опустив голову, я осторожно делаю каждый шаг, дождь струится с моих черных волос. Я размышляю об этой их Арке, ломая голову, как Арка может судить и что она может сказать. По всей видимости, ее слова имеют власть. Такую большую,

что она удерживает разрозненную банду выборщика Джона вместе и заставляет подчиняться ему.

– Если ты окажешься Выбранным, то будешь ездить со мной, – сказал он.

– А если нет? – пробасил нубанец.

– Не будешь.

Вот и все, что требовалось, для того, чтобы стать одним из знаменитых своей преданностью и дисциплиной Выбранных – тех, кто внушал страх всем северным графствам Орланта. Людей хватали без разбора прямо на дороге и тайно судили, не руководствуясь ничем, кроме одобрения некой Арки, которая, без сомнения, является реликвией Зодчих, непостижимой игрушкой, пережившей войну.

***

Вода сбегает ручьями меж моих сапог, окрашивая потертую кожу черным.

– Черт!

Крик Эйвери переходит во что-то нечленораздельное, когда он поскользывается и падает. Ему не помогает даже дубинка. Он расплывается на склоне холма и мгновение лежит, не понимая, что случилось. Когда же начинает подниматься, я прыгаю вперед и, перенеся весь вес на колено, наваливаюсь ему сзади на шею. Звук ломаемого позвоночника растворяется в дожде. Упершись связанными руками в его спину, мне удастся встать раньше, чем остальные успевают до меня добраться. Эйвери не встает, не двигается и не стонет.

Чьи-то грубые руки отгаскивают меня, лезвие у горла холоднее ветра. Джон стоит передо мной, в его остекленевших глазах, непривычных к подобным эмоциям, намек на потрясение.

– Ты убил его! – кричит он. Пальцы на рукояти меча сжимаются и разжимаются не переставая.

– Так кто судья? – кричу я в ответ, и из моего горла рвется наружу смех.

До девяти лет я спал глубоко в мечтах, что закрывают нас от мира. Тернии разбудили меня. Открыли мне резкий вкус новых истин. Удерживали, пока умирал мой младший брат, и бесконечно долго не отпускали из своих объятий, пока люди моего дяди убивали мать. Я проснулся злым на весь мир, намеренным вернуть больше боли, чем получил.

– Я готов встретиться с Аркой и выслушать ее решение, – сказал я. – Потому что, если ее устами говорит само небо, мне есть, что ему ответить.

Глубоко в гряде облаков рикошетит молния, заставляя грозовые тучи светиться, и на одно биение сердца озаряет склоны светом. Молотит дождь, обжигая ледяным холодом, но я горю от воспоминаний о терниях и лихорадке, которую шипы вложили в мою кровь. Ливню не смыть моих грехов, эти пятна не отмыть водой. Горечь ран от терний уже не подсластить. Но небесная Арка ждет, и мне вдруг сильно хочется, чтобы она молвила обо мне.

Рука на мече Джона конвульсивно разжимается.

– Вперед.

Короткий кивок, брызги, и он уходит дальше. Я иду следом, уже в нетерпении, подъем больше не кажется таким крутым. Только нубанец оглядывается на Эйвери – тот все еще лежит в обнимку со склоном, – а затем бросает на меня настороженный взгляд, в котором ничего нельзя прочесть. Блеск моей маленькой победы меркнет, и уже не первый раз не слова нубанца, а его молчание заставляет меня пожелать стать лучше, чем я есть.

Другой Выбранный занимает место замыкающего конвоира. Греб – так они его зовут.

– Смотри под ноги, – говорю я. – Тут становится скользко.

Мы переваливаем через вершину гребня и начинаем спускаться в тень долины. Пронзительные стоны ветра смолкают до жалобного воя. Света не так много, но внизу, где по склону змеится тропа, я замечаю что-то неладное.

Я останавливаюсь, и Греб, ткнувшись в меня, раздражается бранью.

– Там что-то не так с дождем.

Я всматриваюсь. Кажется, что на широком участке дождь падает слишком медленно, капли зависают над землей и образуют серую пелену падающей воды.

– Медленное время, – говорит Джон, не поворачиваясь и не повышая голоса.

Греб пинает меня по икре, и я иду дальше. Я слышал о медленном времени. Его клочья разбросаны по Аркадским горам – отголоски тех дней, когда Зодчие разрушили мир. Когда мир разлетается на осколки, всегда оказывается, что появились новые правила. У них был День Тысячи Солнц. У меня были тернии.

Я следую за нубанцем внутрь участка медленного времени – полосы в два-три ярда шириной. Снаружи кажется, что дождь падает свободно. При входе в это место окружение меняется, словно все нормально только там, где я иду. Впереди и позади дождь долбит землю так, словно каждую каплю выпустили из баллисты и она может пробить отверстие в броне. Мы проходим участок насквозь. Греб все еще с трудом продвигается, по-прежнему позади меня, медленно, как уличный мим, даже еще медленнее, пока не выбирается наружу и не начинает ускоряться. Медленное время прилипает к нему, не желая выпускать пленника. Даже на расстоянии в десять ярдов оно все еще цепляется за его кожу, но наконец он идет с нами в одном темпе.

Мы движемся вперед, и за выступом скалы открывается странное зрелище. Как если бы пузырь из прозрачного стекла, почти невидимого, пересекал склон горы. Дождь стекает с него, увлекаемый со своего обычного пути невидимыми течениями. В центре полусферы, у самой земли, манит обещанием бриллиантов голубой свет. А над ним возвышаются статуи.

– Идиоты. – Джон машет в их сторону рукой, когда мы проходим мимо. – Я могу понять, как в ловушку попался первый, но остальные семеро?

Мы уже достаточно близко, чтобы увидеть, что это не статуи. Восемь путников, тот, что ближе всех к голубому свечению, одет так, словно сошел с какой-нибудь пыльной масляной картины, которые развешивают на стенах в замках. Они как мушки в янтаре, как мотыльки, привлеченные светом огня, в котором мы все сгораем. Какой мир будет ждать их, когда они надумают вернуться?

– И что, во всех ли пузырях времени есть такой наглядный предостерегающий огонек в центре? – вслух интересуюсь я, но никто не отвечает.

Я оглядываюсь еще раз, пока они окончательно не скрываются из поля зрения. Все они хранятся там как воспоминания о прошлом, а снаружи пробегают дни и месяцы. У меня в голове есть свои пузыри времени – места, в которые я возвращаюсь вновь и вновь.

Когда я в первый раз убил человека и оставил Зал Исцеления в огне, боль в ранах от яда терний была нестерпимой. Меня нашел отец Гомст. Память переносит меня на крышу башни, свесившись с края которой я разглядываю закручивающиеся языки пламени внизу и огни фонарей охотящейся на меня отцовской охраны. Мы стоим на башне, вдвоем, скованные минутами ожидания. Я часто возвращаюсь к этому моменту, в очередной раз пытаюсь понять, и ничего не получается.

Отец Гомст поднимает обе руки.

– Тебе не нужен нож, Йорг.

– Я думаю, нужен. – Лезвие дрожит в моей руке не от страха, а от той лихорадки и эмоций, которые она во мне вызывает. Словно что-то несется на меня, что-то захватывающее, ужасное, внезапное... мое тело дрожит в нетерпении. – Чем еще я буду резать?

– Отдай его мне.

Он не тянется к ножу. На шее у него золотой крест и талисман Зодчих – древний, расколотый, частично оплавленный кусок пластмассы, посеребренный, как церковная икона. Он говорит, что Бог слышит его через него, но я не чувствую никакой связи.

– Тернии не отпустили бы меня, – говорю я ему.

Сэр Ян бросил меня в глубь тернового куста. У него была такая гора мышц, что он смог оторвать дверцу кареты и выкинуть меня подальше, пока нас не настигли солдаты моего дяди. Сильный человек может бросить девятилетнего ребенка довольно далеко.

– Я знаю. – Отец Гомст вытирает дождевые капли с лица, проводя рукой от лба к подбородку. – Из терновника и взрослому тяжело вырваться, Йорг.

Если бы он мог действительно говорить с Богом, то знал бы мой приговор и не стал бы тратить слова попусту.

– Я мог бы спасти их. – Терновник спрятал меня у себя в глубине, он удерживал меня. Я видел, как умирал маленький Уильям, три вспышки молнии – три застывших мгновения расправы. – Я мог бы спасти их.

Но я чувствую гнилой вкус лжи на языке. Неужели хоть что-то могло удержать меня от того, чтобы помочь Уильяму? Неужели хоть что-то могло удержать мою мать? Что? Можно вырваться из любых оков, продрасться через все тернии. Вопрос только в том, что ты готов потерять и какую боль перетерпеть.

Греб толкает меня, и я возвращаюсь на гору. Смрад его тела настигает меня, несмотря на дождь.

– Не останавливаться.

Как будто он уже забыл, за что я, черт возьми, убил Эйвери. Суд... Я готов к нему.

***

– Здесь.

Джон поднимает руку, и все мы останавливаемся. Я не сразу замечаю Арку. Это скорее не арка, а дверной проем, узкий и окаймленный серебряной сталью Зодчих. Она возвышается на платформе из камня Зодчих, литую поверхность которой все еще видно среди разбросанных камней. В двадцати ярдах груды костей: черепа таращатся на меня, некоторые здесь недавно, некоторые уже рассыпаются в прах, но все очищены от плоти заботливыми воронами.

– Что произойдет, если мы не Выбранные? – На вопрос нубанца отвечают ухмылки мертвецов.

Джон вытягивает меч. Старый клинок, зазубренное, покрытое пятнами железо. Джон становится с противоположной стороны Арки. Трое других мужчин занимают позиции вокруг Арки, и Греб, который теперь понукает меня вместо Эйвери, вынимает нож.

– Эй, здоровяк. Ты первый.

– Когда пройдешь в Арку, стань смиренно и жди приговора. Дернешься, и я убью тебя, несмотря на милосердие ритуала. – Джон изображает смертельный удар.

Нубанец оглядывается на Выбранных, стряхивая с ресниц капли дождя. Он думает о драке, задаваясь вопросом, когда подвернется удобная возможность. Сжав в кулаки и соединив вместе связанные руки, он поворачивается ко мне:

– Мы жили, Йорг. Я рад, что мы встретились.

Его глубокий голос не дрожит. Нубанец подходит к Арке правосудия. Его плечи почти касаются стали с обеих сторон.

– Отказа... – говорит Арка голосом, ни мужским, ни женским, и вообще не похожим на человеческий.

– В сторону. – Джон делает знак клинком с презрением на лице. Он знает, что нубанец ждет своего шанса, и не дает ему ни одного. – Ты следующий. – Нубанца охраняют двое Выбранных.

Я делаю шаг вперед, наблюдая, как отражение скользит по стали Зодчих по мере моего приближения. Интересно, какими преступлениями запятнан нубанец. Хоть он и лучший из нас, нельзя выжить на дороге и остаться невинным, независимо от обстоятельств, из-за которых ты там оказался. С каждым шагом я чувствую, как в меня впиваются тернии. Они не могут удержать меня. Но они удержали меня той ночью, когда мир изменился.

– Суди меня.

И я ступаю под Арку. Мороз пробегает вдоль позвоночника, холодный огонь разливается по венам. Снаружи мир замирает, капли дождя зависают в полете на мгновение или на столетия. Я не могу сказать точно. Движение возвращается почти неощутимо, капли снова начинают ползти к земле.

– Отка-а-а-а-а-а-а-аз-з-з-з-з-з-з-за-ан-н-н-н... – Слово растягивается на века, дольше, чем ворчание нубанца. И в конце оно обрывается, как будто нож рассекает горло, из которого шел звук.

Я верю в Арку. Я заслуживаю неудачи, ведь я виновен.

И все же...

– Присоединяйся к своему другу. – Джон машет мечом в сторону нубанца. С его голосом что-то не то, очень низкий тембр.

– Дождь слишком медленный, – говорю я.

Быстрое время ускользает сквозь пальцы, но влияние Арки все еще в силе. Я делаю шаг обратно под Арку. Бог создал меня быстрым. Бог или дьявол, неважно. Но Зодчие сделали меня еще быстрее. На сей раз Арке сказать нечего, но, прежде чем Выбранный успевает приблизиться ко мне, я шагаю сквозь Арку еще раз.

Снова холодный шок перехода. Я не обращаю внимания на суд Арки и ныряю вперед, обернутый в быстрое время, таща его за собой. Джон едва вздрагивает, когда я разрезаю веревки вокруг своих запястий о его меч, который по своей душевной доброте он держит для меня неподвижно.

– В-в-в-вы-ы-ы-ыб-б-б-б-о-о-о-р-р-р-ре-ре...

Пока Арка говорит, я вытаскиваю нож Джона у него из-за пояса и вырезаю ему новую улыбку. И прежде чем появляется кровь, уже бегу к нубанцу. Я все еще достаточно быстр, когда добираюсь до него и вонзаю нож в глаз первому из охранников. Со скрежетом выкручиваю лезвие, освобождая глаз из глазницы. Нубанец бьет второго мужчину затылком в лицо.

Я догоняю Гребя. Он пытается убежать, хотя его нож больше моего и он думает, что мне всего тринадцать. Моя рука жаждет вонзить лезвие Джона в плоть, погрузить его между лопаток и услышать завывание человека.

Но Греб падает в полутьму прежде, чем я успеваю его настигнуть. Я останавливаюсь наверху и бросаю взгляд вниз, туда, где лежит на скале его распластанное, переломанное тело.

Возвращаясь к Арке, я замедляю шаги. Ливень ослабевает, ветер налетает отдельными порывами. Холод наконец пробирает меня, руки коченеют. Нубанец сидит у скалы рядом с грудой костей, проверяя арбалет на повреждения. Когда я приближаюсь, он поднимает глаза. Именно его суждение, его одобрение имеют для меня значение.

– Не вышло. – Он кивает в сторону Арки. – Возможно, Зодчие наблюдали за нами. Желали, чтобы мы добились большего успеха.

– Мне все равно, что они думают обо мне, – говорю я.

Его бровь приподнимается, наполовину озадаченно, наполовину с пониманием. Он кладет арбалет на колени.

– Я самое испорченное существо, какое когда-либо создавали мои боги, Йорг. Мы встретили на дороге плохую компанию. Любой выглядел бы лучше, чем они. – Он качает головой. – Лучше слушать Арку, чем меня! А еще лучше не слушать никого. – Он хлопает себя по груди. – Суди себя сам, мальчик. – Он оглядывается на свою работу и уже тише произносит: – Прости себя.

Я иду назад к Арке, обходя трупы Выбранных. Размышляю о том, что их спланивало, об узах, выкованных суждениями Арки. Такие узы кажутся более чистыми, более разумными, чем то случайное братство дороги, что связало меня с моей собственной бандой разбойников по воле случая. В ярде от Арки я вижу свое отражение, искривленное сталью Зодчих. Арка ответила мне «отказано», приговорив таким образом пополнить грудь костей, и все же несколько секунд спустя я был выбран. Сделался ли я пригодным в одну из этих секунд?

– Мнение – это, конечно, прекрасно, – говорю я. В моих руках камень, самый тяжелый, какой я могу поднять. – Но иногда лучше оставить его при себе. – Я со всей силы кидаю камень, и он врезается в крестовину основания, раскалываясь на острые обломки.

Я прикладываю руку к шраму, оставленному на металле.

– Отказано в соединении, – говорит Арка.

В конце концов, Арка имеет на это право.

Примечание. История Йорга открывает широкие возможности для того, чтобы высветить элементы нашего мира в ином ракурсе. Вы увидите, как старые здания сменили свое назначение, предметы быта превратились в объекты культа. Здесь стандартные сообщения из нашего века – «Сбой подключения» и «Выбор режима» – стали фундаментом для основания братства, которое ничем не отличается от братства Йорга. Идея заставляет задуматься о случайной природе преданности, дружбы и любви. Темой братства пронизана вся трилогия Разрушенной Империи. Братство по крови уводит нас к более общим вопросам семьи.

Сообщество братьев поднимает вопросы общности коллектива, тему лидерства. Братство друзей затрагивает вопросы верности и долга. Также в этом рассказе присутствует нубанец и упоминается отец Гомст. Двое очень разных мужчин, оба играют важную роль в жизни юноши, родной отец которого оставляет желать лучшего. Нубанец, чье нравственное превосходство кажется частью его природы, и отец Гомст, представляющий религиозные идеалы и трудности, с которыми при воплощении этих идеалов сталкивается человек, не обладающий сильным характером.

Милосердие

– Подавай мечь горячей или холодной, она никогда тебя не насытит. Это голод, который становится только сильнее, чем больше ты его кормишь.

– Очень поэтично. – Костлявая молодая женщина на кобыле с впалой спиной потеряла свой тощий живот. – Я бы не прочь поесть прямо сейчас. Например, хорошего куриного супа. Какой делала моя мать, – сказала она, причмокнув губами. – Но очень поэтично.

– Пока рана держала меня прикованным к постели, я пристрастился к чтению, сестра Эллен. – Макин нащупал на спине то место, куда вошел меч. – Кажется, я ступил на проторенную дорожку. По этому поводу много чего написано.

– Мне отмщение, говорит Господь. – Эллен перекрестилась. Жеребец Макина взмахнул перед ней хвостом, и она придержала кобылу. – Так нас учили в монастыре. Эта цитата была начертана библейским шрифтом на стене позади стола матери настоятельницы.

– Так что, я краду у Бога?

– Если уж собрался красть, то кради самое лучшее. Если нарушаешь одну из десяти заповедей, почему бы не нарушить остальные? – Эллен бросила взгляд куда-то в ночную тьму. Макин поежился, девушка могла видеть сквозь предметы. А сквозь темноту и подавно. Также могла видеть и сквозь людей. В монастыре таким вещам не учили. За это ее пытались утопить. В этом была их ошибка.

– Здесь. – Натянул поводья Макин. – Говорят, что мечь око за око сделает весь мир слепым. Это еще одна излюбленная тема мудрецов. – Он повернулся и потянул за узел, удерживающий перекинутый через спину лошади завернутый в одеяло куль. Тот глухо стукнулся о землю, издав звук, похожий на «уууф», как человек, из легких которого вышибли воздух. – Говорят, что мечь – это сладкий яд, который губит человека, даже когда тот жаждет его. – Макин кивнул своей помощнице. – Сестра Эллен, будьте любезны.

Женщина кивнула и, откинув со лба прямые светлые волосы, вынула из-за пояса нож – безжалостный, почерневший от времени кусок железа, такой же тонкий и опасный, как и его хозяйка. На его отточенном лезвии блеснул лунный свет. Опустившись на одно колено, она перерезала веревку, связывающую обернутое вокруг пленника одеяло:

– Убейте его, если считаете нужным, только не тяните. Это плохое место.

– Позволь-ка мне, Эллен.

Макин уперся сапогом в сверток и, крикнув от натуги, толкнул его. Прокатившись примерно ярд по короткой траве, одеяло развернулось и явило юношу, который лежа на спине уставился в лицо воина широко раскрытыми глазами.

Макин выхватил меч и присел на корточки, со всех сторон из темноты плотным потоком лились нежные звуки летней ночи.

– Ты знаешь, кто я?

– Мой отец лорд Бюси. – Юноша попытался перевернуться, чтобы сесть, но со связанными руками и ногами это оказалось не так просто, и парень откинулся на спину. – Он заплатит...

– Я спросил, знаешь ли ты, кто я, а не кто твой отец. И если кто и будет платить сегодня ночью, так это ты, Горлан. – Макин приставил острие клинка к груди юноши.

– Ч-что я такого сделал? – побледнел юноша.

– Если бы ты не знал ответа на этот вопрос, то не прятался бы в форте Мердит за четыре сотни миль от владений своего папаши, не так ли?

– Ты Макин Борта. – Парень проверил свои узы, потянув так, что из-под них выступила кровь, но этого оказалось недостаточно, чтобы их разорвать.

– Да, это я. Ты сжег мой дом. Я пересек три страны, чтобы найти тебя, Горлан.
– Это не я. – Изловчившись, он сел и начал отползать назад. – Это они...
– Остальные уже мертвы. – Макин позволил Горлану отодвинуться от своего меча. – Капитана Орлака я нашел на краю Топей Кена. У меня ушло шесть месяцев на лечение и еще два, чтобы разыскать его, но я все еще был в ярости, не правда ли, Эллен?

– Еще бы, – раздался позади Горлана голос Эллен. Парень крутанул головой, таращась на стоявшую у него за спиной фигуру – тощую, в лохмотьях, с узким непроницаемым лицом. – Вы повесили этого типа на его собственных кишках. Пришлось повозиться. Труднее всего было найти дерево. В болотистой местности они такие тонкие.

Макин встал и, воткнув меч в дерн между ерзающих ног Горлана, оставил его там.

– Сержанта Элиаса Смита мы нашли в Орланте, в городе Холлор, оживленное местечко. Он знал, что на него охотятся, но все равно не очень-то в это верил. Он думал, что если ему удастся сбежать от нас на достаточное расстояние, то он сможет жить нормальной жизнью, найти работу, пить в тавернах, бегать за девками. Если бы он знал, что его ждет, он бы нашел пещеру в горах и жил бы, питаясь одними кроликами и дождевой водой.

– Я не имею к ним никакого отношения! Клянусь! – Горлан прекратил бесполезные попытки отползти назад и посмотрел на своих похитителей. – Я даже не слезал с лошади.

– И все-таки ты был их командиром, Горлан Бюси, сын лорда, – сказал Макин. – И привел их как командир. К моему дому. Мою жену звали Несса. Она была умна и добра. А какая была рукодельница – вышивала такие картины, что, глядя на них, можно было подумать, что смотришь в окно... Но готовила отвратно.

– Я не...

– Они догнали ее за домом. Проткнули копьем. Я в то время лежал в канаве, истекая кровью. Кто-то вогнал мне меч в спину, пока я дрался с твоими людьми. До сих пор помню этот ров – небо сквозь заросли травы, очень синее и очень спокойное, и крики, когда твои люди подожгли крышу.

Сержанта Смита я проткнул копьем в таверне «Рыжий Лев» в Холлоре. Когда делаешь нечто подобное, все наблюдают, но никто не двигается. За исключением сержанта. Когда я направился к выходу, он попытался встать, но копье – это громоздкая штукавина, даже когда просто таскаешь его в руках, и он застрял между стульями и прочей мебелью. Ты можешь подумать, что копье убивает достаточно быстро, но если знать, куда его воткнуть, человек будет умирать несколько дней. – Макин взглянул на Эллен. – Разрежь его веревки.

Присев на корточки позади Горлана, женщина разрезала его путы.

– Не делай этого. – Горлан повернул голову к Эллен. – Смилуйся! Ты же была монашкой...

– Послушницей. И не по своей воле.

– У меня есть деньги.

– Ты на правильном пути, – улыбнулся Макин в темноту. – Милашка Эллен – корыстная душа. Я нанял ее, чтобы выследить тебя и твоих офицеров. Не то чтобы сброд, который ты привел к моему дому, был настоящей армией... но вы так себя представляли, а назвавшись ее командирами, вы стали мишенями для моей мести. Назначь хорошую цену – и Эллен твоя.

– Мой отец мог бы дать вам пятьсот золотых...

– Но ты помнишь, я говорил, что Несса не умела готовить? – спросил Макин.

– Несса? – Горлан встряхнул освобожденными от пут руками, положив их перед собой. Пока не восстановился ток крови, они оставались безжизненно белыми.

– Моя жена. Будь внимателен, или я рассержусь. – Макин снова присел на корточки. Между ними в земле торчал меч. – У нас была няня, садовник, два человека для полевых работ, конюх... целое хозяйство. Наша повариха, Друзилла, была злее бешеной собаки, но она творила настоящие чудеса с самой обычной едой. Пекла лучшие пироги, которые я когда-либо ел. И куриный суп тоже – просто умереть. И твои люди убили ее прямо на кухне.

– Моя мать. – Эллен стояла, держа в руках снятые с парня веревки.

– Ее мать, – сказал Макин. – Она сбежала из монастыря и пришла в надежде повидать свою дорогую старушку, а нашла лишь ее могилу возле руин моего дома. Но все равно попытайся предложить ей достаточно золота, и, я не сомневаюсь, Эллен рассмотрит эту сделку. Она здесь лишь потому, что я ей заплатил. Трудно даже сосчитать, сколько раз она предлагала мне бросить все это дело. Возможно, такие мысли ей привила какая-то старая монахиня. Все проходит – пройдет и это?

Горлан поднял голову и уставился на кинжал в руках Эллен:

– Я сожалею о вашей ма...

– Я ненавидела эту старую каргу, – пожалала плечами Эллен. – Она упрятала меня в это место. Сказала, что я позор для семьи и Бога. Я вернулась, чтобы потолковать с ней...

Макин пнул Горлана в ногу:

– Мы здесь, чтобы потолковать о моих делах. Поэтому сосредоточься

– Прости...

– Я даже не думаю, – перебил его Макин, – что в том налете был какой-то особый злой умысел. Всего лишь мелкая стычка, чтобы выяснить, где чьи владения, где проходит граница. Просто дом, который отдал нам отец Нессы, оказался в неудачном месте. Каждый день в войнах гибнут мужчины, но этот налет даже нельзя было назвать войной.

– Об этом я и пытаюсь сказать. – Согнув затекшие руки, Горлан вытер рот. – Я даже не видел, как умерла ваша жена. У меня было пятьдесят человек и приказ. Захватить усадьбу.

– И каждый день на войне умирают мужчины, – сказал Макин. Он повел плечами и ощутил, как ноет старая рана в спине и ребрах. Когда его пронзили мечом, он не почувствовал боли. И когда его легкие наполнились кровью, боли тоже не было. Она пришла несколькими днями позже и, видимо, уже останется навсегда. – И женщины тоже!

– Что? – Горлан вздрогнул от резкого окрика Макина.

– И женщины, – повторил он. – Женщины гибнут на войне каждый день.

Горлан развел руками. Он выглядел моложе своих лет – едва ли старше двадцати.

– Я никому не приказывал...

– Приказ выполнен, люди мертвы. Я понимаю, что происходит, а Эллен понимает еще лучше. Она говорит, что жажда мести гложет человека изнутри. Она говорит, убийство не заполняет эту пустоту. Оно просто отзывается в ней эхом. – Макин потер под ребрами на спине, пытаясь выдавить боль из раны, оставленной мечом почти два года назад. – И в этом она права. Повешенный на своих кишках капитан Орлак, насаженный на копьё Элиас Смит... это нисколько не уменьшило пустоты у меня внутри, не ослабило ее хватки. Это лишь разожгло во мне жажду добраться до остальных, заставило думать, что, лишь заполучив всех вас, я смогу спать, смогу отдохнуть, смогу больше не видеть их, наконец, когда закрываю глаза.

– Однако в этом и есть проблема, Горлан. Я не хочу перестать их видеть. – Макин внимательно посмотрел на молодого человека. – Ты пытаешься не задавать лишних вопросов. Думаешь: «кого их?» – но не хочешь спрашивать, потому что боишься услышать еще больше кровавых подробностей. Эллен расскажет.

Эллен откашлялась, взглянула на свой нож, затем на луну:

– Там еще была дочка. Маленькая девочка.

– Мне очень жаль... – Горлан взглянул на оставленный без присмотра меч, воткнутый между его колен, и посмотрел в темноту, словно взвешивая шансы на побег.

– Церис. Три года. Прелестная, как цветок. Сладкая, как... но она не нуждается в моей корявой поэзии. Она была еще совсем ребенком, моя девочка. Когда ты даешь новую жизнь... видишь ее появление на свет... видишь, как она растет... Ты меняешься вместе со своим ребенком, так же быстро и основательно, как и он сам. Ты смотришь на мир свежим взглядом, другими глазами. Мое сердце билось для нее... Ты понимаешь меня, Горлан?

– Да, – ответил тот, хотя по глазам было видно, что нет. Большинство молодых людей не в состоянии постичь подобные вещи. Он размял руки, уже не такие белые, и стал ждать.

– Она забежала в дом и спряталась, как велела ей мать. Многие дети ее возраста запаниковали бы и вцепились в подол матери. И умерли бы вместе с ней. – Макин сделал глубокий вдох, чтобы успокоить дрожащий голос. – Она спряталась, но огонь нашел ее. Скорее всего, первым ее нашел дым и задушил еще до того, как до нее добрался огонь. Это была поистине услуга. – Его руки сжались в кулаки, затрещав каждым суставом. – Мы нашли сержанта Дэвида в развалюхе у деревни на границе с Ренаром. Он знал, что мы идем за ним. В этой Разрушенной Империи можно было бы с легкостью затеряться... но глаза есть повсюду, а люди жадны до денег.

Макин сделал глубокий вдох:

– Я облил Дэвида виски и поджег. Он кричал что-то ужасное. Я не знаю, он ли отдал приказ поджечь... Я сказал себе, что это был он. И, когда виски прогорело и он лежал там обугленный, красный и стонущий, я смотрел на него и чувствовал себя еще хуже. Я думал, что это должно закрыть дверь... но стоя там я знал, что они наблюдают за мной – Несса и Церис – и я почувствовал себя мерзко. Я проткнул его мечом и в отчаянии бросился куда глаза глядят. Эллен понадобилось два дня, чтобы меня отыскать, а она это умеет. У нее особое зрение, и никому не удастся скрываться от нее слишком долго.

– И вот мы здесь, Горлан. Я понимаю, что ты просто лордов сынок, которого поставили во главе группы новобранцев делать то, что ему велено. Я понимаю, что твоя смерть ничего не исправит и не облегчит моих страданий. Я знаю, что люди каждый день проходят через это, несмотря на понимание истины, которая открылась и мне... потому что они не могут найти в себе ничего, что позволило бы оставить в живых человека, причинившего им зло.

– Т...так вы собираетесь меня убить? – спросил Горлан, весь дрожа, несмотря на теплую ночь. – Поэтому здесь этот меч? Вы ждете, что я потянусь к нему, чтобы облегчить вам дело?

Макин кивнул:

– Было бы проще, если бы ты так и сделал. – Он огляделся. – Ты знаешь, что это за место?

– Нет, – потряс головой Горлан.

– Его называют Кроличий Луг. Вот почему трава здесь низкая – из-за кроликов. Ты можешь подумать, что место с такой почвой могло бы быть неплохим выпасом для скота. – Погрузив пятерню в землю, Макин вывернул толстый кусок густого черного дерна. – Но в старые дни, давным-давно, в те времена, когда у людей были более изощренные средства убийства, чем лезвие меча... они сражались здесь и зарыли свои бомбы. Тысячи бомб. Миллионы. Пусти сюда свой скот, и не пройдет и половины дня, как от него останутся лишь разбросанные по всему полю красные дымящиеся ошметки.

– Но вы же на лошадях, – возразил Горлан.

– Я знаю тропы. И Эллен видит, что лежит под землей, помнишь? Она видит сквозь твои кости, – улыбнулся Макин. – Утром ты сможешь пройти по нашим следам, но достаточно скоро они выведут тебя на каменистый участок, и ты их потеряешь.

– Ты сказал, что не хочешь меня убивать...

– О, я хочу тебя убить, Горлан. Пламя горит слишком сильно, чтобы выбраться из него... но не настолько, чтобы сквозь него нельзя было смотреть. Я оставлю тебя здесь. Сумеешь ли ты добраться до дома или нет... я этого никогда не узнаю. Я не могу тебя убить, сохранив при этом себя, убить, не запятнав памяти своей дочери. Но и простить тебя не могу. Я не могу просто дать тебе уйти. Вот так вот. Это самое милосердное, что я могу тебе предложить.

Макин выпрямился и жестом указал на меч, ожидая, возьмет ли его парень.

Горлан покачал головой:

– Я видел, как ты сражался тогда. Какое-то время я засомневался, что привел достаточно людей.

Макин вытащил клинок из земли и, вытерев о свой плащ, вернул в ножны. Затем, поставив ногу в стремя, вскочил на своего черного жеребца.

– Не забывай их имена, мальчик.

– Церис и Несса.

– И никогда, никогда больше не показывайся мне на глаза.

Макин ускакал. С таким же изяществом Эллен вскочила на свою кобылу с впалой спиной и последовала за ним, бросив назад лишь единственный взгляд, по которому ничего нельзя было прочесть. Ночь поглотила обоих.

***

Рассвет застал Горлана дрожащим в одеяле, которое они ему оставили. Он поднялся едва начало сереть, туман вился вокруг его щиколоток, и Горлан отправился по следу, оставленному парой всадников. Даже в сумраке и тумане следы копыт на мягком дерне были достаточно хорошо заметны.

Он продолжал идти, едва заботясь о том, что любой неверный шаг может вызвать из-под земли огонь, который разорвет его на куски. Сэр Макин преследовал его в снах большую часть года. Постоянно приближаясь – то там слушок, то сям – по его следу тянулась цепочка смертей, каждая страшнее предыдущей. И вот теперь... Горлан чувствовал себя заново родившимся. Он пожалел о нападении на усадьбу почти сразу же, как только они уехали из долины. Его отец велел ему убедить Макина Борту уйти. Каким-то образом ситуация вышла из-под контроля, и очень быстро. Он даже не слезал с лошади, но это его копьё пронзило жену Макина. Кровавый день – но, наконец-то, он закончился.

Солнце окрасило кровью холмы на востоке, и туман отступил, словно его вдохнули. Земля стала сухой и каменистой, вересковые пустоши уступили место зарослям можжевельника. Отыскивать отпечатки копыт стало труднее, Горлан пригибался к земле, изучая каждый травянистый участок.

– Привет. – Лезвие ножа скользнуло под подбородок, на затылок легла чья-то рука.

– Подожди! – Горлан замер. Голос принадлежал женщине, ее губы почти касались его уха. – Он же сказал, что не станет...

– О, мужчины много чего говорят, особенно благородные. Монашки тоже любили обсудить все по сто раз, прежде чем приступить к трапезе. Прискорбно, что наш орден не принял обет молчания. Я называю это перемудрить.

– Пожалуйста, не надо. – Холодное лезвие прижалось к его горлу. – Твоя мать...

– Я охотилась за тобой не из-за нее, – засмеялась она. – Дело в том, что тебя очень трудно было найти, Горлан. Я проскакала тысячу миль в поисках тебя и твоих товарищей, и мне это не очень понравилось. – Пальцы в волосах Гордона сжались. – Боюсь, что не сегодня завтра этот добрый человек скажет: «Я передумал. Приведите Эллен. Мы выследим этого Горлана и на этот раз убьем его как положено».

– Вы никогда больше обо мне не услышите. Клянусь именем своей ма...

Эллен дернула рукой и сильно сжала голову Горлана. Лед обернулся огнем, и тепло залило его грудь.

– А я скажу: «Я могу избавить вас от этого путешествия, сударь, потому что освободила юношу от его грехов еще тем утром». – Эллен позволила Горлану упасть на жесткую землю. – Кроме того, не стоит взывать к имени своей матушки, когда имеешь дело с женщиной, чью собственную мать ты уложил в могилу. Ты украл у меня этот лакомый кусочек мести, а воровство – это грех. В данном случае смертельный.

Горлан не чувствовал боли, только сожаление, его руки и ноги, казалось, парили, голос удалялся.

– Но я скучаю по ее супам. Только за одно это я перерезала бы тебе горло, раз уж нашла. Некоторые мужчины жаждут мести, но она не приносит им никакого удовлетворения. А что же мне? Мне нравится вкус. Это чувство тепла и насыщения, как от доброй миски горячего куриного супа. – Она почмокала губами. Последнее, что видел Горлан, когда она направилась прочь, был каблук ее левого башмака.

Примечание. Месть является темой всех книг Разрушенной Империи. Здесь мы видим, что Анкраты не имеют исключительных прав на нее. Йорг в этом плане отличается необузданностью. И хотя каждый шаг на этом пути полон соблазнов, он может завести вас слишком далеко. Жажда мести – это такое состояние, при котором умение сдержаться является единственным реальным выходом из ситуации.

Достойное имя

Рубцы имени продолжали жечь его шею и плечи. Солнце палило его, как палило всегда, как и будет палить до тех пор, пока, наконец, не наступит день, когда племя сложит его кости в пещерах рядом с останками предков.

***

Молодой человек крепко держал свое имя, не желая обозначать его даже движением губ. Он обрел это имя, как и право называться мужчиной, в жару и пыли призрачной равнины, куда Длинный Палец отвел его безымянным ребенком. Обратную дорогу он нашел сам, истекая кровью, сочившейся из тысячи ран от шипов. Длинный Палец сделал ему татуировку колючками куста каски. Со временем шрамы потемнеют, и рисунок, черный на коричневом, известит весь мир о том, что он человек из племени хакку.

– Пылающий Камень, принеси мне воды, – приподнялся под своим навесом Разбитая Миска, когда Пылающий Камень приблизился к деревне весь в пыли от долгого перехода.

Разбитая Миска сторожил свой скот, большую часть времени не слезая с удобного гамака под навесом. Иногда сюда приходили покупатели. Жуя бетель², пока рот совсем не покраснеет, и сплевывая в пыль сок, они по полдня торговались, облокотившись на сплетенную из прутьев изгородь, прежде чем уйти с коровой, двумя, тремя, а Разбитая Миска возвращался в свой гамак со множеством раковин каури³, которые потом жены вплетут ему в волосы.

– Я уже взрослый. Найди мальчишку, чтобы таскал тебе воду. – Пылающий Камень знал, что Разбитая Миска будет его испытывать. Многие мужчины, только что получившие этот статус, по-прежнему были у него на побегушках, словно все еще оставались мальчишками. Разбитая Миска носил свои шрамы, может, всего-то лет пять, но он был богат и мог в одиночку завалить на землю корову, когда приходило время пустить ей кровь. Кроме того, его отец командовал воинами.

– Не заставляй меня бить тебя, малыш. – Разбитая Миска выскользнул из гамака и встал в полный рост – высокий, мускулистый, шрамы чести тянулись на обоих плечах чуть ли не до локтя.

– Я не заставляю. – Пылающий Камень много лет носил воду для Разбитой Миски и был его «малышом». Но он больше не маленький и не станет таскать из колодца тыкву с водой. На призрачной равнине Длинный Палец испытал его, чуть не угробив, продержав без воды так долго, что он увидел скрывающихся в пыли духов. Исколов так сильно, что он перестал чувствовать боль.

Разбитая Миска повертел головой на мощной шее и зевая развел руки в стороны:

– Не глупи, Пылающий Камень. Юноши всегда носят мне воду. Когда ты будешь сражаться в рядах воинов, когда твое копьё обагрит кровь хеша или ты намотаешь на запястье волосы Змеиного Жала, юноши и тебе будут носить воду.

– Ты сам еще молод, Разбитая Миска. Я помню, как ты вернулся со шрамами. – Сердце Пылающего Камня колотилось в груди. Рот пересох, и слова приходилось просто выдавливать, подобно тому, как охотники вытаскивают из норы укрывшегося там эбру. Он знал, что следовало бы склонить голову и принести воду, но шрамы жалили и его истинное имя вибрировало на губах.

---

² Бетель (лат. Piper betle) – вечнозеленое многолетнее растение рода Перец. Листья имеют лекарственные свойства и используются как специи.

³ Каури (лат. Sургаеа) – род морских брюхоногих моллюсков, раковины которых использовались в качестве денег.

Разбитая Миска топнул ногой, подняв пыль, и это был не просто ритуал демонстрации гнева – в его налитых кровью глазах горели неподдельные эмоции. В загоне для скота на шум обернулись двое мужчин из деревни Коша. Из тени ближайших хижин выбежали малыши, дети постарше спешили следом. Где-то за длинным домом прозвучал свист.

– Ты помнишь, почему тебя называли Пылающим Камнем? – спросил Разбитая Миска. Он сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Пылающий Камень ничего не ответил. Он знал, что Разбитая Миска сейчас снова начнет рассказывать эту историю для собравшейся толпы.

– Твой брат нашел тебя, когда ты вопил с выпученными глазами, прижимая к груди вынутый из огня камень. – Разбитая Миска потер кулаками глаза, изображая слезы. – Твой отец забрал у тебя камень и выругался, когда обжегся.

Пылающий Камень чувствовал взгляды детей на своей груди, где кожа словно расплавилась от ожогов. Один из деревни Коша, худой парень с костяной пластиной в носу, засмеялся.

– Твое имя, Пылающий Камень, – это урок. Он учит выбирать время, когда нужно что-то оставить и уйти. – Разбитая Миска хрустнул костяшками пальцев. – Оставь это. Уходи.

У Пылающего Камня не было оружия, его копье, покоробленное, с наконечником из обожженной древесины, хранилось в отцовской хижине. Разбитая Миска носил на бедре бронзовый курас, подвешенный к поддерживающему набедренную повязку кожаному ремешку. Но здоровяк не сделал ни единого движения, чтобы потянуться за ним. Он избьет Пылающего Камня до крови, но не убьет его. Не сегодня. Даже сейчас еще Пылающий Камень может принести воды и отделаться лишь оплеухой или двумя.

– Харрэк – тщательно артикулируя, прошептал Пылающий Камень свое истинное имя. Когда он произносил это имя, шипы каски снова пронзали его кожу – все разом – тысячами уколов, потоком боли. С львиным рыком он бросился вперед.

Возможно, он оказался быстрее, чем думал, а он считал себя довольно быстрым. Возможно, Разбитая Миска не принял его всерьез или ожидал с его стороны угроз и топанья ногой. В любом случае, Разбитая Миска отреагировал на его действия слишком медленно, пропустив этот выпад, и Харрэк лбом врезался в челюсть и нос своего противника.

Они упали вместе. Разбитая Миска рухнул в пыль, Харрэк на него, колотя врага ребром ладони по лицу. Разбитая Миска сбросил его с себя – сила этого человека поразила Харрэка, но не напугала. Спустя два удара сердца он снова был сверху своего врага. Разбитой Миске удалось перевернуться на бок, но, когда тот попытался подняться, Харрэк всем своим весом навалился ему на спину. Он заехал локтем в шею Разбитой Миски, колотя коленом ему под ребра и прижимая другой рукой его лицо к земле. Красная ярость овладела им, и он не останавливаясь избивал своего врага, пока люди из деревни не оттащили его.

***

Харрэк сел на землю, по рукам и ногам стекал пот, проделывая дорожки в облепившей все тело пыли. Толпа людей обступила его плотным кольцом, за шумом его дыхания и грохотом сердца их слова казались простым гулом. Краем глаза он видел, как пятеро мужчин понесли Разбитую Миску к хижинам. Позже пришли его отец и отец Разбитой Миски, и Носящий Железо в своем, украшенном перьями плаще вождя, и Длинный Палец, Десять Ног, Разлив... все старейшины.

– Я мужчина, – сказал Харрэк, стоя перед ними на виду у всей деревни. – У меня есть имя. У меня есть сила.

– Тогда почему бы тебе не использовать ее как подобает мужчине? – произнес его отец, за спиной которого стояли трое взрослых братьев Харрэка.

– Я не стану носить ему воду, – сказал Харрэк.

– Может быть, теперь больше никто не будет носить воду для моего сына. – Красное Небо изобразил жест скорби, опустив руку волнообразным движением. – Твое право драться с ним никто не оспаривает. Но ты бился, словно он наш враг, а не брат.

– Я...– Харрэк глубоко вздохнул. – Я мог только драться или не драться. Биться или нет. Он не предлагал мне станцевать.

По толпе детишек пробежал приглушенный смех, но мужчины лишь обменялись взглядами. Красное Небо повернулся и посмотрел на отца Харрэка. То же сделал и Носящий Железо, державший в руке дубинку из черного дерева.

– Ты должен пойти в Айбовен, Пылающий Камень. Расскажешь королю, что ты сделал. Он или отправит тебя обратно, или нет.

В этом не было никакого смысла. Зачем отцу Харрэка пытаться украсть его победу? Может, они завидуют? Всего три дня, как стал мужчиной, и уже присмирил Разбитую Миску. Харрэк снова почувствовал нарастающий в нем прилив красного гнева. Стиснув зубы, он посмотрел в глаза Носящему Железо:

– Я пойду к королю.

Он развернулся и пошел, зная, что все на него смотрят, зная, что сегодня все истории и разговоры у костров будут о нем. В нем клокотали гордость и гнев, во рту появилась горечь. Отойдя, он сплюнул собственную кровь, красную, как сок бетеля.

Пройдя с милю, Харрэк остановился у деревьев марула. Гнев, гордость, горечь ушли, словно вытекли, заполнив его следы на песке. Он присел в тени, удивляясь, что за бешенство его охватило. Руки и ноги ныли. Он не взял с собой ни пищи, ни воды, он даже не знал дорогу в Айбовен. На запад, за рекой Угвай. Не самое лучшее направление. Страна львов. Не место для путешествий в одиночку.

Он долго сидел, глядя на свои руки, на те самые руки, которые избили Разбитую Миску. Он вспомнил быстрые взгляды в свою сторону, когда мужчины несли Разбитую Миску к хижинам. Смесь отвращения и ужаса, будто он был бешеной собакой, а не воином. Глаза Харрэка защищало от слез, хотя он не мог сказать, что их вызвало.

Три дня он носил свое имя, прежде чем опозорить его. Из них один день он приходил в себя, два дня шел, и всего несколько минут пробыл на виду в своей деревне. Длинный Палец говорил, что выбор имени для мужчины таит в себе глубокие секреты, но старейшины не открывают их, лишь указывают жизненный путь – с прожитыми годами, пока человек носит под солнцем свое имя, эти секреты могут открыться, а могут и нет. Длинный Палец сказал, что секреты эти скрыты в песнях и сказаниях хакку, но проявляются в образе жизни людей. Харрэк задавался вопросом, что может ему сказать король-многих-племен. Если его отошлют, он никогда не узнает всю правду значения своего истинного имени, заслуженного болью и страданием.

***

Рванный Хвост, старший из трех младших братьев Харрэка, пришел к нему, когда небо на западе окрасилось в красный цвет. Он купил черствую краюху хлеба, соломенный мешок орехов лебо и тыкву с водой.

– Разбитая Миска очнулся, – Рванный Хвост смотрел на брата широко раскрытыми глазами, словно впервые увидел какое-то дикое существо, выскочившее из желтой травы. – У него сломаны ребра, но Длинный Палец думает, что он поправится.

– Ребра? – Харрэк даже не помнил, что бил его в бок. Он отпил из тяжелой тыквы. – Ты принес мне воду, Хвост.
– Но ты же мой брат, – ответил тот неуверенно.
Харрэк положил руку на плечо Хвосту:
– Приноси воду тем, кто попросит. Сделай всех своими братьями. – Он взял тыкву, мешок, краюху хлеба и собрался идти.
– Ты не вернешься? – крикнул вслед ему Хвост.
– Я теперь мужчина. Я не могу просто извиниться. Я должен сделать то, что сказал Носящий Железо.

***

Айбовен оказался дальше от деревни Харрэка, чем он себе представлял, и сам город поразил его воображение. Сначала он обнаружил дорогу – вытопанную множеством ног тропу, отмеченную камнями и изрезанную колеями. Потом пошли дома. Казалось, будто тысяча деревень собралась вместе. Вначале просто скопления хижин, сделанных из глины с соломой, только более высоких, чем у хакку, но вскоре стали появляться кирпичные здания с ровными углами, длиннее самого длинного дома и выше человека, держащего над головой копьё. Харрэк попал в совершенно чуждый ему мир, лишенный травы, с ограниченным обзором, с редкими деревьями, кругом углы и окна, шум, чужаки, толпы людей, никому из которых нет дела до его появления здесь. Здесь все говорили на странных языках или на знакомом языке, но с другим произношением.

Наконец, по подсказке человека, который по шрамам определил в нем хакку, Харрэк вышел к высоким глиняным стенами королевского дворца. Обходя дворец по кругу, он миновал десятки домов, которые легко затмили бы хижину Носящего Железо. Дворцовые ворота из толстых бревен, плотно окованных слоем железа, поднимались выше слона и могли выстоять против сотни мужчин.

Около входа толпился народ: голые дети, мужчины в набедренных повязках, жрецы с ожерельями из птичьих черепов и проходящими через руки и грудь узорами из красных линий, воины с копьями и таким количеством шрамов чести, что на их коже почти не осталось места для новых.

У ворот, в роскошных леопардовых шкурах, с изогнутыми железными мечами на бедрах и копьями с железными наконечниками, стояли два воина – в заплетенных волосах страусовые перья. Но самым странным из всех был человек, стоявший спиной к Харрэку и разговаривавший с одним из этих воинов. Пройдя между тесно сидящими людьми, Харрэк приблизился к нему.

Там, где кожу человека не скрывали складки белой одежды, она была самой бледной, какую только доводилось видеть Харрэку. На руках – белой, как мясо рыбы, и воспаленно-красной на предплечьях. И его волосы – белая копна под широкополой плетеной шляпой.

Подойдя ближе, Харрэк понял, каким огромным он был. Его голова и плечи возвышались над стражниками, хотя они оба были выше любого человека, которого знал Харрэк. Мужчина был мускулист и намного шире в плечах, чем Разбитая Миска. Белый великан.

Когда Харрэк приблизился, он обернулся.

– Свеженький парнишка вышел из лугов, – усмехнулся Харрэку белокожий мужчина. в густой, подстриженной у самого подбородка бороде, блеснули зубы. Подождав ответа, он прищурил светло-голубые глаза. – Я что-то неправильно сказал? Я думал, ты хакку.

– Я хакку.

– Как твое имя, парень?

Харрэк поймал себя на том, что едва не назвал незнакомцу своего истинного имени:

– Пылающий Камень. Я человек из племени. – Он повернулся к ближайшему стражнику с перьями на голове. – Мой вождь послал меня говорить с королем.

Стражник, не улыбаясь, кивнул в сторону толпы:

– Жди.

Харрэк оглянулся. Казалось, люди приготовились ждать здесь не один день: возле каждого лежали съестные припасы, были установлены дающие тень навесы.

– Долго?

Стражник уставился вперед, словно перед ним больше никого не было. Харрэк почувствовал, как его жалят шрамы имени, гордость уколола его даже в этом странном месте стен и железа. Он стоял, неподвижный, удерживая себя между кипевшим в крови горячим гневом и холодным фактом своего положения. Мужчины гораздо старше и важнее него сидели на обочине дороги, у двери во владения короля-многих-племен. И все-таки он не мог уйти.

– Ха! Мальчик не любит ждать. – Огромный чужеземец усмехнулся еще шире.

– А кто любит? Особенно в этой проклятой жаре! – Он протянул руку, чтобы хлопнуть Харрэка по плечу.

Харрэк поймал запястье белого человека. Он чувствовал под своими пальцами рубцы шрамов.

– Я – мужчина.

– Конечно, мужчина. Пылающий Камень, верно? – Человек выглядел удивленным, хотя по его наполовину покрытому бородой лицу было трудно сказать. – Я Снага вер Олафсон. Могу я забрать свою руку?

Харрэк отпустил руку Снаги, и крупный мужчина сделал вид, будто потирает запястье, которое покрывали уродливые шрамы – совсем не ритуальные – и такие же были на другой руке.

– Снага? – переспросил Харрэк. – Почему тебя так называют?

– Это мое имя, – снова заразительно улыбнулся он. Харрэк почувствовал, что улыбка невольно отражается на его губах.

– Твое истинное имя?

Снага кивнул:

– Там, откуда я родом, к этому относятся по-другому. Человек просто носит свое имя. Никак его не скрывая.

– Ты с севера. Из-за моря. Земли Христа, где люди бледные. – Харрэк был рад, что прислушивался к мудрости старейшин в кругу и помнил достаточно, чтобы не выглядеть невежественным в глазах этого незнакомца.

– Ха! – Снага кивнул Харрэку и отошел в тень стены, махнув рукой в сторону двух стражников. – Я с самого севера. Из-за двух морей. Мой дом – страна снега и ледяных ветров, и наши боги во многом похожи на ваших. Христиане называют нас викингками, секирщиками, они боятся нас.

– Снег?

Снага сел скрестив ноги и похлопал по земле рядом, приглашая Харрэка присоединиться.

– Ты должен научиться верить мне, прежде чем я расскажу о снеге. Я бы не хотел, чтобы ты назвал меня лгуном.

Харрэк присел, насторожено покосившись на прямой железный меч, лежавший теперь на коленях Снаги:

– У тебя нет секиры.

За весь свой скот и все раковины каури Разбитая Миска мог купить себе железный меч, но не такой длинный и тяжелый, как этот.

– Секира осталась у сына. – Улыбка Снаги сникла. – Хороший парень. Большой. Он примерно твоего возраста, Пылающий Камень. Когда я отправился в

плавание – о, это было осенью... уже четыре года прошло. Забери меня Один! Целых четыре года?..

Харрэк не знал ни «осени», ни «Одина» – в языке хакку не было таких слов, но он умел слушать.

– Как бы там ни было, когда я уплывал, я поговорил с ве...⁴ с ведьмой, и она сказала, что если я уплыву сейчас, то больше не вернусь к берегам Юелеска. Так что я оставил свою секиру, Хель, моему сыну. Мой отец владел этой секирой, и его отец. Я не хотел, чтобы она покинула наш род.

– Зачем же ты тогда плыл? – Харрэк никогда не видел моря или даже озера, зато видел пруд Нолу, который появлялся в сезон дождей, и ему не составило большого труда представить водоем во много раз шире, чтобы по нему могли плавать люди на деревянных плотах. – Если ведьма сказала...

– Человек не может жить следуя пророчеству. У меня был долг перед братьями по клану. Сколько их могло бы не вернуться домой, если бы я остался в своей хижине? Как бы тогда мой сын смотрел на меня и мою секиру? – Опять улыбка. – И еще. Я ведь могу вернуться!

– Что случилось?

– Заплыл слишком далеко, в теплые моря, потерял слишком много людей, попал в плен, потом меня увезли на юг, продали в рабство, отправили еще дальше на юг.

Харрэк снова перевел взгляд на шрамы на запястьях Снаги. Племена Змеиных Жал торговали рабами с маврами из-за северных гор. Иногда они брали в плен и мужчин. Только призрачная равнина разделяла хакку и Змеиных Жал с их веревками и базарами, где людей продавали как скот.

– Ты сбежал?

– Твой король купил меня для своей охраны. Лакка. – Он кивнул на стену.

Харрэк знал дюжину историй о лакка. Если и существовал отряд более опасный, чем лучшие воины короля-многих-племен, то старейшины хакку о нем ничего не знали.

– В лакка есть воины-рабы? – Харрэк знал, что там были мужчины из многих племен и даже из земель, которые лежат за пределами владений короля, но он не слышал ни об одном бойце, который был бы рабом.

– Больше нет. – Снага похлопал по мечу на коленях. – Я добыл себе свободу в первом же бою. Салаш из глубокой Сахры захватил город в пустыне. Мы отбили его обратно.

– Салаш...

– Есть и более интересные вещи, о которых ты мог бы спросить, – перебил его Снага.

Харрэк сел на корточки. Он посмотрел на ожидавшую толпу. Старики блестящими камешками на деревянных досках играли в манкала. Воины, сгорбившиеся под весом своих копий, жевали бетель, купцы сидели на подушках рядом с грудями товаров.

– Почему воин лакка сидит и разговаривает со мной?

Снага кивнул:

– Потому что в тебе есть огонь. – Прищурившись, он глянул на Харрэка. – Зачем ты сюда пришел?

– Я избил одного мужчину. Отец послал меня рассказать об этом королю. – Говоря это незнакомцу, Харрэк чувствовал себя более виноватым, чем когда стоял перед людьми своей деревни.

– Он был твоим врагом? Этот мужчина?

---

⁴ Снага имеет в виду вельву (др.-сканд. *Völva, Vala, Spákona*), прорицательницу или предсказательницу в скандинавском эпосе.

– Сын предводителя наших воинов. Известный боец и богатей.

– А почему ты напал на него? – спросил Снага.

– Он велел мне принести воды.

– А что действительно было причиной?

– Он сказал, чтобы я...

– Нет, – Снага шлепнул Харрэка по лицу – тяжелый, небрежный удар – так неожиданно, что даже реакция Харрэка его не спасла.

Вскочив, Харрек ринулся на северянина, но Снага ткнул рукой в его покрытую шрамами грудь, без видимых усилий посадив обратно:

– Почему?

– Потому что он... Потому что он был большой. – Лицо Харрэка горело от удара.

– Теперь ты знаешь, почему я сижу с тобой, Пылающий Камень. – Снага встал, отряхивая с одежды пыль. – Потому что я увидел в тебе убийцу.

Харрэк тоже встал, заставляя себя не тереть щеку:

– Я жалею о том, что сделал. Надеюсь, Разбитая Миска поправится. Я не хочу быть убийцей.

Снага пожал плечами:

– Может и нет. Я в твоём возрасте был таким же, тоже готов был ткнуть в зубы любому, кто косо на меня посмотрит. Горячий, злой без причины или повода. Молодые люди показывают миру ожесточенные лица, а что за этим стоит? Смятение. Потерянные злые мальчишки, еще не нашедшие своего места в мире. Просто некоторые из нас так взрослеют – многие перерастают это, некоторые погибают, некоторые в этом застревают. Вот они и есть истинные убийцы до мозга костей.

Из убийц, которые сопротивляются своей природе, выходят лучшие солдаты, чем из тех, кто не пытается этого делать. Соедини в одном человеке инстинкт убийцы и совесть, и он не сможет быть счастливым, но ты получишь полезного бойца. – Он двинулся назад, к воротам. – Идем. Посмотрим, достаточно ли твои руки соответствуют тому, что в твоей голове и сердце.

– Но... – поспешил догнать его Харрэк. Снага махнул стражникам, чтобы те открыли ворота. – Мне нужно поговорить с королем. И возвращаться домой.

– Лучше сначала послужи – поговоришь потом. Наш король не такой уж добрый. – Снага прошел через ворота. – Его правосудие бывает... суровым. Отправишься к нему, когда омоешь кровью копье у него на службе, и получишь более приемлемое решение. Умаран ценит воинов.

Харрэк остановился, и ворота за ним закрылись, отрезав знакомый ему мир и путь домой.

– Я не убийца...

Снага вернулся и положил руку на плечо Харрэка, направляя его:

– Моя жизнь не закончилась в тот день, когда меня заковали в цепи. Я вытерпел это. Так будет и с тобой. Возможно, в конце мы оба отправимся домой.

Харрэк посмотрел на гиганта:

– А почему ты не сделаешь это? Не отправишься домой, я имею в виду. Ты же свободен.

– Свободен, но за тысячу миль от побережья, без денег и навыков путешествовать по этим диким местам. Но больше всего, потому что я северянин. – Он вытянул руку и задрал рукав своего одеяния. Харрэк не был уверен, что его потрясло больше – кожа, белая, как само полотно накидки, или настоящая грудка мышц. – Для хакку опасно выбираться за пределы территорий знакомых ему племен. Даже в землях, где платят дань королю-многих-племен, есть деревни, в которых тебя может настигнуть копье или стрела в спину. Для меня это в десять раз опаснее. – Он похлопал по мечу на бедре. – Он бесполезен против стрел, а Африка

земля охотников. – Снага оглянулся в сторону ворот. – Если я когда-нибудь выберусь отсюда, то с боевым отрядом, небольшой армией – группой братьев, связанных друг с другом мужчин. Нет людей, которые были бы как остров. Даже если они сами так считают. А уж эти, последние, в особенности.

***

Харрэк проявил себя сильным и быстрым, с хорошо скоординированными движениями. Первый год доказал, что он достаточно крепок духом и умом, готов терпеть, готов истекать кровью. Второй год доказал, что он готов убивать.

В ту ночь они со Снагой сидели, прислонившись спинами к стволу баобаба, в стороне от слабого костерка, устроенного, чтобы приманить оставшихся врагов. В полдень они обнаружили мародеров – большую банду изгоев из разных племен, которые, полагаясь на свою многочисленность, даже не выставили охрану лагеря. Они называли себя песчаными волками. Шакалы было бы точнее. Большинство были вооружены щитами, копьями, мачете. Пробравшись через кусты под прикрытием густой травы, десяток лакка налетел на лагерь. Их вел Снага. Нанося тяжелым мечом удары направо и налево, он сеял кровавую неразбериху, прежде чем пуститься к зарослям каски, в которых скрывались остальные лакка.

Притаившийся в кустах Харрэк был вооружен луком, копьем и мечом с изогнутым лезвием – прямой клинок носил только северянин. Потев, он сидел среди братьев. Каждый раз, когда шипы каски кололи его, он, казалось, слышал свое имя, произнесенное Длинным Пальцем, который назвал его так в первый и единственный раз, когда это слово врезалось в уши Харрэка. Еще уколы шипов, и другие голоса произносили его имя – отец, Разбитая Миска, его братья – все хором, все звали его домой, звали в любое другое место из этого колючего кустарника, где на него неслись песчаные волки, завывая от жажды крови.

Он выпустил две стрелы, и по крайней мере один враг упал. Другой умер, напорвшись на его копье – длинный шип среди других шипов каски. Среди хаоса и лязга клинков Харрэк сохранял хладнокровие, красный жар пульсировал в его жилах, все мысли сгорели напрочь, осталось только ликование. Бок о бок с ним сражался Алор из накаби, тучный и сильный, искусный и беспощадный боец. По другую сторону сражался Три Звезды из хакку – высокий, серьезный, начинающий сесть мастер меча. Три Звезды упал, сраженный неистовыми взмахами мачете. Клинок Харрэка почти отсек голову его убийцы.

Теперь, сидя рядом со Снагой под баобабом, он испытывал дурноту. Его преследовали видения – сползающая с костей плоть, кричащие люди, отрубленные конечности, столько крови он не мог себе даже представить.

– Сегодня ты получил урок, Пылающий Камень. – Снага всматривался в темноту. Его голос прозвучал тихо, заглушаемый треском и щебетом ночи. – Этот урок сожжет тебя, но, если ты все же его выдержишь, это сделает тебя тем, кем ты должен быть. Вот первый урок – выбирай, какого пути придерживаться, даже если этот путь покроет тебя шрамами, отметит тебя, или изменит, или приведет тебя к концу. Возможно, мы не понимаем, почему выбираем что-то одно из нескольких схожих вариантов, но важно, что, однажды выбрав, мы строго придерживаемся этого выбора. Эта верность делает нас подобными богам.

Ответом ему был только шепот ночи, бесконечный, не подверженный времени голос темноты.

– Ты меня слышишь, Пылающий Камень?

– Харрэк.

– Что?

– Мое имя Харрэк.

– Спасибо, – сказал Снага.

***

Три года показали, что Харрэк готов идти на жертвы.

– Ты должен был пойти к королю в прошлом году. Ты же лакка, ты проливал свою кровь. Умаран дал бы тебе коров и послал бы домой, или по крайней мере предложил бы щедрую плату, чтобы ты остался. – Снага осматривал окружавшие их заросли кустарника. В нескольких местах поднималась пыль.

– Я хотел увидеть, как ты отправишься домой, – сказал Харрэк. Скоро Змеиные Жала найдут их. В кустарнике было много укромных мест, но уцелевшие лакка оставили следы, по которым любой опытный охотник мог их найти, а у них даже не было времени, чтобы как-то эти следы скрыть.

– Я выслеживал налетчиков, – сказал Снага, оглядываясь на Харрэка, – поэтому не пошел.

Харрэк посмотрел на викинга и ничего не сказал. Как лидер пятого подразделения лакка, Снага имел право принять такое решение, но десять дней слежки за налетчиками Змеиных Жал лишили их благоразумия и завели в земли, на которые не распространялось влияние короля-многих-племен. В места, где даже лакка стоит быть осторожными. Налетчики Змеиных Жал привели их на территорию Уганды и устроили засаду со своими союзниками.

Снага усмехнулся:

– Я всегда говорил, что уйти домой могу только с отрядом братьев. – Он осмотрел лакка, их ряды поредели, но ядро отряда сохранилось. – Мы зашли дальше, чем я ожидал. Еще неделя, и я мог бы показать вам море!

– Я хотел бы его увидеть, – сказал Харрэк. – Но боги не на нашей стороне.

Снага указал на восток:

– Слушай приказ, Пылающий Камень. Возьми людей и возвращайся. Если вы доберетесь до серых кустарников, у вас останутся шансы. Когда подойдут Змеиные Жала, рассредоточьтесь и добирайтесь поодиночке до тех огромных камней, что мы видели за рекой.

– Хороший план. – Откинувшись на креозотовый куст, Харрэк несколько раз провел точильным камнем по лезвию своего клинка. – Почему ты сказал, чтобы отряд возглавил я?

– Я вернусь по нашему следу и организую засаду. Вы знаете, на что я способен, если окажусь среди них.

Харрэк не стал спорить. Он знал, к чему это приведет. Он собрал людей и объяснил им план, пока Снага, низко присев, осматривал кустарники. Девятеро лакка не приняли приказа. Харрэк послал их к Снаге, и большой человек, похлопывая воинов по плечу, тихо переговорил с каждым и взял с них обещания. Один за другим они вернулись. Суровые мужчины, убийцы, с покрасневшими глазами.

Харрэк повел отряд прочь.

***

Пройдя сотню ярдов назад по своему следу, Снага выбрал себе место. Змеиные Жала были уже близко, некоторые продолжали поднимать пыль, чтобы заставить воинов лакка нервничать, другие двигались более искусно, почти незаметные, если бы не редкие тревожные крики кессотов или трепет крыльев взлетающих птиц минта.

Снага закатился под остов куста зеллот, вывалявшись в пыли и набросав на себя охапки старых стручков зеллота, которые кучами лежали под кустом. Замаскировавшись таким образом, он залег в засаде.

Вскоре появилась группа охотников, уверенных в своем численном превосходстве, хотя ступали они осторожно, стараясь, чтобы пыль не поднималась выше пояса. Три стройных, длинноволосых Змеиных Жала вели боевой отряд угандийцев, приземистых мужчин с длинными тонкими копьями и тяжелыми сучковатыми дубинами. Общим числом, наверное, десятка три.

Когда следопыт Змеиных Жал остановился, изучая спутанные следы, Снага беззвучно поднялся и бросился в их гущу. Викинг издал рев только в последний момент, когда большинство из них повернули в его сторону головы, но не успели повернуть копьа.

Его тяжелый меч отсек голову первому, попавшемуся на пути, от ключицы до бедра распорол тело следующего. Удар ноги сломал чье-то колено. Впечатав навершие меча в лицо угандийца, он развернулся и, вытянув руку, начал косить всех, кто оказался на пути движения его клинка. Пыль поднялась вокруг него, как дым на поле боя, со всех сторон приближались темные силуэты. И началась кровавая резня.

***

Снага лежал на земле, его приподнятая голова покоилась на ноге мертвого угандийца. Их тела валялись повсюду, во все стороны протянулись темные дуги залившей пыль крови, которой было слишком много, чтобы ее могла поглотить даже иссушенная земля. Около сорока изрезанных тел были свалены в беспорядочные кучи, конечности переломаны, широко растеклись языки запекшейся крови.

Викинга пронзали три копья – в живот, в бедро и в грудь. Харрэк знал, что по крайней мере две из этих ран смертельны. У него самого отнялась нога, возможно, перелом, один глаз закрылся от удара дубины угандийца.

– Вы вернулись. Я же сказал вам не делать этого, – заговорил Снага, и кровь запузырилась вокруг торчавшего из груди копья.

– Только десятеро из нас. Остальных Алур повел назад, как ты и приказывал.

– Сколько... осталось...

– Думаю, только я и ты. Несколько угандийцев сбежали.

– Скоро они приведут другие отряды.

Харрэк кивнул и подтянул себя ближе к викингу. Интересно, а другие мужчины племени викингов столь же смертоносны? Он прикинул, что Снага собственноручно уложил человек двадцать врагов. Даже пронзенный копьями он продолжал сражаться, обломав их древки, – и упал, лишь когда вокруг не осталось ни одного устоявшего на ногах врага.

– Я... – Снага кашлянул кровью. – Я расскажу тебе секрет племени хакку.

Харрэк усмехнулся. Он надеялся, что угандийцы убьют его быстро.

– Ты не знаешь никаких секретов хакку, старик.

– Харрэк, – Снага никогда раньше не произносил этого имени. Он замолчал, словно забыв, где находится. – Другого моего сына зовут Снорри. Он бы тебе понравился. – Снага положил руку на плечо Харрэка. – Вы хакку с вашими секретными именами. – Он снова закашлялся. – Но старейшины хакку мудры, они знают истину. – Его голос стал тише, и, чтобы расслышать, Харрэк наклонился, морщась от боли в ребрах. – Ваши тайные имена – это дар, которым вы делитесь с теми, кого чтите или любите, – но то имя, которым ты пользуешься, которое юноши так стремятся сбросить, оно больше всего рассказывает о тебе. Имена, которые вы произносите во всеуслышание, простые, обычные, известные как другу, так и врагу. За ними стоит история, они могут рассказать о том, откуда ты пришел... куда ты идешь.

Харрэк увидел фигуры мужчин, пробирающихся сквозь кустарник сразу с нескольких сторон. Он потянулся за своим мечом, который затупился от

длительного использования, навершие рукояти потерялось, застряв в трупe какого-то угандийца.

– Я им не дамся.

– Найди то, за что стоит держаться. – Снага, похоже, не слышал его, он не отрывал глаз от такого же поблекшего синего неба. Его пальцы с неожиданной силой сжали плечо Харрэка. – Расскажи моему мальчику... расскажи Снорри... – И он уронил руку.

Внезапно с криками выскочили угандийцы, и, пока Харрэк силился встать, сзади на него упала тяжелая сеть. Он запутался и с ревом упал. Подняв копьe, подбежал первый из орущих угандийцев, готовый его пронзить. Меч Снаги подрубил нападающему ногу. Второй угандиец вонзил в шею Снаги копьe, но Змеиное Жало, который поймал Харрэка сетью, встал над своей добычей, защищая ее.

Харрэк лежал без движения, глядя на Снагу, которого продолжали пронзать копьями, словно бы угандийцы не могли поверить, что этот, такой большой мужчина, действительно мертв. Змеиные Жала продадут его на север – трофейный лакка, боевой раб для армии султана или кровавых ям крупного торговца. Снага сказал, что, когда на него надели цепи, его жизнь не закончилась – Харрэк тоже будет терпеть. Сеть вокруг него затянулась, но он ничего не сказал.

Снага нашел его у ворот, мальчика, ставшего мужчиной, яростным, с кровью на руках, приблизил его к себе. Возможно, пытаясь заменить своего покинутого сына, но в этом не было ничего предосудительного. Разговаривая с Харрэком, предлагая ему советы, Снага в действительности чаще говорил о себе, о своих собственных усилиях, о своем выборе. Хотя он был прав. Пылающий Камень – имя, которое многое говорит о его владельце, и Харрэк не стыдился носить это имя перед теми, кого любил. Оба мужчины, и Снага, и Харрэк, хотели служить чему-то, защищать и, раз присягнув своему делу, готовы были умереть за него.

Харрэк заворчал, когда его сеть подняли. Змеиные Жала несли его вчетвером, подвесив к шести. Вокруг гикали угандийцы, поднимая пыль, такую же густую, как их гнев. Он смотрел, пока тела друга и врагов не скрылись из виду. Теперь его несли, завернутого в сеть, со всех сторон зажатого телами, ничего не видящего. Возможно, это было похоже на путешествие по океанам, когда тебя покачивает и подбрасывает на волнах. Он не знал, что его ждет впереди. Нечто, лежащее далеко за пределами его воображения, каким был Айбовен, когда он впервые вышел из своей деревни. Может быть, там даже будет снег. Одно он знал твердо: он всегда будет нести с собой свое имя – Пылающий Камень. Как-то он спросил Снагу, как оно будет звучать на языке севера.

– Кашта, мой друг. Вот как бы мы его произносили. Кашта. Это достойное имя. Держись за него.

Примечание. Я получал удовольствие, когда писал это. Мы видим отца Снорри вер Снагасона (из трилогии «Война Красной Королевы») и нубанца еще юношей. Между юным Пылающим Камнем и молодым Йоргом существует некоторое сходство и, возможно, это немного поможет понять их взаимоотношения.

Выбор

– Говорят, знание – это власть. Но я знаю все, а никакой власти не имею.

Джейн смотрела поверх темной глади озера, на которой светило ее отражение, пробегавшая по нему рябь отбрасывала на каменные своды пещеры неровные отблески.

– Тебе известно будущее. Ты можешь править миром. – Горгот сидел рядом с сестрой на прибрежной гальке, у самых его ног плескалась вода. – А вместо этого мы прячемся в сердце отравленной горы.

Джейн почти никогда столько не говорила. За многие годы она не ответила ни на один вопрос, и, несмотря на его любовь к ней, это молчание заставляло его скрежетать зубами. Но ее нынешнее откровение наполняло его надеждой и страхом в равной степени.

– Ты скажешь, куда Алитея забрала детей?

– Ты же знаешь, братец, я не могу быть доброй или злой.

Она подняла на него сияющие как солнце глаза, ее кожа переливалась тенями, словно расплавленное серебро.

– Это неправда, – ответил он. Время оставило ее в покое, словно обожгло свои пальцы, в последний раз коснувшись Джейн, когда ей исполнилось десять. Горгот стал вдвое выше нее и вдесятеро тяжелее, но старшая сестра, как и прежде, внушала ему благоговение. Среди всех левкродов она единственная была совершенством, с фигурой Евы, без единого изъяна. Лишь струящийся из нее свет. Он всегда считал его благотворным – независимо от того, что об этом думала Джейн. – У тебя есть выбор.

– Я уже видела, какой сделаю выбор. Не в моих силах поступить иначе. Это правильный выбор. Но он был сделан прежде, чем я пришла в этот мир.

– А Алитея? – спросил Горгот, не надеясь услышать ответ.

– Ты знаешь, почему она сбежала. – Свет Джейн замерцал, и на мгновение в пещеру вернулась ее исконная темнота. Это было назидание. Темнота терпелива в постоянном ожидании своего шанса и готова воспользоваться им без промедления.

– Знаю, – кивнул Горгот. Мальчишки менялись слишком быстро. Все левкроды – за исключением Джейн – с возрастом менялись, но если изменения происходили слишком быстро, ребенок умирал ужасной смертью, которая была опасна для окружающих. Горгот вспомнил свои собственные превращения – уплотнение и покраснение кожи, деформацию лица. По крайней мере, яд компенсировал свое проявление тем, что делал его крупнее и сильнее. Горготу достаточно было взглянуть на своих братьев левкродов, чтобы оценить выгоду своего положения – ни язв, ни слабости, ни высохших скрученных конечностей.

– Я должен ее разыскать. – Зашуршав галькой, Горгот поднялся.

Джейн ничего не сказала, оставшись сидеть, маленькая и сияющая, рядом с темнотой озера.

– Джейн! – вырвался из груди Горгота рокот.

Джейн подняла глаза, и от блеска ее взгляда зрачки Горгота сузились в щелки.

– Она наша сестра, Джейн! – Пнув гальку, Горгот осыпал спокойную водную гладь градом камешков. – Ты должна знать, как ей помочь... как помочь нашим племянникам.

Если он их найдет, их отдадут некромантам, позорная сделка – спасение отравленной плоти левкродов в обмен на обреченную плоть. Если же не найдет, их ждет смерть более медленная и мучительная, в одиночестве, в темноте, и, чтобы сохранить племя, в жертву для утоления голода некромантов будут принесены другие левкроды.

– Конечно знаю, – ее голос прозвучал чуть более гневно, чем когда-либо. – Я знала, что ты об этом спросишь, еще до твоего рождения, брат. И у меня нет для тебя ответа. Ну что, по-прежнему считаешь меня доброй?

Развернувшись к ней спиной, Горгот двинулся к далеким туннелям, ведущим в глубину горы. Дойдя до больших камней, он остановился:

– Да, считаю.

– Когда я закрываю глаза, Горгот. Каждый раз, закрывая глаза, я вижу будущее. Все сразу. И все прошлое. Яркая масса света и эфира, которая тянется сквозь скалу, сквозь горы, до самой бесконечности. Неопишимо сложная. Вся целиком. В ней нет «сейчас». И каждая ее часть – это «сейчас». И я могу смотреть на нее вечно. – Она обернулась, и вокруг Горгота заплясала его тень. – И, открывая глаза, я уменьшаюсь до этого... пятнышка... этого «сейчас», бесконечно малой точки, бегущей вдоль какой-то одной нити всего этого великого и прекрасного хаоса. И я пришла сюда ради тебя, брат. Ради тебя и других. – Она замолчала, а Горгот, пораженный, смотрел на свою тень, ощущая, как свет Джейн полыхает на его плечах. – Однажды ты тоже все это увидишь.

– Ты никогда так много не говорила! – Внезапно его догадка переросла в уверенность, заставив выдавить из себя слова. – Ты скоро умрешь. – Его глаза защипало.

– Теперь ты у нас прорицатель, братец? – засмеялась она. Тепло. – Иди и сделай то, что сделаешь. Грядут перемены. Для этой горы. Для всех нас.

Горгот удивленно застыл, его сестра никогда не смеялась – ни разу в жизни, – поэтому ее смех явился для него полной неожиданностью.

***

Горгот взял с собой в глубокие пещеры Хеммака, который обладал не таким острым нюхом, как Элан, но был намного сообразительнее. Джейн как-то сказала Горготу, что название левкроты их племя унаследовало от мифических чудовищ, говоривших человеческим голосом. Жестокая насмешка врагов, однако не столь жестокая, как копыта и стрелы, которые в конце концов загнали левкотов в землю под гору Хонас. Со Дня Тысячи Солнц гора сочилась ядом. Каждый источаемый ею ручеек был чист и смертоносен, не было ни рыбы, ни растения, способного бросить вызов этим водам. Ни одно дерево не могло бы расти ближе пятидесяти ярдов от берега. Токсины под горой изуродовали племя, иногда выдавая чудо, подобное Джейн, хотя большей частью дети рождались отвратительными, уродливыми и часто умирали. Но одну деталь Горгот так и не смог понять: почему его предки были известны как левкроты еще до того, как их загнали в пещеры.

– Сюда, – поднял голову от земли Хеммак и пригнувшись двинулся на четвереньках. Наросты вдоль всего позвоночника отбрасывали причудливые тени в свете фонаря Горгота. Они шли руслом давно исчезнувшей реки, которая пробила свой путь через гору задолго до того, как человек впервые взобрался на ее склоны. Спустя какое-то время естественный проход пересекся с туннелем Зодчих. Над проходом был переброшен мост из литого камня, чтобы туннель Зодчих мог тянуться, не меняя направления, но столетия назад он обрушился, и опоры теперь лежали грудой битого камня с торчащими из него ржавыми стальными прутьями.

– Наверх, – кивнул Хеммак в сторону туннеля Зодчих. Свет фонаря блеснул на язвах, покрывших всю левую сторону его головы. Рядом с туннелями Зодчих фонарь всегда светил намного ярче. Внутри туннелей он пылал так неистово, что почти не уступал Джейн в ее полной силе.

Горгот вскарабкался наверх,годились его короткие когти. И уже из туннеля подтянул за собой Хеммака. Дальше они двинулись через уцелевший лабиринт Зодчих. Местами им приходилось преодолевать завалы битого камня

Зодчих, обрушившегося со стен, обнажив естественную горную породу, выдолбленную зубьями какой-то огромной машины. То тут, то там встречались вертикальные шахты, ведущие на нижние и верхние уровни. На одном из таких пересечений литой камень обрушился, обнажив металлические трубки, заполненные разноцветными волокнами, и низкий голос, идущий из неопределенного источника, бесконечно бубнил какое-то слово. Его размытое звучание постоянно дразнило сознание, не позволяя уловить смысл.

– Труп, – приняхался Хеммак.

Покрепче сжав фонарь, Горгот насторожился в ожидании худшего. Впереди ничего не было видно и не чувствовалось никакого запаха, но Хеммак никогда не ошибался. Еще два поворота и сто ярдов привели их к останкам человека. Иссушенный труп лежал в самом уголке прохода, словно последние мысли человека были о том, как бы поаккуратнее умереть.

– Это не наши, – сказал Хеммак.

Отталкивающий, как это обычно бывает, труп не имел никаких повреждений. На нем была мягкая куртка с вшитыми железными пластинами, на поясе висели пустые ножны. Возможно, солдат из Красного Замка герцога Геллета. Иногда в подвалах замка, возвышающегося на склоне горы Хонас, кто-то терялся, но Горгот не знал ни одного, кому бы удалось забраться настолько глубоко, прежде чем смерть предьявляла ему свои права.

– Мой. – Он вытянул из-за пояса мужчины нож, пока Хеммак обшаривал тело в поисках монет. Добротная, выкованная в замке сталь была неплохим трофеем. Горгот поднял фонарь, ища глазами отсутствующий меч.

Когда покойник повернул голову, его шея скрипнула и сухая кожа разошлась, открывая потемневшее мясо. Горгот быстро попятился, губы скривила гримаса отвращения.

– Они пошли туда, – раздался голос мертвеца, скрипучий, словно кожу терли о камень. – Женщина и двое детей. – Губы разомкнулись, обнажив желтые зубы. – Мальцы были бы неплохим подношением.

Горгот поднял ногу, чтобы припечатать мертвую тварь и заставить ее заткнуться, но со вздохом опустил. Когда Челла впервые привела своих некромантов к горе, левкроты оказали им сопротивление. Но безуспешно. И родители Горгота выторговали мир. Остатки племени были не в состоянии противостоять условиям Челлы.

Хеммак повел дальше.

Часом позже они снова остановились.

– Впереди беда.

Теперь и Горгот почувствовал едва уловимый кисло-сладкий запах. Токсинами Зодчих была пропитана вся гора Хонас, однако в некоторых местах они собирались в трещинах или разлагались в скрытых пустотах. Левкроты в течение короткого времени могут выдержать высокие концентрации, но их тела будут изменяться, приспособляясь к новым ядам. Если Алитея увела сыновей в такое место, то их изменения будут происходить еще быстрее и еще интенсивнее. Его сестра не сделала бы этого – она ведь была в отчаянии, а не сошла с ума.

Через пятьсот ярдов им открылся источник запаха. Пол обвалился на участке примерно пять ярдов в длину и шириной во весь коридор. Фонарь осветил полуразрушенную трубу, достаточно широкую, чтобы Горгот мог стоять в ней в полный свой рост – более семи футов. Обвалившаяся верхняя часть трубы вперемешку со щебнем валялась на дне, и через весь этот мусор пробила путь ядовитая зеленая струйка. От ее едкого смрада закручивались даже волоски в носу Горгота. Глаза защипало, а кожа начала зудеть.

Обвал выглядел свежим, и если бы Алитея в него угодила, то выбраться бы уже не смогла.

– Мы их потеряли. – Хеммак попятился, от действия токсина язвы на его шее начали сочиться.

– Они родные мне. – Горгот медлил, стоя у края. Джейн знала, что он будет медлить. – Возвращайся, дружище. Я их найду. – И, стиснув зубы, Горгот прыгнул. Джейн знала, что он прыгнет.

***

Фонарь осветил тридцать ярдов трубы впереди и тридцать позади. Там где сгущались тени, можно было разглядеть только ржавую решетку. Мальчики могли протиснуться между прутьями. Алитея могла через них проломиться. Но решетка оставалась нетронутой. Горгот двинулся в другую сторону, шлепая босыми ногами по токсичному ручью.

Кашляя и задыхаясь, Горгот брел дальше. Может, милю, может, меньше. Грудь болела, яд сжигал легкие, и ребра, казалось, пытались вырваться наружу. Откуда-то спереди по трубе эхом разносился металлический грохот, далекий, но приближающийся. Наконец труба вывела его к месту, где она впадала в большую камеру, пол залит водой, лес колонн поддерживал плоский потолок. Свет фонаря не достигал дальней стены. Грохот здесь усилился, разносясь по всему залу, словно колотили мечами по броне. Горгот спрыгнул в стоячую воду, с облегчением отметив, что она едва достигает колен и что яды здесь ощущаются не столь концентрированными.

Он двинулся к источнику шума. Пространство между колоннами было усеяно островками пены и кучами какой-то гнили. Тут и там с ржавых потолочных балок свисали толстые цепи. Пока он шел, свет фонаря раскачивал тени стоявших повсюду колонн. Когда Горгот наткнулся на тело Алитеи, ему понадобилось какое-то время, чтобы разобрать, что это был труп, и чуть больше, чтобы понять, что это его младшая сестра. Рокот его страдания, отразившись от далеких стен, вернулся к нему эхом, и грохочущий звук тут же затих.

Первое, что он услышал в наступившей тишине, был детский плач, слабый, но отчетливый. Шлепая по воде, которая теперь поднималась выше колен, Горгот двинулся вперед, гоня перед собой волну.

Во всех направлениях разбежался лес стоявших на одинаковом расстоянии тонких колонн. Местами потолок между ними опасно провис, капая слизью из темных трещин. В других местах он частично обрушился, коварно притаившись под водой острыми камнями. Горгот двинулся прямо на жалобный плач, но не успел далеко пройти, как, заглушая все остальные звуки, грохот возобновился.

Пятьюдесятью ярдами далее фонарь высветил источник плача. Два малыша забрались по свисающей с потолка веревке из каких-то волокон Зодчих. Разрушения вскрыли внутри камня каналы, по которым когда-то бежал огонь Зодчих. Мальчики прижимались друг к другу на выступе на уровне потолка, в полости, оставленной вывалившимся камнем. Под ними ходил механизм из серебристо-стальных пластин, сделанный в виде грубого подобия человека, какими были и левкроты. Штуковина была несколько ниже Горгота и значительно меньше в ширину, за нею тянулись витки проводов, с которых свисали волокна ила. Некоторые пластины были помяты, другие изрыты, словно их что-то разъело.

Когда существо повернуло голову на свет фонаря, на Горгота уставились серые фасеточные глаза. Существо подняло руки, которые у него были более сложными, чем у самого Горгота, металлические или керамические пальцы сжимались и разжимались. Несколько лет назад Горгот нашел остатки похожего механизма, но этот был больше. И однажды Енгма выбралась после разведки глубоких туннелей с серебристым стальным черепом почти с ярд в диаметре, но никто из левкродов ни

разу не видел его живьем – если только существо, созданное из винтиков и проводов, правильно было назвать живым.

Без каких-либо угроз или криков существо ринулось вперед, огибая ряды тяжелых, свисающих с потолочных балок цепей. Горгот приготовился к атаке, подставив плечо в попытке перебросить механизм через себя. Удар был как от падающего с высоты валуна. Сила и вес Горгота, которым не было равных среди левкродов, оказались бесполезны. Он обнаружил, что отброшен и опрокинут в воду. Одновременно вспыхнувшие шок от холодной воды и горячая боль в руке заставили его подняться и шатаясь встать на ноги. Фонарь остался лежать рядом на дне, освещая зловещим зеленоватым светом колышущееся вместе с волнами пространство. Стальное существо снова развернулось в сторону Горгота. Защищаясь, он попытался вскинуть руки, но поднялась только одна. Когда враг снова атаковал, он нырнул в сторону. Это бы его не спасло, но существо споткнулось о скрытый водою хлам и его протянутые руки промахнулись на несколько дюймов.

Понимая, что тоже падает, Горгот схватился за крюк на конце одной из свисавших цепей. Сорвавшись с крепления, цепь заструилась через барабан, стекая в светящуюся воду рядом с ним.

С проклятиями Горгот вскочил на ноги и зашлепал в направлении ближайшей к мальчикам колонны. Существо Зодчих позади него поднялось и пустилось следом. Горгот понял, что все еще держит цепь, и махнул ею, но не в сторону монстра, а в сторону колонны. Цепь захлестнулась вокруг столба, крюк зацепился, и, используя ее как якорь, Горгот ускорился, круто огибая колонну. Преследовавшее его существо оказалось не в состоянии повторить маневр Горгота. Его ноги заскользили, и оно опять растянулось с громким всплеском.

Тяжело дыша Горгот остановился, наблюдая, как механизм снова поднимается над поверхностью и вода стекает с его панциря. На этот раз оно уже поднимало руки не так быстро. Хотелось бы Горготу знать, видела ли Джейн, что ему суждено здесь умереть, как видела смерть Алитеи, раздробленной неумолимой силой этих безжизненных пальцев. Он пошевелил плечами, в онемевшую руку возвращалась жизнь, а вместе с нею и боль. Цепь, которую он держал, тянулась еще несколько ярдов, и дальний ее конец тоже оканчивался крюком.

Существо прыгнуло. Горгот, взмахнув цепью, крутанулся в сторону. Его противник с дробящей камень силой врезался в колонну, но каким-то образом его жесткие металлические пальцы вцепились Горготу в левую руку и правое плечо. Взревев, Горгот отпрянул назад. Если бы он не был мокрым и облепленным слизью, ему бы в жизни не выскользнуть из хватки существа. Ему и так удалось вырваться, пожертвовав лишь куском кожи, только потому, что механизм, зацепившись за цепь, резко остановился. Там, где существо схватило его за плечо, сочились кровавые борозды. Существо отпрянуло к столбу, удерживаемое своей новой привязью.

– Беги! – Повернувшись, Горгот последовал собственному совету. Он отчаянно побежал, неистово шлепая, ожидая, что машина размолотит свои оковы и бросится вслед. Но звуки его бегства потонули в оглушительном грохоте. Свет погас, и водяной вал сбил его с ног.

Он поднялся в полной темноте, сплевывая попавшую в рот гадость. Мучительно болела грудь.

Горгот стоял, ничего не видя, прислушиваясь. Должно быть, колонна не выдержала раньше, чем цепь, и рухнувшая крыша похоронила и существо, и фонарь. Куски потолка продолжали обваливаться, нарушая тишину случайными всплесками.

– Вы... – Его всегда низкий голос прогрохотал еще ниже, чем он считал возможным. – Вы здесь? – У мальчиков не было имен. Ребенка не нарекали, пока не были уверены, что он выживет.

Ответа не было.

Горгот стоял весь промокший. Он понятия не имел, в какой стороне находилась труба. Медленно двинувшись в направлении следующего всплеска, он попытался не думать о терзающей грудь боли. Единственной его надеждой было найти под обломками фонарь. Слабой надеждой.

Ноги нашарили то, что он принял за обломки рухнувшего потолка. Когда он наклонился, готовый начать поиски, над водой вспыхнул слабый свет. На вершине кучи сидели двое мальчиков – тощие, с выступающими ребрами и бугорками позвонков на спине. Отмеченная ядом кожа вся покрыта алыми и черными полосами. Старший держал перед собой руку, вся кожа которой светилась, как железо в кузнице. Отголосок звездного света, которым обладала Джейн, но несущий с собою тепло, от которого над малышом поднимался пар.

Новый приступ нестерпимой боли заставил Горгота выругаться и взглянуть на свою грудь. Ребра торчали из грудины, прорвав кожу. Яды Зодчих не убивали левкродов, они уродовали их. Если он останется здесь дольше, то изменится до неузнаваемости.

В лучах палящего света Горгот определил направление и шатаясь вернулся к трубе. Он ничего не сказал своим племянникам. Они либо последуют за ним, либо нет. Он не мог утверждать, что пришел спасти их. Боль в груди подгоняла. Еще немного, и он готов будет врезаться головой в колонну, лишь бы остановить ее. Он предложил мальчикам своего рода выбор. Быстрый конец в качестве жертвы некромантов для оплаты кровавого долга племени или медленная смерть, уродующая их по своей прихоти пока совсем не задушит.

Пока он забирался в трубу, его ребра совсем прорвали кожу и теперь торчали из груди, как клешни монстра. Мальчики стояли внизу, меньшему вода была по шею, тот что повыше продолжал светиться, держа руку над водой. Горгот дотянулся до них и поднял вверх. Дотронувшись до светящейся руки, он почувствовал исходящий от нее жгучий жар. Горгот мог, не опасаясь обжечь кожу, перебирать пальцами горящие угли костра, но ребенок был еще горячее.

Спустя несколько минут все трое выбрались из разрушенной трубы в туннель Зодчих, где Горгот расстался с Хеммаком. Если бы сестра была ростом с Горгота, она могла бы сбежать, а не увела бы детей вниз, где и нашла свою смерть.

На обратном пути никто не проронил ни слова. Дети были молчаливы и сдержаны. Свечение старшего угасло, и последнюю милю Горгот вел их вслепую, только топот маленьких ножек давал ему знать, что он не один.

Хеммак встретил их в западной пещере, идя навстречу с поднятым над головой смоляным факелом.

– Решил понюхать, не идешь ли ты! – Когда они подошли ближе, он пригляделся. – Алитея?

– Нет, – покачал головой Горгот.

– Иисусе! – отпрянул Хеммак, когда Горгот вышел на свет. – Видать, внизу было паршиво. – Его глаза осматривали грудь Горгота. – Ты уже не такой красавчик, дружище.

– Я никогда им и не был, – встретился с ним взглядом Горгот. – Теперь это заметно. – Он последовал за своей сестрой ради чудовищной цели и вернулся чудовищем. – Где Джейн?

– Там, где и всегда, – пожал плечами Хеммак. Позади него, в пляшущем свете установленных у входов в пещеры факелов, маячили черные силуэты левкродов, занимающихся своими делами. – Внизу, у озера.

Горгот кивнул и, взяв предложенный Хеммаком факел, повел детей дальше. Несколько минут спустя он, тяжело спустившись по гальке, присел рядом с сестрой. Оба мальчика носились вокруг, подбирая камни, разглядывая их и бросая.

– Ты знаешь, что случилось.

Джейн кивнула. На ее лице не отразилось удивления при виде его изменений. Сюрпризы ей были неведомы.

– Ты знаешь, что я чувствую.

– Я знаю, что ты сделаешь, – ответила она. – Но мне неизвестно, что ты при этом чувствуешь, брат. А я хотела бы знать.

– Ты была вдвое старше этого старшего мальчика, когда проявились твои странности, Джейн. И едва пережила изменения. Ты кричала целый год. Двое из племени погибли, когда ты вспыхнула.

– Все верно, – кивнула Джейн. – Хотя это не то, что чувствуешь ты.

Горгот вынул из-за пояса выкованный в замке нож и повертел его в руке. В отравленной воде пальцы распухли, кожа потрескалась и жутко чесалась. Он поймал на лезвие исходящий от Джейн свет и пустил по поверхности воды зайчика. Что он чувствовал?

– Теперь я их отец. Я отец двух необычных братьев, чей разрушительный потенциал не имеет себе равных. Я не смогу их удержать. Мы не сможем удержать их. Но какой отец позволит убить своих детей или сам поднимет на них нож?

– Ты хочешь быть хорошим человеком в мире, который не оставляет тебе выбора для добра, – сказала Джейн.

– Да.

– Но выбор есть всегда, брат.

– Ты же сказала...

– Знание будущего отняло у меня выбор. Я не хочу отнимать его у тебя. Именно поэтому я не скажу, что произойдет. – Джейн положила на руку Горгота сияющую серебром ладонку, крошечную на фоне его широких мышц. – Но я горжусь тобой, маленький брат. Горжусь.

– Но...

– Кто-то идет, Горгот. Кто-то, кто будет называть тебя братом, когда я уйду. Кто-то, кто предложит тебе выбор.

Вдалеке раздался звон чугунного колокола под ударами железного молота. Звон повторился. Тревога! Горгот поднялся:

– Я должен идти.

– В долине чужаки. Банда разбойников. Худшая из промышляющих на дорогах банд. – Джейн встала. Она улыбалась. Прежде она не улыбалась никогда. – Я пойду с тобой.

Примечание. Здесь мы видим историю Горгота и Джейн непосредственно перед прибытием Йорга. Этот рассказ затрагивает нашедшие отражение в трилогии драматические противоречия между свободной волей и знанием будущего. Насколько реален наш выбор? В нем также показана позиция Горгота, которая переключается с положением короля Олидана, столкнувшегося с подобным выбором. Как много знал Олидан о будущем своих мальчиков? Считал ли он, что они обречены с самого начала и несут в себе способности разрушить все вокруг на пути к своему концу? Полностью или частично он был под влиянием Сэйджеса? Или он просто подонок?

Секрет

– Луна явила свой лик, и Сим припал к земле. Десятки глаз со стен замка, с высоких башен обшаривали темноту окрестных склонов, но только ветер смог отыскать Сима, дернул его за плащ, заголосил причитая в его ушах. Сим внимательно осматривал зубчатые стены, отвесный массив каменной кладки, большую сторожку, притаившуюся над тяжелыми подъемными воротами. Придет время, и он будет быстр. Но сейчас он ждет. Вонзив зубы своего терпения в изучение задачи, наблюдая, как движутся стражники, откуда приходят и куда идут, на чем останавливают взгляд.

– Каждая хорошая история содержит по меньшей мере одну ложь и таит в себе какой-то секрет.

Молодой человек настолько владел собой и оставался столь неподвижен, что Даре вдруг вспомнились статуи в холле ее отца. Она наблюдала, как слова слетают с его губ, движение которых на застывшем лице приковывало ее взгляд. Без сомнения, рассказчик мастерски владел всеми нюансами своего искусства.

– Секрет этой истории покрыт мраком, его не прочесть в глазах убийцы.

Дара отвела глаза от губ Грима и окинула взглядом его стройную фигуру в застегнутом на все пуговицы мундире рассказчика, бархатную треуголку, щеголевато сдвинутую набок, приятные черты лица; в серых глазах продолжает гореть огонек, который зажег и ее саму, как только она его увидела.

– Они звали его Сим. Возможно, это и было его имя. Убийцы с легкостью пользуются такими вещами. В любом случае, мы будем называть его Сим, потому что под этим именем братство приняло его к себе.

– Братство? Он был членом какого-то религиозного ордена? – Дара знала, что у отца на содержании есть убийцы – самые лучшие из тех, которых можно было нанять.

Грим улыбнулся – настоящий рассказчик не должен игнорировать вопросы. Если не поощрять вопросы, не разговоришь публику.

– Религиозного ордена? В своем роде... он нес очищение и насаждал мир. Сталь отпускает все грехи.

Грим улыбнулся, и сердце Дары забилося сильнее, гнетущее беспокойство отступило. Если бы отец обнаружил, что она тайком допустила в свои покои мужчину, а тем более простолюдина, он удвоил бы охрану – хотя вряд ли на стенах поместится больше солдат – заковал бы окна решетками, такими, что и ключа не подобрать, и, хуже всего – он захотел бы побеседовать с ней. Призвал бы к трону, с которого говорит со всем Арамисом, и обращался бы с ней не как с ребенком, но как со взрослой, предавшей его доверие. Она будет стоять там, одна среди этих гулких мраморных покоев, и объяснять, зачем связала занавеси и спустила их как веревку, пока Клара поднимала тревогу, отвлекая стражников на постах...

– Брат Сим серьезно относился к своей работе. Забрать жизнь – это...

– Был ли он красив, этот брат Сим? – томно потянулась на диване Дара, горячая и страстная, как ночь. Открывая окно Гриму, она отчетливо ощутила приближение бури – верхушки деревьев в садах трепал влажный ветер, в котором чувствовалось дыхание готового вот-вот разразиться дождя. Грянувший вдалеке гром подтвердил эти угрозы.

Дара повернулась вполоборота к рассказчику, который подался вперед на маленьком табурете, держа под рукой на коленях свиток со своей историей. Вокруг его запястья был повязан знак ее милости – шелковый платок с вышитым из крошечных стеклянных бусин цветком.

– Был ли он красив? Был ли он высок, этот Сим? – спросила она.

– Он был обыкновенным, – ответил Грим. – Неприметным. Людей с подобным типом лица при определенном освещении можно принять за кого угодно.

Какое-то мгновение кажется, что красив, а в следующее уже забывается. Он был ниже большинства мужчин и не имел присущей воинам развитой мускулатуры. Но от одного взгляда его глаз вас бы пробрал озноб. В них пустота. Будто, глядя на вас, он видит лишь мясо да кости.

Дара вздрогнула, а Грим развернул свиток и кончиками пальцев стал водить над темными символами, густо покрывавшими пергамент и наполнявшими его смыслом.

– Чтобы узнать, зачем Сим следил за теми стенами, нам придется совершить путешествие на много миль на восток, а затем проделать многочасовой и многодневный путь обратно, пока не найдем его там.

Грим возвысил голос, но не настолько, чтобы его могла услышать стража за дверью, и, следуя взмаху его руки, история увлекла Дару за собой.

***

Брат Сим ждал, потому что такова уж участь убийц. Сначала они ждут, пока не получат задание, потом ждут удобного случая. Братство разбило лагерь в руинах небольшой крепости, среди обломков и запаха гари – это все, что оставила здесь последняя битва.

Сим отыскал самую высокую башню и, по своему обыкновению, забравшись на зубцы, устремил взгляд туда, где приведшая их сюда дорога, раздавленная между небом и землей, превращалась в точку. Его ноги болтались в пустоте.

– Имя было дано, – произнес брат Йорг из-за спины Сима. Он бесшумно поднялся по винтовой лестнице.

– Какое имя? – спросил Сим, не отрывая взгляда от дороги, что вела назад, в прошлое. Иногда он задавался вопросом, как так получается, что, возвращаясь по своим же следам, ты не попадаешь туда, откуда пришел?

И брат Йорг назвал это имя. Подойдя к стене, он положил рядом с Симом тяжелую золотую монету. В братстве все равны, но некоторые более равны, чем другие, а Йорг был их вожаком.

– Когда закончишь, найдешь нас на дороге в Аппан. – Он повернулся и спустился по лестнице.

Заказное убийство – это воплощение чужих замыслов. Сим взял монету, подержал в ладони, взвешивая. А монеты – лишь мерило этих замыслов. Любое убийство должно иметь свою меру, даже если это просто мера золота. Он повертел монету в покрытых шрамами пальцах. Выбитый на ней профиль приведет его к жертве.

***

Собрав вещи и приладив на себе оружие, Сим выехал из форта через разрушенную сторожку. Увидев, что он уезжает, братья ничего не сказали. Убийство – работа одиночек. Все они по-своему боялись его. Неутомимые бойцы, умелые в обращении как с клинком, так и с обухом, они его боялись. Все когда-нибудь спят. Неузвимых людей нет.

Сим пустил коня шагом по тропе, бегущей к широкому тракту, который приведет его на Римскую дорогу к Арамису. В его движениях не было ни спешки, ни особого стремления. К чему убийце страсть? В его работе главное не красота исполнения, а эффективность. Самый успешный убийца – не воин, он достигает своих целей не за счет владения оружием, а благодаря пониманию людей, очень тонкому пониманию.

Иногда он должен влезть в шкуру людей, которые стоят у него на пути, а иногда в шкуру самой жертвы.

Нащупав в кармане яблоко, высохшее, но все еще сладкое, Сим надкусил его, оставив аккуратный след. Сложность здесь кроется в том, что глубокое знание человека, понимание его надежд и слабостей, прошлых обид и страхов перед грядущим... такое знание сродни любви.

***

– Как думаешь, Грим, это правда? – спросила Дара, когда юноша сделал паузу. – Кто может знать людей лучше, чем рассказчик? – Она растянулась на диване напротив него так, что их колени почти касались друг друга. – Ты зарабатываешь на жизнь сказками. И большинство из них про принцесс... наверняка, ты нас очень хорошо изучил.

Обменявшись понимающими улыбками, они придвинулись так близко, что Дара могла видеть капельки дождя в его волосах. Она положила руку на его колено, вполне осознавая, какой историей может закончиться эта ночь. Она пригласила его в свои покои совсем не ради старых сказок. Не отрывая взгляда от Дары, Грим возобновил свой рассказ, продолжая водить пальцами по строчкам на свитке, словно мог читать историю руками.

***

– Сим снова сидел, ждал и наблюдал, как сидел, ждал и наблюдал предыдущие десять ночей, иногда у самых стен, иногда в городе, который вырос вокруг прижавшегося к бесплодной горе замка. Внимательно слушая все разговоры, стараясь не пропустить то, что могло оказаться полезным, он каждую ночь примерял новое лицо, пытаясь отыскать способ попасть внутрь.

Дара нахмурилась.

– Этот брат Сим пришел в Арамис, чтобы убить человека, чей профиль был отчеканен на монете? – метнула она в Грима острый взгляд. – Моего отца...

– Или кого-то из его предков, моя принцесса? Или, может быть, кого-то из окружения короля? Или, возможно, Хертога Второго, грозного воителя, который умер при загадочных обстоятельствах и чей брат Джантис унаследовал трон Арамиса триста лет назад? Джантис, который не особо разбирался в военном деле и владел короной всего пару месяцев, пока ваша семья не избавилась от него на поле боя... Позволь истории развернуться, и она обо всем поведает сама.

Дара отстранилась, стыдясь своей вспышки. Неужели она прежде времени раскрыла секрет? И эта история о том, как ее семья воцарилась на троне Арамиса?

– Мы говорили о любви, принцесса Дара. Идеальный убийца, способный добраться до кого угодно и где угодно, должен очень хорошо изучить свою жертву, а такое познание порождает любовь. В этом и заключается противоречие. Идеальный убийца должен быть способен убить предмет своей любви. Или, если угодно, осознать это чувство, но не позволить ему отвести свою руку.

***

Сим никогда не отводил руку. Он никогда не упускал нужный момент. Когда внимание охранников отвлекла какая-то тревога в замке, он быстрым, но плавным движением бросился к подножию стены. В воздух взметнулся обмотанный тканью крюк, за которым хвостом извивался тонкий трос. Мгновения спустя Сим уже взбирался к тому месту, которое выбрал в результате длительных наблюдений, месту, где его менее всего могли бы обнаружить.

Когда он достиг зубцов, руки уже горели. Быстрый как угорь, он на четвереньках скользнул через парапет, пинком освободил крюк позади себя и

спрыгнул на дерево, которое, как он знал, в этом месте растет близко к внутренней стороне стены. Под ним на вновь поднявшемся ветру бушевали сады. Вдоль внутренних стен замка простиралось несколько акров сада с деревьями, кустами и зарослями, в хаотическом изобилии представлявшими собой ухоженный намек на дикие леса, в которых так любила охотиться знать Арамиса.

Сим ждал, прижавшись к верхушке вяза, ждал, пока уляжется суматоха, отвлекшая внимание стражи от стен. Рана на ладони снова начала кровоточить. Ему доводилось убивать опытных ветеранов, не получая даже царапин, а тут позволил церковному библиотекарю полоснуть себя ножом для писем. Полдюйма ниже – и ему бы вскрыло вены на запястье или, возможно, перерезало сухожилия. Он зажал рану пальцами и, устроившись в ожидании на верхушке дерева, позволил воспоминанию развернуться в своем сознании.

Библиотекарь Хонас в итоге оказался полезен – снабдил картами времен постройки замка и дрожащим голосом зачитал пояснения к ним. Честный обмен, не придерешься. А когда запас его информации иссяк, они сидели и глядели друг на друга – юноша и старик.

– Брат Йорг говорит, что мог бы научить меня читать, – сказал Сим церковнику, сворачивая древнюю карту и засовывая ее во внутренний карман. – Но он много чего говорит.

Сим вытянул руку и повернул ее, высвобождая в ладони короткий метательный нож, под которым еще кровоточил оставленный Хонасом порез. Он нанес его инстинктивно, когда, обернувшись от стола с перепиской, в ужасе обнаружил стоявшего у себя за спиной Сима.

– Красивая вещица, правда? – Сим повернул руку, позволяя свету свечей поиграть на лезвии. Знакомое оружие приятно ощущалось в ладони. Странно находить умиротворение в лезвии метательного ножа – орудия боли и смерти... но, похоже, кресты, приносящие утешение верующим, символизируют орудие намного более жестокое, чем его нож.

Сим просунул лезвие между пальцами так, чтобы оно, словно сверкающий коготь, выступало примерно на дюйм, и молниеносным движением резанул Хонаса по горлу. Затем схватил голову старика и, несмотря на конвульсии, держал ее, что-то нашептывая в ухо – достаточно громко, чтобы перекрыть бульканье крови, но так тихо, что могли слышать только они двое.

***

– Что он сказал? – соскользнула Дара с дивана к ногам Грима, к его замшевым сапогам, покрытым разводами грязи после путешествия через сад.

– Это секрет, принцесса.

– Но мне-то ты скажешь? – посмотрела она на него, выгнув бровь.

Грим встретил ее пристальный взгляд:

– Конечно. В самом конце. Ни одна история не должна оканчиваться нераскрытым секретом. – Он снова опустил глаза на свой свиток. До них донесся низкий раскат грома, завибрировавший в груди Дары.

***

Сим ждал на дереве, готовый воплотить чужой замысел. А его собственные замыслы давным-давно были тесно привязаны его матерью к одной-единственной монете, это случилось целую жизнь назад, когда он был слишком молод, чтобы понимать, что его продали. Его взяли в бордель и держали там, пока, сея кровь и огонь, не нагрянуло братство и, увидев в нем иную ценность, не приняло мальчика в свои ряды. Когда он обрел новую жизнь, ему было четырнадцать, и миновали еще

годы, прежде чем он научился подчиняться указаниям лидера, а не своего изменчивого компаса. Но все равно, за каждую смерть он брал монету, возможно, где-то в отдаленном, безмолвном уголке души надеясь, что та самая, принятая его матерью монета найдет к нему путь и вернет его самому себе.

***

Нужный момент настал, и плащ взвился у Сима за спиной, когда он прыгнул, приземлившись обеими ногами на затылок стражника. Тот завалился как подкошенный, а Сим, выхватив нож, бросился на второго – и в одно мгновение все было кончено. Он оттащил обоих в кусты и, пока их тела покидала жизнь, под шелест листвы прошептал им свой секрет.

Под сенью дерева брат Сим сменил свой облик. И не успел он застегнуть последнюю пуговицу, как пошел холодный дождь, темные сады пригнулись и зашумели. Он двинулся к высоким башням и королевским покоям, задержавшись только для того, чтобы в высоком кустарнике на краю садов установить свое приспособление.

***

– Ты ведь пришел сюда не для того, чтобы рассказывать истории, Грим? – Дара провела рукой по колену молодого человека, почувствовала твердость его бедра.

Вспышка молнии, поглумившись над светом ламп, на мгновение осветила зал и отразилась в глазах рассказчика. Трижды на прошлой неделе она видела его в домах знати, декламирующего с подмостков для развлечения обедающих гостей. Было в нем нечто такое, что привлекло ее внимание – утонченная красота, и та двусмысленность, с которой он принял откровенные знаки внимания, оказалась более соблазнительной, чем похоть или восхищение.

На приеме, устроенном лордом Гарзаном по случаю представления потенциальных женихов, Дара уделила больше внимания сказочнику, чем мелким князькам и лордам, которых отец пригласил добиваться ее руки. Наверняка отец прежде всего думал о большой политике, о возможных альянсах; Дара же стремилась удовлетворить свои более насущные желания; если уж ей и суждено стать жертвой брака по расчету, то почему бы сперва не поразвлечься?

Когда Грим закончил историю, она бросила ему свой платок в знак благосклонности и послала Клару устроить нынешнее свидание. Горничная вернулась столь же смущенная, как и сама Дара, и подтвердила, что Грим готов стены штурмовать ради встречи с принцессой, если ей удастся отвлечь охранников, чтобы он смог добраться до нее, минуя их копьа.

И вот он во плоти. Он в ее руках, и гораздо более настоящий, чем любые истории. Гораздо более интересный. Снаружи басовито и хрипло пророкотал гром. Она наклонилась еще ближе:

– Ты ведь пришел сюда не просто истории рассказывать?

– Нет, принцесса, не просто истории. – Взяв ее за руку, Грим поднялся с табурета. – В такую же ночь в садах этого самого замка брат Сим убийством проложил себе путь к высоким башням Арамиса. – Он повел ее к окну, через которое меньше часа назад пробрался в ее покои. – Сим пришел с окровавленными руками, оставив на своем пути с полдюжины трупов.

Рука Грима скользнула по ее плечу, и Дара вздрогнула от этого прикосновения, когда он подвел ее к окну, чтобы, стоя рядом, смотреть на идущий в темноте дождь. Другую руку он выставил под капли дождя, и Дара невольно проследила за ней взглядом.

– Это... что это там?.. – Еще не привыкшие к темноте глаза уловили что-то болтающееся на ветру среди ветвей... что-то темное... почти... как человек? Одинокий стражник?

– Я... – В новой вспышке молнии среди колышущейся зелени Дара увидела черную фигуру, высокую и растрепанную, высунувшуюся из кустов между внутренним двором и садом. Раскат грома заглушил ее крик. – О Боже! Это он!

– Что? – Грим отступил назад, не сводя с нее глаз. – Что ты увидела?

– Кто-то... там кто-то есть, – вцепилась она в его плечо. Сердце бешено колотилось.

Стук в дверь показался ей едва ли громче, чем грохот в ее груди.

– Ваше высочество? – Ручка задергалась, но она заперла дверь еще до того, как Грим влез по веревке.

– Скажи ему, – прошептал Грим, – что ты кого-то видела.

– Я в порядке, – выкрикнула она. – Я... я увидела во дворе человека, не стражника и не из прислуги. И испугалась. – Она села в подставленное Гримом кресло, дрожащие колени подкашивались.

– Я прикажу обыскать двор, принцесса, – отозвался из-за двери стражник, капитан Эксус. – И оставлю Говарда охранять ваши покои. Пожалуйста, задвиньте засовы.

– Я сделаю, – прошептал Грим, быстро задвигая в скобы два тяжелых засова. За дверью послышался топот сапог по лестнице, когда ее стража ринулась вниз на поиски. Теперь Дара почувствовала себя в безопасности. Эта дверь сможет удержать целую армию, да и мимо Говарда тоже просто так не пройдешь.

– Ну, вот и вся история. – Вернувшись к креслу, Грим ловкими движениями помассировал ей плечи.

– Но ты еще не открыл мне ни лжи, ни секрета, – заметила Дара, вытянув шею, чтобы взглянуть на него, стоявшего позади кресла.

Грим покачал головой, губы тронула грустная улыбка. Когда он пропустил шнур под ее подбородком, она на мгновение решила, что это ожерелье, подарок.

– Я и есть ложь. – И мгновение спустя шнур на шее затянулся, задушив не успевший сорваться с уст вопрос. Ее руки потянулись к шее, и все помыслы сузились до одной цели, одного желания – сделать еще хотя бы один вдох. И в этот момент ее безмолвной предсмертной агонии Сим прошептал свой секрет.

Съездившись за креслом, чтобы уберечься от царапающих рук, Сим продолжал натягивать шнур от занавесок, пока Дара не прекратила сопротивляться. И еще некоторое время, напрягая руки, подержал туго натянутую веревку. Он знал, сколько нужно времени, чтобы убить человека таким способом. Гаррота быстрее, но можно забрызгаться кровью, а убраться отсюда безопаснее в чистой одежде. В любом случае проволока не годится для такого царственного горла. Шелк как-то... более подходит... для знати.

Наконец Сим выпустил шнур, и труп принцессы завалился ничком, скрыв фиолетовое лицо, налитые кровью глаза и вывалившийся язык. Достав из сумки платье и чулки как у королевских служанок, он неспешно переоделся, затем снял с запястья подарок Дары и прикрыл рану на ладони манжетом своей новой униформы. Длинный белокурый парик, немного нанесенных с помощью зеркала румян для достижения нужного эффекта – и Сима уже не отличить от служанки. С маскировкой у него никогда не возникало трудностей. Спасибо детству – если ты перестал быть собой, тебе уже не составляет труда стать кем угодно. Когда ты торгуешь страстью, то и понять любовь, и остаться к ней равнодушным становится легче. В четырнадцать лет братья уже распознали в нем убийцу. Удивительно, что люди менее привычные к убийствам не видят этого, пока не становится слишком поздно.

Сим привел себя в порядок и двинулся к двери. Тряпичную куклу подняло над кустами приспособление, в котором вода из одного пузыря перетекала в другой, создавая противовес. Найти ее будет несложно, так что стража вернется довольно скоро.

Капля масла позволила отодвинуть тяжелые засовы, не потревожив охранника снаружи. И еще пара капель на петли. В руку Сима скользнул четырехдюймовый шип. Плавным движением распахнув дверь, убийца вогнал острие в шею Говарда, тот повалился на пол, звякнув бесполезной броней.

Затащив Говарда в комнату, Сим забрал из покоев Дары обеденный поднос и закрыл за собой дверь. И поскольку стража на башне отвлеклась на поднятую Дарой тревогу, а его одежда позволяла беспрепятственно передвигаться коридорами цитадели, Сим убрался из замка.

Он исполнил свое предназначение, осуществился воплощенный в монете замысел брата Йорга. Брата Йорга, которого он и любил, и в то же время ненавидел. Брата Йорга, который подчинял себе все, на что обращал свой взор, будто каждое его слово источало необходимость повиноваться ему. И, сделав дело, Сим в очередной раз был свободен в выборе пути. Так же свободен, как и все свои восемнадцать лет.

Полчаса спустя на темном и размытом дождем тракте, сидя верхом на добром коне, Сим принял решение, опять направляя поводья к римской дороге, ведущей на юго-восток к дороге на Аппан, к братьям, к очередной монете, очередному заданию, к ясной цели в мире, который так нуждается в жесткой руке.

Позади него, хлопая на ветру и расползаясь в мокрой жиже, остался лежать его свиток с непонятными, размытыми дождем символами, словами и смыслом, которые исчезали вместе с впитывающейся в землю водой.

Вот и вся история. Порадуйтесь, что она не о вас, что вам ложь еще не раскрыта и не поведан секрет.

Примечание. Хотя сюжет здесь более сложный, чем у некоторых других рассказов в этом сборнике, сама история довольно проста. Если здесь и присутствует какая-то глубина, то она касается природы лидерства, когда уверенность, с которой отдаются приказы, зачастую важнее того, насколько они корректны.

Познай себя

– Почитай отца твоего, – эхом разнеслось от престола, пока Гомст торопливо приближался по длинному черному ковру, простирившемуся от дверей до помоста.

Гомст прошел последнюю пару придворных рыцарей и встал перед королем Анкрата. Духовенство, независимо от сана, не склоняло головы перед коронованной особой, но Гомст все равно чувствовал непреодолимое желание поклониться. Он вперился взглядом в нижнюю ступеньку, ожидая пока к нему обратятся.

– Почитай отца твоего. Это же одна из десяти заповедей, которые Бог счел необходимым высечь на каменных скрижалях, не так ли?

Лишь теперь Гомст поднял глаза на короля:

– Так, ваше величество, – он решил не добавлять «и мать твою». Король Олидан выглядел человеком, который не слишком-то любит делить с кем-то почтение.

– У меня два сына, которым не мешало бы глубже изучить эту заповедь. – Олидан откинулся на спинку высокого трона, не развалившись, но вполне непринужденно. Железный обруч, удерживающий черную массу его волос, был инкрустирован рубинами, которые блестели в свете факелов каплями крови. Холодно-синие глаза смотрели на Гомста сверху.

– Это никому бы не помешало, ваше величество, – подавил Гомст непреходящее желание поклониться. Епископ назвал это назначение наградой за верную службу, но под тяжестью взгляда Олидана Гомсту подумалось, что это скорее наказание.

– Мой старший сын поклялся убить меня, священник. Что ты об этом думаешь, а? Какое наказание предписывает церковь за такую измену? – Не вставая с трона, король подался вперед, словно их было только двое, как в тиши исповедальни.

Гомст открыл рот в надежде, что ответ сыщется сам по себе, но этого не случилось:

– Я ... я думал, что ваши сыновья еще слишком малы, ваше величество?

– Старшему шесть. Младшему четыре.

– Послание к Коринфянам 13:11. Когда я был младенцем, то говорил, как младенец, – воздел Гомст руки. – Даже у Господа нашего было время, когда он говорил и мыслил как младенец. – Гомст чувствовал себя бредущим по лабиринту из острых лезвий. Ему не хотелось ни провалить испытание, которому его подвергали, ни нанести обиду. Олидан Анкрат не тот человек, которого можно обидеть без последствий. – Я могу ошибаться, ваше величество. Но разве может мальчик шести лет представлять реальную угрозу?

– Этот шестилетний ребенок совершил кражу из королевской сокровищницы, – поднялся с трона король. – И он не просто забрел туда через оставленную открытой по недосмотру дверь. Он спустился по стенам Высокого Замка и пролез сквозь оконную решетку, слишком узкую для взрослого человека. – Король повернулся, шаря глазами по стене сбоку от трона, затем провел пальцами вдоль выбоины в кладке. – Мой сын бросил в меня молот, который лишь на пару дюймов разминулся с моей головой... – Он остановился, словно пытаясь воссоздать в памяти этот момент. – Не укради, не убий, чти отца своего.

– Мой мальчик, Йорг, за один только день нарушил или попытался нарушить три заповеди из десяти. – Король вернулся взглядом к Гомсту. – Да, священник, я признаю, что не слишком-то представляю, что значит хороший отец. Мой собственный мало чему научил меня в этом отношении. После кражи я преподавал сыну урок. Суровый урок, но необходимый. Теперь ребенок объявил мне войну. Я мог бы вышибить из него эти мысли, но ради его матери решил прибегнуть к услугам эксперта, который бы вразумил его более деликатно. Но я вас

предупреждаю, отец Гомст, если к следующей встрече со мной Йорг не образумится, я буду недоволен.

Гомст сглотнул:

– Могу ли я узнать, какого рода урок вы преподали своему сыну, ваше величество?

– Око за око, как учит ваша Библия. Мальчик отнял у меня. Я отнял у него, – нахмурился король Олидан.

– Не...

– Нет, не глаз. Я убил его собаку.

***

В этот же вечер отец Гомст разместился в своем жилище – небольшой комнатке рядом с королевской часовней. Он также будет наставлять верующих и в церкви замка, но эта часовня предназначалась только для королевской семьи. Часовня, как и комната Гомста, была невелика, и, хотя алтарь изобилвал золотой инкрустацией, на всем лежала печать неухоженности, а скамьи покрывал толстый слой пыли.

Прежний священник, отец Хермест, двумя годами ранее пал жертвой простуды, и складывалось такое впечатление, будто посчитали, что для нравственного наставления Анкратов будет вполне достаточно одного его призрака, вплоть до недавнего прозрения короля касательно того, что религия может оказаться действительно полезной в вопросах контроля его оказавшегося таким кровожадным потомства.

После отца Херместа не осталось ничего, что свидетельствовало бы о его десятилетней службе, кроме сваленной в большом шкафу в комнате Гомста груды ладана, Библии и висевшего на стене наставления «Познай себя».

Наставление привлекло внимание Гомста, когда он, прежде чем лечь в свою узенькую кровать, направился запереть на засов дверь. Два слова. «*Temet Nosce*». Говорят, что первым их произнес Сократ, хотя после стольких лет, кто может утверждать наверняка. Сократ умер с честью, он испил свою чашу цикуты и отправился к берегам Стикса задолго до того, как девой был рожден Иисус. Познай себя. Может, это наставление и разумно для людей чести, но оно – яд для ушей простолюдина. Гомст считал, что знает себя слишком хорошо.

***

Утро застало Гомста дрожащим под тоненьким одеяльцем. Облачившись в рясу священника, он превратился в очередного самозванца, претендующего на божественную власть, между тем каждую минуту сознавая себя слабым, нечестивым и недостойным обманщиком.

Его утренняя трапеза прошла в большом зале в компании брата Глена, монаха из монастыря во Вью, которого пригласили после смерти отца Херместа поддерживать порядок в церкви замка, пока не придет замена.

– Я прислан наставлять принцев в вопросах религии. – Стряхнув с бороды крошки, Гомст потянулся за следующей булочкой. – Где я могу найти их в этот час?

– Этих двух чертенят? Вам понадобится терпение ангела, отец. И толстая розга. – Монах неприятно улыбнулся, словно представив, как бы он использовал эту розгу. – Они должны быть со своими няньками наверху, в покоях королевы, но, скорее всего, вам придется присоединиться к их поискам. Возможно, подземелья могли бы их удержать, но и в этом я не уверен.

А он оказался неплохим предсказателем, этот брат Глен. Принцев не было с их няньками, и половина стражников замка участвовала в беспорядочных поисках. Отец Гомст был вовлечен в общий процесс и бесцельно бродил по верхним этажам с гвардейцем по имени Геффен, который предположил, что мальчишки позволят себя обнаружить, только когда сами того пожелают, и никак не раньше.

– Возможно, к обеду. – Геффен перевернул подушку на стуле в гостиной королевы, будто под ней мог скрываться принц Йорг. – И то, если только им не удалось стащить еды.

Спустя какое-то время Гомст улизнул от гвардейца и вернулся к лестнице, которая, как сказал Геффен, вела на крышу. С башен Высокого Замка должна была открываться неповторимая панорама Анкрата, которая бы позволила Гомсту лучше сориентироваться в расположении остальной части цитадели.

Пока все шатались по крепости в поисках сбежавших детей, никто и не помышлял мешать новому священнику исследовать замок, и Гомст отправился вверх по винтовой лестнице, которая должна была вывести его на зубчатую стену. Поднявшись всего на пару витков, он оказался перед тяжелыми железными воротами с внушительным замком. Разочарованно вздохнув, Гомст уже собрался спускаться, когда на ступеньке за воротами заметил оброненный кусочек булки. Одной ступенькой выше, и его бы уже не было видно за поворотом лестницы.

Гомст схватился за ворота. Независимо от того, насколько хорошо кошки справляются с истреблением крыс в замке, упавшая еда вряд ли будет лежать нетронутой бесконечно долго. Он потянул, ворота приоткрылись на смазанных петлях, и Гомст поднялся по лестнице.

В верхней части Высокого Замка размещались колокольня, резервуар для воды, обсерватория и три тухлявые осадные машины, названия которых отец Гомст не знал. Никаких признаков пропавших мальчиков. Сама крепость была возведена Зодчими. С тех пор как постигшая Зодчих Божья кара смела с лица земли все их великолепие вместе с цивилизацией, более поздние династии добавляли к цитадели пристройки по своему усмотрению. Именно Анкраты построили на ровной крыше зубчатые стены, которые слабо защищали от бушующего на такой высоте ветра. Прижавшись к каменной кладке, Гомст окинул взглядом весь город Крат. К югу змеилась река Сейна, серебряной нитью протянувшаяся через жилые районы. У воды возвышался Собор Богоматери, на холме – Собор Святого Сердца. На западе город окружали соляные болота и бурые просторы Топей Кена, завязнув в которых, поднимающееся море наконец останавливало свое вторжение вглубь суши.

Спустя полчаса Гомст оторвался от созерцания окрестностей, глаза слезились от ветра. Он побрел к колокольне, которая была старше стены и, вклинившись в нее, опасно нависала над фасадом главной башни. На колокольне на высоте сорока футов висел большой железный колокол. Гомст подошел к двери, вытягивая шею, чтобы осмотреть башню, упирающуюся в серое, заполненное плывущими облаками небо. Дверь – прогнивший дощатый щит – распахнулась от одного толчка. Пожав плечами, священник поднялся по расположенной за нею скрипучей деревянной лестнице.

Достигнув последней ступени, Гомст сразу увидел привязанную к лестничному столбу и переброшенную через низкий парапет веревку. Он протиснулся в открытую всем ветрам звонницу, почти все пространство которой занимал колокол. Если он качнется, то может перекинуть человека через парапет и отправить кувырком лететь на крышу крепости. Гомст осторожно добрался до места, где веревка свешивалась с парапета на фасад башни.

Ярдом ниже, обвязанный этой веревкой вокруг груди, горизонтально висел, упершись ногами о внешнюю стену, невысокий темноволосый мальчик. Он висел

лицом вниз на высоте двухсот или более футов над землей перед главным входом в крепость. Голова ребенка была приподнята, как если бы он смотрел не прямо под собой, а в сторону конюшен напротив.

Гомст раздумывал, сомневаясь, стоит ли ему заговорить. Если он испугает мальчика, тот может дернуться и выскользнуть из веревочной петли.

– Я услышал тебя на лестнице, – принял за него решение мальчик.

– Что, во имя Господа, вы там делаете, принц Йорг?

– Пытаюсь убить своего отца. От своего имени, а не во имя Господа. Уильям даст сигнал, когда увидит, что он идет. Он махнет флагом, когда отец поравняется с доспехами рыцаря из Белпана, которые стоят в зале. Если в этот момент я отпущу булыжник, он должен стукнуть отца как раз, когда тот выйдет. Если ждать, пока отец появится из двери, будет слишком поздно.

Гомсту не был виден булыжник, закрытый от него телом Йорга, но он мог видеть в каком напряжении были руки мальчика, которые тот держал под собой.

– А что, вы думаете, случится, если у вас получится? Вы станете убийцей! Вы знаете, что бывает с убийцами? Вы знаете, что с ними происходит в аду?

– Я стану королем, – сохраняя спокойствие ответил Йорг, продолжая сосредоточенно глядеть на окна конюшен в дальнем конце двора. – И сам себя помилю.

– Господь вас не помилит, Йорг!

– Короли правят божьей милостью. Я об этом читал. Если я имею право на этот трон, то Бог должен одобрить способ, каким я туда попал.

Гомст осмотрел веревку. Хватит ли у него сил вытащить мальчика наверх? Кажется, ему шесть. Но рассуждал он не как шестилетний. И выглядел намного крупнее. А что, если он начнет брыкаться, выронит камень и убьет кого-то или, еще хуже, – выскользнет и оставит Гомста, держащего в руках веревку, на которой король потом его и повесит? Он обеими руками схватился за канат.

В окне конюшен затрепетала красная тряпка, и тут Гомст изо всех сил потянул веревку. Со сдавленным криком Йорг стал подниматься, продолжая держать камень, который собирался бросить на отца. Сжимая веревку одной рукой, другой Гомст подхватил мальчика и втащил его в колокольню. Оба упали – Гомст задыхаясь, Йорг в ярости. Вскочив на ноги, мальчик поднял над головой булыжник. Гомст, который было расслабился, решив, что ребенок сохранил здравый смысл и не уронил свой снаряд, пока его тащили наверх, теперь резко сменил свое мнение.

– Кто ты? – Гнев на лице мальчика подкрепленный размерами камня в его руках лишили Гомста присутствия духа.

– Гомст! О-отец Гомст!

– Почему ты одет как священник? – нахмурился мальчик и опустил свое оружие.

– Я священник. – Голосу Гомста не доставало уверенности. Он сел и отряхнул свое одеяние. – Меня призвали наставлять вас и вашего брата.

– Чтобы спасти наши души? – Йорг, казалось, был не в восторге. Он опустил камень и сел на стену, спиной к зияющей внизу пустоте.

– Я только что спас вас от убийства вашего отца. Если бы вы бросили этот камень и промахнулись, то в лучшем случае вас бы отослали в монастырь. Возможно, на какой-нибудь пустынной скале. Вы этого хотите?

– Я бы не промахнулся, – нахмурился Йорг. – Но жить в захолустье, в окружении монахов, не слишком весело. Уильям и без того невыносим. – Йорг пронзил Гомста сердитым взглядом. – Он не обрадуется, что вы меня остановили.

– Ему четыре! Завтра он все забудет.

Гомст поднялся на ноги и, возвысившись над ребенком, почувствовал себя увереннее.

– Только не Уильям, – покачал головой Йорг. – Он не отступит. Отец убил нашу собаку. Теперь мы должны убить его.

– И как это поможет? Вернет собаку? – Гомст направился к лестнице, надеясь вывести Йорга из башни или по крайней мере увести его от стены. От одного вида балансирующего на ветру принца Гомсту сделалось дурно. – Лучше от этого вам не станет. Вам может показаться, что станет, но это не так. Мне отмщение, говорит Господь. Месть – это промысел Божий, Йорг. Не потому, что он ее алчет, а потому, что избавляет нас от нее. Приняв на себя зло, которое сдает тех, кто пытается ему следовать. – Гомст покачал головой. – Убийство собственного отца. Я снова спрашиваю: чем бы это помогло?

Йорг спрыгнул на пол колокольни:

– Он бы перестал убивать собак.

– А вы бы могли перестать воровать, – попытался сменить тактику Гомст. Вина была излюбленным оружием епископа, и хотя Гомст признавал ее действенность, используя ее, он всегда чувствовал себя лицемерным. – Разве не этот грех побудил вашего отца к ответным действиям?

Нахмурившись, мальчик опустил глаза. В руке он держал извлеченный из кармана пучок коричневатого меха, перевязанный золотой проволокой.

– Я не без греха. Но не я первый бросил этот камень...

– Ваш отец преподавал вам урок о том, что является правильным, а что нет, принц. Жестокий урок, но уроки королей нередко бывают жестоки. Король понимает, что придет день, когда его трон достанется вам, и, если вы будете недостаточно сильны, чтобы его удержать, его могут у вас отнять... – Гомст вложил в эти слова убежденность, которой на самом деле давно не испытывал, так он произносил проповеди, давно переставшие нести для него какой-либо смысл. Чтобы уберечь ребенка от беды, он должен был придать действиям монстра какой-то разумный смысл. Мысленно он пожал плечами. Гомсту доводилось произносить и большую ложь по более ничтожным поводам. Едва ли в Римской церкви в эти дни можно возвыситься, не имея гибкого языка.

– Если вы убьете своего отца, это ляжет пятном на вашу душу на всю жизнь, Йорг. А ваша мать? Сделает ли это ее счастливой? Как она будет смотреть на вас после этого?

Гомст не был посвящен в детали брака королевы Роуэн, но подозревал, что ее отношения с королем Олиданом были такой же загадкой и для молодого Йорга. Взаимоотношения между родителями тяжелы для понимания любого ребенка.

– Тогда Уильям сам это сделает, – нахмурился Йорг.

– Ему четыре! – всплеснул руками Гомст. – Придворные рыцари Олидана просто отмахнутся от четырехлетнего ребенка!

– Ему не всегда будет четыре, – ответил Йорг.

Гомст уставился на стоявшего перед ним мальчика, который прожил в этом мире всего шесть лет, выглядел ближе к девяти, а говорил, будто ему двенадцать.

– Он такой же, как вы? Этот ваш брат?

– Хуже.

И Йорг двинулся вниз по ступенькам.

***

В тот же вечер Гомст познакомился с Уильямом. Он вернул Йорга охранникам замка, а через час и сбежавший младший принц был обнаружен и возвращен на попечение нянек – четырех сурового вида женщин со строгими лицами. Та, которая открыла дверь на стук Гомста, казалось, была вся измотана от того, что ей приходилось следить, чтобы два маленьких мальчика находились там, где им положено быть.

– Принц Йорг! Принц Уильям! Это ваш новый священник. Он хочет вас видеть.

Златокудрый, похожий на ангелочка Уильям плелся за темноволосым братом, вышедшим представиться. Гомст опустился на колени, чтобы быть на одном уровне с мальчиком. Увидев этого ребенка собственными глазами, он не мог поверить в то, что говорил о нем Йорг.

– Отец Гомст, – кивнул Йорг и отошел в сторону, открывая Уильяма, который стоял, сжимая тряпичную куклу, хотя тряпки были из атласа и бархата.

– Принц Йорг, рад вас видеть. Принц Уильям, приятно с вами познакомиться. – Гомст бросил в сторону Йорга быстрый недоверчивый взгляд.

В ответ Йорг выхватил из рук Уильяма тряпичную куклу и оторвал ей голову, обнажив содержимое – блеснувшее среди атласа лезвие штыка.

– О нет, принц Уильям! – Нянька быстро выхватила у Йорга куклу. – Только не снова! – Вынув из игрушки шестидюймовый штык, она положила его в карман фартука. Раздавшееся оттуда звяканье металла о металл давало основания предполагать, что там уже скопилась внушительная коллекция похожего инвентаря.

Гомст вновь повернулся к Уильяму и нахмурился:

– Разве Йорг не объяснил вам, как нехорошо причинять вред собственному отцу? Он не рассказывал вам об уроке, который получил?

– Отец убил мою собаку, – сердито нахмурил брови мальчик.

– Я рассказывал ему, – произнес Йорг. – Он не слушает. Он сказал, что урок нужен был мне, а собаку потерял он.

– Понимаю... – потер подбородок Гомст, обнаружив, что не имеет желания оставлять мальчика вне поля своего зрения. Не следовало подставлять другую щеку свирепому младенцу с талантом прятать на себе острые предметы.

– Я сказал, что он не станет королем, даже если убьет отца, – сообщил Йорг. – Думаю, от этого он еще больше разозлился.

– Я стану королем! – метнул на Йорга взгляд Уильям.

– Это я стану королем, и не только этого замка! – встретил его взгляд готовый к бою Йорг. – Королем всего мира!

Гомст поднялся на ноги:

– М-да, не сработало. Пойдемте со мной, оба.

Отодвинув няnek с дороги, Гомст повел принцев из их покоев вниз по лестнице, через следующий этаж, на другую ведущую вниз лестницу, потом еще ниже.

– Куда мы идем? – дернул Гомста за рясу Йорг.

– В подземелья.

– Не хочу подземелья, хочу Джастиса⁵! – остановился Уильям как вкопанный.

– Джастис? Я не... – нахмурился Гомст.

– Наша собака, Джастис, – сказал Йорг.

– Ну-у, – Гомст подумывал было соврать, но решил ограничиться уверткой. – Ну, мы собираемся туда, где покоятся мертвые.

Оба мальчика последовали за ним без дальнейших вопросов. Гомст обнаружил схему катакомб на карте, засунутой в Библию его предшественника. Отец Хермест обозначил на ней имена тех, кто покоится в уже занятых склепах, а также камеры, предназначенные для ныне живущих членов семьи.

В подвалах они миновали кухни, где толстый повар в запорошенном мукой фартуке помахал принцам, не оказывая им ни доли надлежащего почтения.

– Это Дрейн, – сказал Йорг. – Он дает нам печенье.

– Ну, он не имеет права этого делать.

---

⁵ Justice – в переводе с англ. справедливость, правосудие.

Гомст отыскал путь вниз, в винные погреба, куда открыл дверь ключом, полученным от брата Гленна вместе с советом, что щедрые запасы анкратского красного помогут справиться со стрессом, вызванным заботами о душах принцев. Гомст взял с собой фонарь и теперь поднял фитиль, усилив пламя, чтобы осветить путь.

Их путь пролегал по заставленным бочками проходам и в конечном итоге привел к еще одной лестнице вниз. В подземелье они вошли через дверной проем, облицованный досками красного дерева. Судя по железной раме, здесь когда-то была установлена весьма внушительная дверь, но от нее не осталось никаких следов.

– Вы чувствуете их запах? – принюхался Йорг.

– Чей? – спросил Уильям.

– Мертвецов! – произнес принц дрожащим голосом, как делают, рассказывая истории о призраках и упырях.

Поразительно длинный коридор и несколько поворотов наконец привели их к склепам, в которых Анкраты переживали вечность. Ни один из них еще не прождал особенно долго. Гомст провел детей мимо полдюжины камер в конец длинного склепа, где на черном мраморном саркофаге было с пугающей четкостью вырезано подобие закованного в латы скелета человека, который покоился внутри.

– А это, мои принцы, место последнего упокоения вашего прапрадеда Кейна Анкрата, отобравшего эти земли и этот замок у Дома Ор. Он умер в возрасте сорока девяти лет.

Принцы подошли ближе. Прежде чем Гомст смог возразить, Йорг уже забрался на крышку и встал на каменный барельеф скелета.

– Принц Йорг! Вряд ли это прилично!

Проигнорировав Гомста, Йорг опустил руку и, схватив протянутую ладошку Уильяма, с криком «Малыш!» поднял его к себе.

Гомст поправил свое облачение и поднял фонарь, чтобы мальчикам было лучше видно.

– Итак, вы знаете, где эти последние сто четырнадцать лет покоились кости Кейна Анкрата... но где была его душа?

Уильям пожал плечами.

– Вон там? – указал Йорг на соседний гроб, крышка которого изображала стройную королеву.

– В раю! – поднял было Гомст руку для подзатыльника, но, вовремя вспомнив, что затылок принадлежит принцу, опустил. – В раю веселится с ангелами и вкушает амброзию.

– А где бы он был, если бы убил своего отца – неважно по какой причине?

Мальчики молча поглядели на него прищурившись.

– Он бы провел эти годы в муках, в адском пламени! – Гомст подсветил лицо снизу, придавая ему демонический образ. Он отвадит Уильяма Анкрата от греха, прежде чем ребенок слишком повзрослеет, чтобы его можно было спасти. – Горел бы в Геенне огненной, не имея и надежды на избавление. Вот, мальчики, почему необходимо повиноваться Господу во всем и отвергнуть грех. – Он пристально посмотрел на Йорга, надеясь обрести союзника. – А что есть самый большой грех?

– Блудить с верблюдами? – нахмурился Йорг.

– Нет! А где это вы такое слышали? – Опять Гомсту пришлось на полпути опустить занесенную для затрещины руку.

– Это было в Библии, – плотно сжал челюсти Йорг. С вызовом.

Гомст метнул на Уильяма свирепый взгляд:

– Величайшим грехом является убийство своего отца.

– А верблюды? – не унимался Уильям.

Рука Гомста приняла решение за него. Он шлепнул младшего принца по затылку, достаточно крепко, чтобы свалить его с гроба. Мгновение спустя, стащив Йорга с его прапрадеда, он зашагал прочь, потянув мальчика за собой.

– Это для его же блага! Нужно вселить в него хоть немного страха. Даже не знаю, что король Олидан сделает с ребенком, если увидит, что тот пришел к нему со штыком. Но сделает он намного хуже, чем это! Ваш отец не настолько великодушен!

Йорг семенил следом, даже не пытаясь высвободить руку.

Гомст оглянулся. Он увидел, что принц Уильям сидит в сгущающихся тенях у основания гроба и потирает затылок.

– Ваш брат очень скоро последует за нами, – сказал Гомст. – Он не останется в темноте.

Но его уверенность поколебалась, когда, достигнув дальнего конца склепа, они так и не услышали звуков отчаяния или преследования. Гомст повернулся, но не увидел ничего, кроме темноты.

– Он видит наш свет, – сказал Йорг.

Гомст колебался, его охватило беспокойство, пальцы, которыми он ударил мальчика, до сих пор саднило. Оставшись один в темноте, любой нормальный ребенок уже рыдая бежал бы за ними, напуганный. Он стиснул зубы и, зайдя за угол, направился дальше по длинному коридору. Пройдя пятьдесят ярдов, Гомст остановился.

– Подождем здесь.

– Не нужно было его бить, – сказал Йорг. – Теперь вы стали его врагом.

– Это для его же блага, – огрызнулся Гомст, раздраженный тем, что вынужден объяснять свои действия ребенку.

– Но не для вашего. – Свет фонаря придал лицу Йорга зловещий оттенок. Гомст не ожидал увидеть подобное выражение на лице шестилетнего ребенка. – Теперь вы и мой враг тоже.

– Я? – вскинулся Гомст. – Почему, во имя Господа?

– Вы ударили моего брата, – с этими словами Йорг сел, прислонившись спиной к стене, и больше ничего не сказал.

***

Тянувшиеся секунды складывались в минуты, а определить количество прошедших минут отец Гомст затруднялся. Пожалев ноги, он присел рядом с Йоргом. Его мысли носились по кругу – объяснение, которое он предложит королю, если что-то пойдет не так, дорога, которой он сбежит из Анкрата, собор, в котором будет искать убежище... А в центре этого круга находился образ маленького белокурого ребенка, одиноко лежащего в темноте в расплывающейся луже крови.

– Он, должно быть, ушибся!

– Нет, – отозвался Йорг. – Я видел, как он встал.

Гомст снова открыл рот, но ничего не сказал. Стены, казалось, давили со всех сторон. Сырой воздух недостаточно насыщал легкие. Их обступала темнота, полная призраков – не Анкратов, безмолвных в своих могилах, но тех неутомонных орд, которые пали под их мечами.

Наконец, когда пламя фонаря начало мерцать, Гомст встал:

– Мы должны вернуться.

– Он победил, – сказал Йорг.

Гомст склонил голову. Это была правда:

– Я священник, – сказал он, – результаты наших усилий проявляются через годы.

Они вернулись той же дорогой, свернули за угол, прошли вдоль склепа, мимо пустых арочных входов в камеры, где покоились остальные Анкраты, мимо камер, где однажды обретут свой вечный покой король Олидан и королева Роуэн.

Мерцающий свет фонаря выхватил из темноты ребенка, сидящего на четвереньках в позе упря на черных костях скелета Кейна Анкрата. Уильям медленно, словно собираясь явить лицо ночного монстра, а не херувима, поднял к ним голову.

– Мне здесь нравится, – сказал он.

– Время возвращаться, принц Уильям, – протянул руку отец Гомст.

– Если Йорг будет королем всех людей наверху... я мог бы быть королем всех мертвых, – сказал Уильям. – Тогда бы мне не пришлось его убивать, чтобы стать королем. И мы оба могли бы быть королями.

Гомст понял, что его протянутая рука дрожит. В мальчике была такая уверенность, словно его глазами смотрел какой-то очень древний дух.

– У мертвых нет короля, Уильям. Пойдем с нами.

– Так вот почему отец убил Джастиса? – спросил Уильям. – Он послал его вперед, чтобы он ждал меня там? Ждал, чтобы помочь мне?

Гомст почувствовал на своих плечах груз тяжелее, чем взгляд Олидана, тяжелее, чем Высокий Замок, возвышающийся над ним на сотню футов. Простая ложь. Простая ложь, чтобы спасти мальчика от гнева отца.

– Верно? – спросил Уильям.

– Да.

И Гомст увел мальчиков из темноты.

– Вы солгали, – прошептал Йорг на лестнице, когда Уильям отстал.

Гомст ничего не ответил. Ложь нежна и услужлива. Правда сурова и полна острых углов. Она редко кому помогает. Иисус сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня». Но в Высоком Замке имел значение только один отец, и это был не Гомст и не Господь.

Гомст знал себя достаточно хорошо. И истина была в том, что ложь – это единственное, что могло его спасти.

Примечание. Я показал вам отца Гомста глазами Йорга, и хотя, повзрослев, Йорг научился видеть глубже, мы никогда по-настоящему не исследовали этого человека. Я никогда не думал о Гомсте как о герое или злодее, хотя, конечно, юный Йорг видел его в нелестном свете. Меня заинтересовала идея слабовольного человека, наделенного неограниченной властью, и Гомст является таким примером. Человек со множеством недостатков, обычный человек с довольно добрым сердцем и должностью, представляющей абсолютную власть... Люди часто спрашивают меня, вижу ли я себя скорее Йоргом или Джаланом (из моей трилогии «Война Красной Королевы»). Иногда мне кажется, что как автор, обладающий в своих выдуманных мирах абсолютной властью... я больше всего похож на Гомста!

Благодарности

Огромное спасибо Агнес Месарош за бета-ридинг многих рассказов этого тома и активное обсуждение идей. Также моему редактору в «Вояджер», Джейн Джонсон, которая редактировала первые два из написанных мною рассказов о «Разрушенной Империи».

Большое спасибо Пэн Астридж за обложку к этому тому и за иллюстрации к нескольким моим рассказам, а также за другой замечательный и интересный художественный вклад в различные мои затеи.

Я должен также отметить сборники/журналы, для которых первоначально писались некоторые из этих рассказов: антологии Unfettered, Legends 2, Unbound, The Blackguards и журнал Grimdark Magazine.

Погуглив, вы также можете найти бесплатные аудио версии «Спящего Красавца» и «Выбора режима». Они размещены на SoundCloud в исполнении Ричарда Форда и Т.О. Мунро соответственно.